

<p>Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал)</p> <p>Выходит 4 раза в год</p>	<p>Серия гуманитарных наук</p> <p>ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА</p>	<p>12+</p> <p>ISSN 2306-8450</p> <p>Выпуск 3 (23)</p> <p>2022</p>
--	---	---

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Арекеева С. Т., Зайцева Т. И., Камитова А. В. Удмуртская литературная драма и драматургия первой трети XX в. 4

Доброноженко Г. Ф. Крестьяне и власть в 1921–1922 годы (по информационным сводкам отделов ВЧК-ОГПУ Европейского Севера России) 15

Душенкова Т. Р. Выражения с компонентом вир ‘кровь’ в удмуртской лингвокультуре 28

Немирова Н. В. Лексикографические аспекты прецедентности 35

Панина Т. И. Мифологизация крови в заговорно-заклинательной практике удмуртов 48

Урманчеева И. С. Явления комплексного варьирования печорских и общерусских фразеологических единиц 58

Чикина Н. В. Особенности перевода поэзии С. Есенина на финский язык Тойво Флинком 72

Шевяков Е. Г., Маталова С. В. Проблема использования электронного учебного пособия в социальном и педагогическом контексте современности 79

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Вильгельм Ине. Римская история: народный трибунал и эдилитет / перевод с немецкого А. А. Павлова, Н. А. Вуттке 90

Bulletin of Syktyvkar University (Science Magazine) Published 4 times a year	Humanities Series PHILOLOGICAL SCIENCES HISTORICAL SCIENCES JOURNALISM	12+ ISSN 2306-8450 Issue 3 (23) 2022
---	--	---

CONTENTS

RESEARCHES

Arekeeva S. T., Zaitseva T. I., Kamitova A. V. Udmurt literary drama and dramaturgy of the first third of the 20th century. 4

Dobronozhenko G. F. Peasants and the state power in 1921–1922 (based on summary reports from the Russian northern-European departments of the All-Russian Extraordinary Commission (VChk) and The Joint State Political Directorate (OGPU) 15

Dushenkova T. R. Expressions with the component vir 'blood' in the Udmurt linguoculture 28

Nemirova N. V. Lexicographic aspects of precedent 35

Panina T. I. Mythologization of blood in Udmurt folk medicine 48

Urmancheeva I. S. Phenomena of complex variation of Pechora and all-Russian phraseological units 58

Chikina N. V. Distinctive features in Toivo Flink's translations of S. Yesenin's poetry into Finnish 72

Shevyakov E. G., Matalova S. V. The problem of the using electronic teaching aid in the social and pedagogical context of modernity 79

PUBLICATION OF SOURCES, REVIEWS, MATERIALS, MEMOIRS

Wilhelm Ihne. The History of Rome: Tribune of the Plebs and Aedileship / *Translation from German by A. A. Pavlov, N. A. Vuttko* 90

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. Выпуск 3 (23). 100 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

М. В. Мелихов, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской филологии СГУ имени Питирима Сорокина;

Т.Ф. Волкова, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской филологии СГУ имени Питирима Сорокина;

Е. В. Остапова, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры коми филологии,
финно-угроведения и регионоведения СГУ им. Питирима Сорокина;

Ю. Н. Ильина, канд. филол. наук, доцент, директор института гуманитарных наук
СГУ им. Питирима Сорокина;

Г. В. Пунегова, канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник ИЯЛИ КНЦ УрО РАН;

С. Е. Обшанская, начальник международного отдела, старший преподаватель
кафедры иностранных языков СГУ имени Питирима Сорокина

Адрес редакции Вестника Сыктывкарского университета
167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 390-397

Редактор *Л. Н. Руденко*
Корректор *Е. М. Насирова*
Верстка и техническое редактирование *Н. Н. Шергиной*
Выпускающий редактор *Л. В. Гудырева*

Подписано в печать 27.10.2022. Дата выхода в свет 15.11.2022.
Формат 70x108/16. Усл. п. л. 11,6.
Заказ № 88. Тираж 27 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Коми республиканская типография»,
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCHES

Научная статья / Original article

УДК 821.511.131.09

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-4>

Удмуртская литературная драма и драматургия первой трети XX в.

Арекеева Светлана Тимофеевна¹, Зайцева Татьяна Ивановна²,
Камитова Алевтина Васильевна³

^{1, 2}Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

³Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Ижевск, Россия

¹sveta.arekeeva@gmail.com, ²uawoz@rambler.ru,

³akamitova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7119-1797>

***Аннотация.** Статья посвящена одной из слабо изученных сфер удмуртского литературоведения – драматургии. В работе рассмотрены особенности становления и развития удмуртской драмы и драматургии первой трети XX века, изучена их роль в национальном литературном процессе. Обращается внимание на то, что взаимосвязь драмы и театра, характерная для указанного периода, определила специфическую роль сцены, которая стала своеобразной экспериментальной площадкой для раскрытия самобытного творчества многих начинающих удмуртских авторов. На этапе формирования удмуртская литературная драма, прежде всего, основывалась на фольклоре, опиралась и на опыт русской литературы. При этом драма в значительно большей степени выполняла просветительскую функцию, в сравнении с прозой и поэзией. В статье представлена картина культурной жизни республики во взаимосвязи с развитием драматического искусства. Пьесы основоположников национальной драматургии отражают живое дыхание эпохи.*

***Ключевые слова:** удмуртская драматургия, национальный литературный процесс, литературная драма, пьеса, жанр, фольклор, русская литература, перевод*

Для цитирования: Арекеева С. Т., Зайцева Т. И., Камитова А. В. Удмуртская литературная драма и драматургия первой трети XX в. // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 4–14. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-4>.

Udmurt literary drama and dramaturgy of the first third of the 20th century

Svetlana T. Arekeeva¹, Tatyana I. Zaitseva², Alevtina V. Kamitova³

^{1,2}Udmurt State University, Izhevsk, Russia

³Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia

¹sveta.arekeeva@gmail.com, ²tvzver.1968@yandex.ru,

³akamitova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7119-1797>

Abstract. *The article is devoted to one of the poorly studied areas of Udmurt literary criticism - dramaturgy. The paper considers the features of the formation and development of the Udmurt drama and dramaturgy of the first third of the 20th century, their role in the national literary process is studied. Attention is drawn to the fact that the relationship between drama and theater, characteristic of this period, determined the specific role of the stage, which became a kind of experimental platform for revealing the original work of many beginning Udmurt authors. At the stage of formation, the Udmurt literary drama, first of all, was based on folklore, and also relied on the experience of Russian literature. At the same time, drama performed an educational function to a much greater extent, in comparison with prose and poetry. The article presents a picture of the cultural life of the republic in conjunction with the development of dramatic art. The plays of the founders of national dramaturgy reflect the living breath of the era.*

Keywords: *Udmurt dramaturgy, national literary process, literary drama, play, genre, folklore, Russian literature, translation*

For citation: Arekeeva S. T., Zaitseva T. I., Kamitova A. V. Udmurt literary drama and dramaturgy of the first third of the 20th century *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2022, 3: 4–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-4>.

История удмуртской драматургии – одна из наиболее слабо изученных сфер современного литературоведения. Особо нуждаются в осмыслении такие вопросы, как целостный анализ жанровой системы удмуртской драматургии, описание творческих индивидуальностей драматургов с учетом их поисков в историко-культурном контексте. В статье сделана попытка исследовать основные тенденции развития удмуртской драмы и драматургии первой трети XX в.

Драма – особый род литературы, двойственность природы которой – предназначенность для чтения и ориентированность на требования сцены – определяют ее специфику, связанную с необходимостью разграничивать литературную драму и драматургию (театральную постановку). Драматургия подразумевает создание художественного произведения с возможностью сценической реализации, впоследствии маркированной режиссерским прочтением.

В своих истоках удмуртская драма, по словам Кузубая Герда, восходит к эпохе, когда театральную функцию выполняли языческие обряды, праздники и коллективные народные гуляния [Герд, 1977, с. 102]. О широком распростране-

нии произведений народной драмы в календарно-производственной обрядности удмуртов писал П. К. Поздеев, изучивший их яркое проявление в свадебных обрядах, некоторых видах игр, в осеннем театрализованном обряде *pörtmasьkon* (ряженье) [Поздеев, 1964, с. 223]. П. Домокош верно отмечает, что «живой фольклор и практика народных обычаев являются источником и вдохновителем удмуртской литературной драмы» [Домокош, 1993, с. 104].

Удмуртскую драматургию на этапе зарождения характеризует то, что первые пьесы были рассчитаны прежде всего на чтение, а автор, создававший текст литературного произведения в драматической форме, зачастую выступал и в качестве «драматурга». Наиболее интенсивно драма начала развиваться в первые революционные годы.

Развитию национальной драматургии во многом способствовали создаваемые в начале XX в. драматические труппы, а также рабочие и сельские клубы, литературные студии и кружки, избы-читальни (*лыдзён коркаос*) и красные уголки (*горд сэрегёс*), выполнявшие функцию «литературных» театров, на которых разыгрывались сценарии, основанные на художественных произведениях, а также декламировались поэзия, публицистика, проза. «Только с революцией 1917 г., <...> когда у удмуртов проснулось чувство национального самосознания, среди удмуртской интеллигенции ощущается серьезное стремление к созданию городского театра “интеллигенции”», – пишет Кузубай Герд [Герд, 1977, с. 105]. Говоря о связи революционных событий и зарождения национального театра, П. Баграшов замечает: «Удмурт сцена революции бере потэмен гинэ кыре потйз. Революци удмурт калыкез жутйз, сое со бугыртйз. <...> Отысен тйни <...> удмуртлэн ас кылыныз спектакль пуктылэмез луиз» [Егитъёслы шудонъёс, 1921, с. 7] ‘Удмуртская сцена зародилась только после революции. Революция подняла удмуртский народ, взбудоражила. <...> Теперь <...> удмурты могут ставить спектакли на своем родном языке’.

На страницах периодических изданий этого периода есть информация о поставленных спектаклях; здесь же публикуются пьесы, которые сразу же включались в репертуар самодеятельных трупп. К примеру, в 1918 г. в газете «Гудыри» публикуется сочинение Кузубая Герда «Адзисьёс» («Свидетели»); примечательно, что жанр пьесы обозначается «шудон-серекъян» («игра-увеселение»).

После событий 1917 г. театральная жизнь в республике начала динамично развиваться в форме деятельности самодеятельных трупп. М. Тимашев (вероятно, испытывая влияние идей А. В. Луначарского) считал, что развитие удмуртского театра возможно в двух направлениях: профессионального городского и деревенского [Тимашев, 1928, с. 12]. В этот период практически во всех больших деревнях создавались любительские коллективы и организовывались сценические постановки.

Первые произведения и сценарии драматургического характера, написанные удмуртскими авторами, были созданы с опорой на фольклорную традицию и опыт русской литературы. Т. Г. Волкова также связывает истоки удмуртской драматургии с зарождающейся удмуртской детской литературой [Волкова, 2005, с. 33], с притчами, в частности, включенными в азбуку Н. Н. Блинова [Блинов, 1867, с. 4]. Так, две русские народные притчи из коллекции В. И. Даля, включен-

ные в азбуку в удмуртском переводе автора, дают читателю общее представление о конфликте, характере героя, о категориях комического и трагического. Диалоговая и монологическая формы сюжета притчи так или иначе служат неким образцом для выстраивания драматургических сцен. По канонам притчи в дальнейшем будут сложены прозаические и драматические тексты многих мастеров XX в. Начальные профессиональные шаги в этом направлении были сделаны Г. Е. Верещагиным, написавшим несколько пьес на удмуртском языке с 1895 по 1927 г., которые при жизни автора, к сожалению, остались не опубликованными.

Первым напечатанным драматическим произведением стала пьеса И. С. Михеева «Эн лушка» («Не кради»), вышедшая в 1906 г. в г. Казани. Следующее по хронологии издание – трагедия в стихах на русском языке «Эш-Тэрек» Кедр Митрея, изданная автором под псевдонимом Пан Реймит в 1915 г. в Благовещенске. «Эн лушка» И. С. Михеева – это агитационно-просветительская драма, «Эш-Тэрек» Кедр Митрея – трагедия исторической тематики. В обоих произведениях для осмысления глубоких проблем народной жизни актуализирован фольклорно-мифологический аспект.

Первым спектаклем на удмуртском языке явилась театральная постановка по комедии Л. Н. Толстого «От нее все качества», осуществленная в 1917 г. в Глазовском уезде А. Н. Урасиновой, учительницей, делегатом Первого Всероссийского съезда удмуртов. Искусствовед В. В. Ложкин отмечает, что «перевод текста комедии был осуществлен ею же» [Ложкин, 1981, с. 6]. Интересно, что комедия Л. Н. Толстого в переводе Кузубая Герда была издана отдельной книгой в 1919 г. в Елабуге под названием «Ваньмыз со бордысь потэ». Именно по ней осуществляются постановки толстовской комедии во многих удмуртских населенных пунктах республики и соседних областей, а также Сибири. Кузубай Герд пишет, что «в 1918 году театральная жизнь мощной волной захлестывает всю удмуртскую землю. Ставятся спектакли, устраиваются концерты, пишутся и переводятся различные пьесы» [Герд, 1977, с. 105]. В этот период в Малмыжском районе в с. Ципья формируются местные передвижные театральные труппы, в которой работают Кузубай Герд-Чайников, Разумовская, Шкляев, Павлова (имена участников труппы пока восстановить не удалось). Поставлены спектакли по пьесам Кузубая Герда: «Адзисьёс» («Свидетели»), «Люгыт сюрес вылэ» («На светлый путь»), а также по переведенной Гердом на удмуртский язык пьесе О. А. Михайловой «Ваня-большевик».

Удмуртский драматический театр был организован и в г. Елабуге. Кузубай Герд сообщает редактору газеты «Гудыри» («Гром») Т. К. Борисову, что была «шикарно» сыграна его пьеса «Люгыт сюрес вылэ», впервые поставленная вотской драматической труппой в с. Ципья [Васильева, 2018, с. 126–127]. В качестве артистов выступили писатели, поэты, критики М. Ильин, И. Векшин, С. Бурбуров [Удмурт театрлэн., 1928, с. 7], в это время работавшие в Елабуге.

Активное развитие многонациональной отечественной драматургии в 1920–1930-е гг. В. Гудкова объясняет тем, что «драма на сцене становится идеальной моделью обучения масс: людей учили “с голоса”» [Гудкова, 2008, с. 17]. Аналогичные мысли высказывались и на страницах журнала «Кенеш» («Совет»):

«Улонлэсь котькыче азьэ, кызы ке вань озы, синмын адзыны, пельын кылыны, суредэн возматыны, ас мылкыдэн шодыны понна театр кылдытэмын» [Пичи Вася, 1929, с. 23–24] ‘Все стороны жизни, все как есть – видеть глазами, слышать ушами, показать через образный рисунок: вот для чего создан театр’.

В начале 1920-х гг. много спектаклей было поставлено кружком, созданным в Алнашской волости, которым сперва руководил П. Бурбуров, затем – Спиридон Васильев.

Устойчивому развитию национальной драматургии способствовало открытие в 1923 г. Центрального удмуртского клуба, при котором работали различные кружки: драматический, музыкально-хоровой, политграмоты, литературный, марксистский и др. К примеру, с марта по октябрь 1923 г. было поставлено 28 спектаклей. Созданная в 1924 г. при клубе труппа, в которой работали А. Сугатов, А. Кириллова, Ложкин, Степанов, Петрова, Кондратьев, Н. Кириллов, особенно инициативно занялась популяризаторской деятельностью среди сельских удмуртов. Началась активная сценическая жизнь пьес М. Тимашева «Насьток» («Настенька») и «Ожлэн жечез» («Благо войны»). Интересно жанровое определение первых пьес удмуртских авторов, предлагаемое критикой тех лет. Так, Д. Баженов пьесы М. Тимашева определяет как «социальная драма» [Баженов, 1928, с. 34].

В Можге в 1928 г. труппой Удмуртского клуба были поставлены спектакли по пьесам М. Н. Тимашева «Ожлэн жечез» (1928) и «Насьток» (1929) г., которые были уже изданы отдельными книгами [Баженов, 1928, с. 34].

Важно указать, что с изданием в 1924 г. песенного сборника Кузубая Герда «Удмурт кырзанъёс» («Удмуртские песни») деятельность Удмуртского клуба несколько видоизменяется: концертные программы в какой-то мере начинают загромождать собой драматические постановки [Удмурт театрлэн.., 1928, с. 8].

В 1928 г. в с. Шаркан организуется удмуртский драмкружок, актерами которого были осуществлены постановки спектаклей по следующим пьесам: «Дунне бырон» («Конец света») П. Федорова, «Виль улон лэсьтисьёс» («Строители новой жизни») М. Тимашева, «Пеймытысь – югытэ» («Из темноты – в свет») И. Курбатова и др. [Лямин, 1928, с. 14].

Активизации процесса издания пьес на удмуртском языке и их постановок на сцене в начале 1920-х гг. во многом способствовали конкурсные мероприятия, организованные издательством «Удкнига». К примеру, в 1928 г. в результате отбора было запланировано издание двух пьес: М. Тимашева «Насьток» и К. С. Яковлева «Безымтэ мылкыд» («Не угасшее настроение»).

Над созданием драматических произведений в эти годы работают авторы-женщины. Это М. Баженова («Попен пелляськисен огкадесъ» = «Поп и знахарь одного поля ягоды», 1924; «Вася но визьмо луэм ни вал» = «И Вася было уже образумился», 1925 и др.) и А. Скобелева («Пересьлэн малпамез» = «Думы старика», 1924; «Удмурт гуртын комсомол» = «Комсомол в удмуртской деревне», 1925). Но ниша оригинальных драм в удмуртской литературе оставалась не заполненной, была очевидна востребованность в авторских сценических постанов-

ках. Не случайно М. Лямин одним из первых предложил апробировать на сцене Удмуртского клуба новые пьесы удмуртских авторов, которые он называет «шудон книгаёс» [Лямин, 1928, с. 15]. Надо сказать, в эти годы у зрителя велика потребность в пьесах на современные злободневные темы. Это с одной стороны, с другой – в легких одно-двухактных постановках, с превалированием смешных и «слёзных» сюжетов, сопровождаемых песенными сценами.

Создавались пьесы для детей и молодежи, хотя это были единичные опыты. В 1921 г. опубликован специальный сборник «Егитъёслы шудонъёс» («Пьесы для молодежи») [Егитъёслы шудонъёс, 1921], состоящий из оригинальных и переводных произведений, предназначенных для постановок в школах. В эту книгу вошли пьесы «Онись» («Анисья») Д. А. Майорова; «Пронь» и «Азьтэм егит» («Молодой лодырь») неизвестных авторов в переводе на удмуртский язык Владыкиной (личность переводчика пока не установлена); пьеса «Эш луизы» («Стали друзьями»), автор которой также не указан, в переводе Герда, и пьеса «Школаын» («В школе») в переводе Поздеева.

Жанровый состав издаваемых в этот период в республике художественных книг разнообразен. Как правило, пьесы включались в сборники рассказов, стихов, загадок. Например, в книге Кедр Митрея «Пилем улысь шунды шоры. Изпод туч на солнышко», наряду с рассказами, представлены пьесы «Обокат» («Адвокат») и «Калгись» («Странник») [Пилем улысь..., 1926]. Драматургические произведения включались и в учебные издания. Так, А. З. Ларионов в рабочую книгу для школьников «Ужаса дышетскон мылкыд» («Обучение через труд») ввел сценку-пьесу «Вуж тйрлык'ёслэн жожкемзы» («Жалобы старых инструментов») [Ларионов, 1928, с. 32–37]. Сюжет произведения связан с событиями, характерными для индустриального обновления страны. Центральная сцена пьесы – судебное заседание, на котором герои-предметы с говорящими фамилиями (*Пересь Геры* «Старая Соха», *Горбат Сюрло* «Горбатый Серп», *Кизён Куды* «Лукошко для ручного сева», *Векась Культо* «Чахлый Сноп», *Таза Культо* «Крепкий Сноп») жалуются на свою не востребованность. Их хозяин-земледелец (*Музьем Ужась*) вместо ручных орудий производства планирует покупать сельхозмашины. Судья выносит приговор – сдать старые вещи в музей, говорит о необходимости модернизации крестьянского хозяйства, создания трудового коллектива.

В художественную хрестоматию для чтения «Виль сюрес» («Новый путь») Кузубая Герда включено произведение «Ю-няньлэн бёрдэмез» («Плач хлеба») с жанровым определением «игра» (*шудон*) [Герд, 1929, с. 51–55]. Эта небольшая одноактная пьеса предназначена для игры на сцене. Действующими лицами выступают крестьяне, овощи (свекла, морковь, капуста), снопы ржи, овса, ячменя, Троеполье, Деятиполье. Предваряющая сценку ремарка дает возможность представить мизансцену, декорации и костюмы героев пьесы: *Учкисьёс азьын – корка. Жёк съёрын кык кресьян'ёс начар дйсен пуко* [Герд, 1929, с. 51] («Перед зрителями – изба. За столом сидят два бедно одетых крестьянина»). В соответствии с требованиями драмы, в этой пьесе имеются ремарки, список действующих лиц, основной текст, состоящий из диалогов и монологов героев. Пьеса носит просве-

нительско-пропагандистский характер, обращенный к актуальным вопросам сельского хозяйства; здесь разъясняется преимущество многополья – севооборота, при котором многократно чередуются посевы различных культур.

В драматургии рассматриваемого периода большое место занимали пьесы русских писателей в переложении удмуртских авторов. Популярностью в зрительской среде пользовались пьесы Л. Н. Толстого «Первый винокур» (в переводе И. Яковлева «Аракы пöсьтонэз поттйсь») [Яковле, 1920], А. Н. Островского «Не так живи, как хочется» (в переводе А. Садакова «Кизы улэмед потэ, озы эн улы») [Кизы улэмед потэ., 1920], О. А. Михайловой «Ваня-большевик» (в переводе Кузубая Герда «Ваня-большевик») [Ваня-большевик, 1920], А. В. Ульянинского «Счастливые» (в переводе Г. И. Иванова «Шудоос») [Ульянинский, 1938] и др. В книгу «Безбожной пьесаос» («Безбожные пьесы») вошли пьесы Гр. Градова, А. Серафимовича, С. Городецкого [Безбожной пьесаос, 1934], авторы переводов их текстов на удмуртский язык в книге не указаны.

В пореволюционное десятилетие активные жанровые поиски в драматургии ведут такие авторы, как М. Баженова, Кузубай Герд, Е. Ефремов, Жомбо Очей, Кедр Митрей, А. Клабуков, Д. Майоров, И. Михеев, А. Сугатов, М. Тимашев, К. Яковлев и др. Они четко осознавали большие возможности воздействия драматического искусства на своего современника. За короткий исторический период в удмуртской литературе было создано более сорока пьес в таких жанровых формах, как революционно-агитационная и социально-бытовая драма, историческая трагедия, водевиль, сатирическая комедия, драма-комедия, мелодрама, революционная драма и др.

Молодые удмуртские драматурги, как правило, не конкретизировали жанровый «статус» своих произведений, они обозначали их просто: «*пьеса*», «*шудон*», «*шудон-пьеса*». Для них характерны – обращение к актуальным социальным вопросам, дидактизм, четкая идейная позиция, непосредственное использование приемов фольклора и этнографического материала. Агитационные пьесы просветительского содержания отличает обличение «темноты» народа, устаревших нравов.

Качественно новый этап развития удмуртской драматургии связан с основанием в республике в 1931 г. профессионального государственного театра, открытие которого состоялось с постановки драматических произведений «Вало ёр куашетэ» («Шумит река Вала») И. Г. Гаврилова и «Батрак» М. Петрова. С этого момента пьесы И. Г. Гаврилова входят в состав постоянного репертуара Государственного удмуртского театра. «Гаврилов, видимо, намного уверенней чувствует себя в мире театра, который в 30-е годы был гораздо менее горячим и напряженным, чем мир литературы и науки», – пишет П. Домокош [Домокош, 1993, с. 321]. Разнообразная тематика гавриловских драм, умелое использование автором новаторских художественно-образительных приемов, безусловно, привлекала зрителя. Тем не менее, автору не раз приходилось выслушивать в адрес своих пьес весьма резкие замечания со стороны критики. «Гавриловлэн театрез, тужгес ик нырысь, трос ласянь маскаслэн театрыз вал. Ма, асьме дауре ини удмурт ар-

тистьёс, вашкала Грециын выллем, шулдыр я жож мылкыдэз, лачмыт я лек сямез пусйись маскаос ӧз тыре. Со «маскаос» характер, тип кылдытонын шӧдӱсьскизы, классовой типӱёсты ог выллемгес возматоннын» [Ермолаев, 1986, с. 9] ‘Театр Гаврилова, особенно в начале, во многом был театром масок. А в нашу эпоху удмуртские артисты, как в древней Греции, не должны надевать маски, выражающие радостное или грустное настроение, смиренный или злобный нрав. Эти «маски» обнаруживаются в передаче характера, в показе классовых типов’.

Открытие Удмуртского драматического театра обусловило потребность не только в пьесах, но и в актерах. Ядром труппы стали члены драмкружка при Центральном Удмуртском клубе, выпускники ижевских двухгодичных театральных курсов Ижевского театрально-художественного техникума. Также национальный театр в качестве актеров начал привлекать талантливую молодежь из сельской местности. Так, перед научной экспедицией, организованной в 1933 г. под руководством Д. С. Васильева-Буглая, помимо сбора фольклорного материала стояла «задача накопления ресурса для театра и радиокомитета; поиска и вовлечения молодежи, умеющей хорошо петь, говорить и танцевать, работать на подмостках театра, готовых пройти учебу в музыкальном техникуме» [Прохорова, 1934, с. 58]. Для наглядности и воодушевления «кандидатов» вместе с научным составом в экспедицию выехали певцы и члены драмбригады радиокомитета.

Постепенно появилась возможность просвещения народа посредством транслирования музыки, песен, рассказов, пьес через радиоприемники и радиовещательные аппараты. Важна роль и критических заметок, посвященных разъяснению сути спектаклей, идущих на сцене удмуртского театра по пьесам национальных авторов и переводных текстов. На страницах газеты «Вьль гурт» («Новая деревня») живо обсуждались проблемы развития радиодраматургии, которая во многом отличается от театральных постановок. В этот период руководителем драмгруппы при республиканском радиокомитете был А. И. Саратов. Именно он активизировал вещание различных литмонтажей по удмуртскому радио.

В заключение статьи следует отметить, что формирование и развитие удмуртской драматургии во многом обусловлено культурно-историческим контекстом эпохи. Плодотворное воздействие на становление национального драматического искусства оказали создаваемые в пореволюционные годы драматические труппы. Первые пьесы удмуртских авторов создавались с опорой на фольклорную традицию, опыт русской литературы, нарабатываемый посредством перевода. Удмуртские драматурги, апробируя разнообразные жанровые формы, сумели оптимально решить творческие задачи, поставленные перед ними эпохой.

Список источников

1. *Баженов, 1928* – Баженов Д. Будӱськомы вылэм // Кенеш. 1928. № 13. С. 33–34.
2. *Безбожной пьесаос, 1934* – Безбожной пьесаос. Ӗуч кылысь берыктэмын / отв. ред. М. Петров. Ижевск: УДГИЗ, 1934. 54 с.
3. *Блинов, 1867* – Блинов. Лыдзонь. Азбука для вотских детей. 1867. 220 с.

4. *Ваня-большевик, 1920* – Ваня-большевик: туалара арын гуртын калыклэн улэмез сярсысь: шудон IV действиин / Гожтйз дышетсысь О. А. Михайлова; удмуртъяслы тупатса берыктйз К. П. Чайников. Изд. Елабуж. Вот. подотд., Отд. национальностей. Елабуга: Тип. Экономотдела Казан. Губсовнархоза, 1920. 20 с.

5. *Васильева, Воронцов, 2018* – Васильева О. И., Воронцов В. С. «Веками угнетенная раса сбрасывает оковы...»: письма удмуртской интеллигенции редакторам газет «Виль синь» и «Гудыри» (1918–1919 гг.) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 3. С. 119–130.

6. *Волкова, 2005* – Волкова Т. Г. Становление удмуртской детской литературы: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005. С. 33.

7. *Герд, 1977* – Герд К. Удмуртский театр // О ней я песнь пою.: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1977. С. 101–106.

8. *Герд, 1929* – Герд К. Ю-няньлэн бӧрдэмез // «Новый путь». Художественная хрестоматия для чтения в удмуртской школе. На удмуртском языке. Изд. 2-е, заново переработанное из книги «Шуныт Зор». Ижевск: Тип. ВотоблГИЗ-а «Удкнига», 1929. С. 51–55.

9. *Гудкова, 2008* – Гудкова В. В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 453 с.

10. *Домокош, 1993* – Домокош П. История удмуртской литературы / пер. с венгерского В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.

11. *Егитъяслы шудонъяс, 1921* – Егитъяслы шудонъяс. Ижевск: Удкнига, 1921. 77 с.

12. *Ермолаев, 1986* – Ермолаев А. А. Игнатий Гавриловлэн зарни крезез // И. Г. Гаврилов. Люкам сочинениос: 3 томен. Т. 1. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 5–18.

13. *Кизы улэмед потэ, 1920* – Кизы улэмед потэ, озы эн улы. Народная драма в трех действиях А. Н. Островского: «Не так живи, как хочется» / перевел А. Садаков. Издание Казанского Вотского Издательского Подотдела. Казань: пятая государственная типография, 1920. 40 с.

14. *Ларионов, 1928* – Ларионов А. З. Вуж тйрлык'ёслэн жожкемзы // Ужаса дышетскон мылкыд. Рабочая книга для третьего года обучения в вотских школах I-й ступени. Ижевск: Удкнига, 1928. С. 32–37.

15. *Ложкин, 1981* – Ложкин В. В. Удмуртский театр. Исторический очерк. Ижевск: Удмуртия, 1981. 175 с.

16. *Лямин, 1928* – Лямин М. Удмурт театрилэн 10 ар тырмон аяз // Кенеш. 1928. № 15. С. 14–16.

17. *Пилем улысь, 1926* – Пилем улысь шунды шоры. Из под туч на солнышко. Ижкар: Удкнига, 1926. 55 с.

18. *Пичи Вася, 1929* – Пичи Вася. Гурт калыклы театр кулэ // Кенеш. 1929. № 5 (23). С. 23–24.

19. *Поздеев, 1964* – Поздеев П. К. О собирании и изучении удмуртского фольклора // Доклады и сообщения. Вып. 2: По материалам III научной конференции / Казанское зональное объединение кафедр литературы группы педагогических институтов. 1964. Вып. 2. С. 223–238.

20. *Прохорова, 1934* – Прохорова А. Кылзэлэ! Вераське удмурт радиостанци // Кылбурет удысын. 1934. № 4–5. С. 56–63.

21. *Тимашев, 1928* – Тимашев М. Удмурт театр // Кенеш. 1928. № 15. С. 12–14.

22. *Удмурт театрилэн, 1928* – Удмурт театрилэн 10 ар тырмемез. Удмурт клубын Баграшов эшлэн доклад лэсьтэмез // Кенеш. 1928. № 13. С. 7–9.

23. *Ульянинский, 1938* – Ульянинский А. Шудоос. Счастливые. Одноактная пьеса. На удмуртском и русском языках. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. 59 с.

24. *Яковлев, 1920* – Яковлев И. Аракы пöсьтонэз поттйсь. Переделки пьесы Л. Н. Толстого «Первый Винокур». Издание Казанского Вотского Издательского Подотдела. Казань, 1920. 27 с.

References

1. *Bazhenov, 1928* – Bazhenov D. Budïskomý vylem. *Kenesh*. 1928. No. 13. Pp. 33–34. (In Udmur.).

2. *The Godless Play, 1934* – The Godless Play. *Žuch kyls beryktemyn* / Ed. by M. Petrov. Izhevsk: UDGIZ, 1934. 54 p. (In Udmur.).

3. *Blinov, 1867* – Blinov. Lydzon. The alphabet for the votsky children. 1867. 220 p. (In Udmur.).

4. *Vanya-Bolshevik, 1920* – Vanya-Bolshevik: tuala aryn gurtyn kalyklen ulamez syarys: shudon IV action / gozhtïz dyshetys O. A. Mikhailova; udmurtyesly tupats beryktïz K. P. Chaynikov. Ed. Elabuzh. Here. under otd., otd. nationalities. Yelabuga: Type. Kazan Economics Department. Gubsovnarkhoz, 1920. 20 p. (In Udmur.).

5. *Vasilyeva, Vorontsov, 2018* – Vasilyeva O. I., Vorontsov V. S. "The oppressed race has been shedding its shackles for centuries...": letters of the Udmurt intelligentsia to the editors of the newspapers "Ville Sin" and "Gudyri" (1918–1919). *Yearbook of Finno-Ugric studies*. 2018. Vol. 12. No. 3. Pp. 119–130. (In Russ.).

6. *Volkova, 2005* – D. Volkova. G. Boris literature of childhood formation: dis. ... Candidate of Philology. science. Izhevsk, 2005. 33 p. (In Russ.).

7. *Gerda, 1977* – Kuzebai Gerd. Udmurt. *a song About her or I sing ...: Poems of the poem I., I. articles of scientific work, letters*. Izhevsk: Udmurtia, 1977. Pp. 101–06. (In Russ.).

8. *Gerda, 1929* – Kuzebai Gerd. Bread crying. *"the way of the young oilman"*. *Anthologies in. The school of muvir reading is an artistic birth*. More Udmurt news. Ground. 2nd, reworked books of stones "warm rain". Izhevsk: Type. Votoblgiz-a "Udkniga", 1929. Pp. 51–55. (In Udmur.).

9. *Gudkova, 2008* – V. Gudkova. V. Plots of Soviet birth: typology of the domestic drama of the 1920s – 1930s the beginning of the year. Moscow: Literary New Review, 2008. 453 p. (In Russ.).

10. *Domokosh, 1993* – P. Domokosh. Literature New Year's stories / V. S. Hungarian Translation. Vasovchik. Izhevsk: Udmurtia, 1993. 448 p. (In Russ.).

11. *Young Games, 1921* – Attracting games. Izhevsk: Udkniga, 1921. 77 p. (In Udmur.).

12. *Ermolaev, 1986* – A. Ermolaev. A. Ignatiy golden gusli Gavrilov. I. G. Gavrilov. *Collected works*: 3 vol. D. 1. Ustinov: Udmurtia, 1986. Pp. 5–18. (In Udmur.).

13. *I want to sow to live ..., 1920* – I want to sow to live, not to live like that. A.V. Narodnaya drama in three acts. N. Ostrovsky: "Don't live the way you want" / transl. A. Sadakov. Kazan Sub-Department Of The Votsky Publishing House. Kazan: State Printing House of the Fifth, 1920. 40 p. (In Udmur.).

14. *Larionov, 1928* – A. Larionov. Really. Old stuff 'žozhkem collective. *Studies the desire to work. The book by Alain wott of the I century. The working muvir of the third-the revealed steps in the Votsk schools*. Izhevsk: Udkniga, 1928. Pp. 32–37. (In Udmur.).

15. *Lozhkin, 1981* – V. Lozhkin. V. Ans theater. Historical essay. Izhevsk: Udmurtia, 1981. 175 p. (In Russ.).

16. *Lyamin, 1928* – M. Lyamin. To the 10th anniversary of the Udmurt Theater. *The Council*. 1928. No. 15. Pp. 14–16. (In Udmur.).

17. *Under the clouds, 1926* – The sun came out on the Clouds. And, maybe, another sun cloud stone. Izhevsk: Udkniga, 1926. 55 p. (In Udmur.).

18. *Little Greedy, 1929* – Little Greedy. People need a home theater. *The Council*. 1929. No 5 (23). Pp. 23–24. (In Udmur.).

19. *Pozdeev, 1964* – P. Pozdeev. K. Argancha collecting the study of folklore I. O. *Reports and message. Issue 2: based on the materials of the III scientific conference of the regional association of groups of pedagogical institutes of Kazan literature departments*. 1964. Issue. 2. Pp. 223–238. (In Russ.).

20. *Prokhorov, 1934* – A. Prokhorov. Listen up! They say the Udmurt radio station. *In the field of poetry*. No. 4-5. 1934. Pp. 56–63. (In Udmur.).

21. *Timashev, 1928* – M. Timashev. Udmurt Theatre. *The Council*. 1928. No. 15. Pp. 12–14. (In Udmur.).

22. *National Theater, 1928* – the 10th anniversary of the National Theater. To make a report in the club of friends of bagrashov Udmurt. *The Council*. 1928. No. 13. Pp. 7–9. (In Udmur.).

23. *Ulyaninsky, 1938* – And Ulyaninskoe. Happy. Happy. One-act play. And also Russian Udmurt languages. Izhevsk: Udmurtgosizdat, 1938. 59 p. (In Udmur. and in Russ.).

24. *Yakovlev, 1920* – I. Yakovlev. A drunken attack came out. Alterations of L. Tolstoy's play "Colleagues of the Distiller". Kazan Sub-Department Of The Votsky Publishing House. Kazan, 1920. 27 p. (In Udmur.).

Информация об авторе / Information about the author

Арекеева Светлана Тимофеевна

Svetlana T. Arekeeva

кандидат педагогических наук, доцент
Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия, 426034,
ул. Университетская, 1

Candidate of Education, Associate Professor
Udmurt State University, Izhevsk,
1, St. Universitetskaya, 426034, Russia

Зайцева Татьяна Ивановна

Tatyana I. Zaitseva

доктор филологических наук, доцент
Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия, 426034,
ул. Университетская, 1

Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor Udmurt State University, Izhevsk,
1, St. Universitetskaya, 426034, Russia

Камитова Алевтина Васильевна

Alevtina V. Kamitova

кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник
Удмуртский федеральный исследовательский
центр УрО РАН, Ижевск, Россия,
426067, ул. им. Татьяны Барамзиной, 34

Candidate of Philology, Senior Researcher
Udmurt Federal Research Center of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, 34, St. them. Tatyana Baramzina,
426067, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

17.08.2022
25.08.2022
28.09.2022

**Крестьяне и власть в 1921-1922 годах
(по информационным сводкам
отделов ВЧК-ОГПУ Европейского Севера России)**

Доброноженко Галина Федоровна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия
g_dobronozhenko@mail.ru

***Аннотация.** На основании спецсводок органов государственной безопасности Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний, Коми (Зырянской) области показана реакция крестьян на голод и насильственные действия власти, отношение к продналоговым кампаниям и трудгужевинности начала 1920-х гг. Раскрыта специфика традиционного крестьянского восприятия власти. Выяснено отношение различных социальных слоев северной деревни к экономической политике советской власти и коммунистической партии.*

***Ключевые слова:** политсводки, чрезвычайные комиссии, северное крестьянство, продовольственный вопрос, «женские бунты», продналог, трудовая и гужевая повинности, кулаки и зажиточные, беднейшие слои деревни*

Для цитирования: Доброноженко Г. Ф. Крестьяне и власть в 1921–1922 годах (по информационным сводкам отделов ВЧК-ОГПУ Европейского Севера России) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 15–27.
<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-15>.

**Peasants and the state power in 1921-1922
(based on summary reports from the Russian northern-European
departments of the All-Russian Extraordinary Commission (VChk)
and The Joint State Political Directorate (OGPU))**

Galina F. Dobronozhenko

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
g_dobronozhenko@mail.ru

***Abstract.** Peasants' response to famine and acts of violence from the state, to prodnalog (the food tax-in-kind) campaigns and to the labour and animal corvées of the early 1920s, is shown based on special reports from the state security bodies of the Arkhangelsk, Vologda and Northern Dvina Governorates, and the Komi (Zyryan) Oblast. The specific features of the traditional perception of the state power by peasants are revealed. The attitude towards the econom-*

ic policies of the Soviet state and the communist party expressed by various social strata within the northern country-side is explained.

Keywords: *political reports, extraordinary commissions, northern peasantry, the food issue, women's riots, prodnalog, labour and animal corvées, kulaks and well-off peasants, poorest strata of the country-side*

For citation: Dobronozhenko G.F. Peasants and the state power in 1921-1922 (based on summary reports from the Russian northern-European departments of the All-Russian Extraordinary Commission (VChk) and The Joint State Political Directorate (OGPU). *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2022, 3: 15–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-15>.

В 1920-е гг. важнейшим источником мониторинга общественных настроений, отношения разных социальных групп к политике советской власти и коммунистической партии был документальный комплекс материалов ВЧК-ОГПУ, представленный главным образом информационными политическими сводками. В новейшей литературе дан обстоятельный анализ этого типа источников с точки зрения достоверности и репрезентативности приводимой в них информации [Доброноженко, 2022; Советская деревня, 1998, с. 8–9; Советская деревня, 2000, с. 51].

Поворот к новой экономической политике весной 1921 г. был вызван поисками выхода из тупиков, в которые военный коммунизм загнал страну и большевистскую власть. С осени 1920 г. ситуация для большевистской власти складывалась просто катастрофическая. Крестьянские восстания, поставившие под угрозу само существование большевистской власти, выдвинули перед партией альтернативу: или перманентная гражданская война с основной массой населения, или гражданский мир на основе широких компромиссов с крестьянством.

Признав, что «прежняя наша программа была теоретически правильна, но практически несостоятельна», большевики объявили об изменении экономической политики [Ленин, 1973 а, с. 69; Ленин, 1973 б, с. 44, 222]. Власть пошла на уступки крестьянину и установила «с этим последним капиталистическим классом» вынужденный и – главное – временный союз. Социальный компромисс, заключенный властью с крестьянством, не означал отказа от главной цели, запрограммированной коммунистической идеологией – «построение социализма». Основная задача, конечная цель борьбы оставалась для большевиков «незыблемой»: «Мы боремся за уничтожение капитализма и за установление коммунизма» [Ленин, 1973 а, с. 319].

Социальная политика большевиков в годы нэпа была обречена на поиск золотой середины между политической доктриной («построение социализма») и экономической целесообразностью (решение задачи восстановления экономики и социалистической модернизации). Первая требовала проведения «классовой» политики, направленной на поддержание бедняцких слоев деревни, которые воспринимались властью как опора в строительстве социализма, и стремление не допустить, или, по крайней мере, ограничить возрождение капиталистических

(кулацких) хозяйств. Вторая – стимулировать развитие сельского хозяйства, без чего невозможно было обеспечить продовольствием город и армию, импортировать в страну промышленное оборудование, необходимое для создания новой индустриальной базы экономики. Увеличение производства сельскохозяйственной продукции в условиях нэповской экономики было возможно только на основе дальнейшего развития частного индивидуального крестьянского хозяйства, а следовательно, и перехода значительной их части в разряд «зажиточных», т.е. неизбежного движения с точки зрения партии в «кулацком» (капиталистическом) направлении.

Успех нэповской модели модернизации зависел от того, сможет ли власть добиться в лице крестьянства союзника своей политике. Большевики должны были сделать выбор: или «классовая борьба» во имя социалистических лозунгов, или «социальный мир» в деревне во имя достижения «социального консенсуса» [Подробнее: Доброноженко, 2011 а, с. 50–66; Доброноженко, 2011 б, с. 81–85].

Проведение новой экономической политики было затруднено катастрофой – голодом, обрушившемся на страну летом-осенью 1921 г. На Европейском Севере критическое продовольственное положение складывается уже в марте-апреле 1921 г. Северное крестьянство, традиционно питавшееся преимущественно привозным из других губерний хлебом, должно было как-то выжить в жестких экстремальных условиях почти полного самообеспечения.

Тема голода становится центральной в информационных сводках губернских чрезвычайных комиссий (далее – ЧК). В апреле 1921 г. чекисты сообщали из Архангельской губернии: «Здесь очень большой голод и холод, люди ходят как волки голодные, боязнь развивается, жители умирают из-за голода и холода»; в мае – «Продовольственное положение некоторых уездов самое критическое: крестьяне выпекают хлеб со мхом, до нового урожая хлеба не хватает. В некоторых уездах появился сыпной тиф» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 15; Советская деревня, 1998, с. 445].

Тревожные сводки «о повсеместном употреблении крестьянами в пищу коры и других суррогатов в качестве добавок к хлебу», «массовых случаях заболеваний на почве голода со смертельными случаями» поступали в Москву из северных регионов в течение всего 1921 – первой половины 1922 г. [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 15, 17, 25, 32–33; Советская деревня, 1998, с. 431, 537, 465–466]. В информационном бюллетене Коми (Зырянской) областной ЧК в ноябре 1921 в разделе «продовольственное состояние» утверждалось: «Волости, расположенные в тех местностях, где хлебопашеством меньше занимаются, или же климатические и бытовые условия, урожайность всегда низка: Вишерском, Печорском и Удорском районах, то там население свои хлебом обеспечено лишь только на несколько месяцев, беднейшее крестьянство и сейчас для подспорья чистый хлеб смешивает с разными суррогатами, ввиду такого положения слышны ропоты на советскую власть. Нуждающееся население ничем не заинтересовано кроме обеспечения себя продовольствием» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 25].

В марте-апреле 1921 г. фактически все северные губернии охватили «голодные бунты». Сводки ЧК особо фиксируют многочисленные факты женских вы-

ступлений. Активными участниками волнений были главным образом самые бедные крестьяне.

Массовые «женские бунты» происходили в Пинежском уезде Архангельской губернии. В политсводке губернского военного комиссара в начале марта 1921 г. сообщалось, что настроение населения «не удовлетворительное, наблюдаются в некоторых волостях восстания, исключительно женщин, не дающих вывозить хлеб, подлежащий переброске в другие волости, силами милиции удалось навести порядок <...> мужчины участия в восстании не принимают. Укомом коммунисты командированы для агитации. Наррота для подавления восстания надежна, предосторожности все приняты» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 15]. 22 марта вспыхнуло восстание женщин в Совпольской волости уезда. Женщины протестовали против «выполнения наряда» уездного продовольственного комитета. Как утверждалось в сводке, восстание было ликвидировано в конце марта без применения оружия; были арестованы 30 человек. В Михайловской волости протест женщин против отбора хлеба был подавлен с помощью вооруженных сил [Советская деревня, 2000, с. 395, 398]. По докладу осведомителя, в начале апреля в деревне Сюзьма «взбунтовались бабы, убили всех служащих Совета за неправильные дела и за самогонку. Теперь очень много приехали отрядов за хлебом и очень много увезли; по деревням идет повальный обыск, не знаем, что будет» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 15]. Вооруженное повстанческое движение весной-летом 1921 г. охватило и Печорский уезд Архангельской губернии [Таскаев, 2011, с. 492–496].

О тревожной ситуации на почве продовольствия сообщалось в докладах с мест и в сводках Вологодского губчека. 14–22 марта 1921 г. под лозунгом «Долой коммунистов!» прошло самое масштабное на Европейском Севере восстание в Вельском уезде, в котором принимало участие более трех тыс. крестьян. Главными зачинщиками бунта, как и в Пинежском уезде, были женщины [Подробнее: Доклад о восстании, 1995, с. 158–168; Саблин, 1994, с. 180–195; Саблин, 2004, с. 245–253; Трошина, 2013, с. 213–224]. Восстание перекинулось и на соседний Каргопольский уезд. Председатель губчека в телеграмме в Москву 21 марта писал: «В Каргопольском у. и прилегающих волостях – восстание. Милиция и исполком арестованы. Меры к ликвидации принимаются» [Советская деревня, 2000, с. 395].

Стихийные голодные волнения крестьян периодически вспыхивали до осени 1922 г., пока новый, относительно хороший урожай хлеба, несколько снял напряженность в деревне.

Самым важным вопросом для голодающих крестьян было выполнение сельскохозяйственных «разверсток». 21 марта 1921 г. декретом ВЦИК было объявлено о замене продразверстки продналогом, который должен был быть четко фиксирован, а его размеры объявляться заранее. В отличие от продразверстки, облагавшей хозяйства селения или волости вместе взятые (за исключением бедноты) и предусматривавшей коллективную ответственность за невыполнение, натуральный налог облагал все без исключения хозяйства в индивидуальном порядке, и должен был взиматься в виде отчисления от производимых в хозяйстве про-

дуктов. Крестьяне выплачивали множество налоговых натуральных «разверсток»: на пшеницу, рожь, овес, ячмень, сено, картофель, мясо, масло, молоко, яйца, шерсть и другие продукты. Декретом ВЦИК и СНК от 17 марта 1922 г. был введен единый натуральный налог, который исчислялся в пудах ржи или пшеницы и выплачивался основными продуктами, производящимися в данном крестьянском хозяйстве. Сохранился отдельно натурналог на масло и яйца (маслояичный налог).

Натуральные налоги начислялись летом, а их сбор – в сентябре-октябре. Замена продразверстки продналогом не привела к снижению размера платежей для крестьянских хозяйств. В госинфсводке Северо-Двинской губернской ЧК от 28 июля 1921 г. даже признавалось превышение размера налога над продразверсткой [Советская деревня, 1998, с. 474]. В сводке за 15 июня – 15 июля 1921 г. сообщалось: «крестьяне говорят, что продналог по количеству не менее продразверстки, а власть утверждает, что менее. Крестьяне, указывая на продналог в разговорах, что масла в 1920 г. были по 3 фунта с коровы, а теперь берут по 4–6 фунтов» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 17–18].

Составители информационных сводок вынуждены были признать, что «вообще-то, безусловно, налог ничтожен, но при неурожае этого года он ложится тяжелым бременем на крестьян» (из информационного бюллетеня Коми областной ЧК, ноябрь 1921 г.) [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 25].

Крестьяне высказывали массовое недовольство и большим размером налогов (в некоторых местностях после выплаты налога не хватало зерна для посева), и множественностью налогов, и необходимостью при отсутствии отдельных продуктов в хозяйстве обменивать их у соседей или покупать на рынке по высоким ценам.

Введение продналога было встречено северным крестьянством враждебно (за исключением незначительной части зажиточных крестьян, наиболее пострадавших в период продразверстки). Информаторы ЧК с тревогой отмечали, что «настроение населения в связи со срочным выполнением продналога плохое», «крестьянство недовольно сбором продналога», «отношение крестьян к продналогу отрицательное, враждебное», «крестьяне открыто говорят, что Советская власть доводит их до изнеможения, берет от них не считаясь с тем, что с каждым годом хлеба станет меньше благодаря убою скота для поставки» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 17–19, 21; Советская деревня, 1998, с. 521].

В особенно тяжелом положении оказались беднейшие слои деревни. Освобожденные в годы военного коммунизма от продразверстки, с лета 1921 г. они перестали снабжаться хлебом по продовольственным карточкам (получать «продпайки») и наравне с другими слоями крестьянства должны были платить налоги.

Во многих голодающих волостях крестьянские сходы принимали решения об отказе от выплаты налогов. Приведем в качестве примера выдержки из сводок по Архангельской губернии за август 1921 г.: «Крестьяне некоторых волостей вынесли постановления о неуплате продналога, мотивируя тем, что Советская власть ничего им не дает» («уисполкомы и уездкомы принимают меры»), крестья-

яне, «подстрекаемые кулаками в связи с недостатком обуви, одежды и с/х орудий, отказываются выплачивать налог на хлеб» [Советская деревня, 1998, с. 477, 485].

Аналогичные факты приведены и в сводках по Вологодской губернии: «Отношение крестьян к продналогу недоброжелательное. Большинство волостей отказываются платить налог на шерсть, яйца и масло» (27 сентября 1921 г.). Однако уже через месяц губотдел ЧК сообщает: «Большинство волостей Тотемского и Вельского у[ездов] выполнили налог полностью как на хлеб, так и на масло, шерсть, сено. Некоторые из них занесены на Красную доску» (20 октября); «Сбор продналога идет удовлетворительно. Плохо лишь дело обстоит со сбором мяса, шерсти и в особенности масла. Зачастую крестьянам приходится менять хлеб на масло» (25 октября) [Советская деревня, 1998, с. 501, 514, 516].

Несмотря на декларирование нового экономического курса, методы проведения налоговых кампаний оставались по-прежнему принудительными, причем не только в 1921, но и в 1922 г. Продналог не собирался, а «выкачивался» из деревни насильно. Сводки ЧК приводили информацию о массовом использовании для сбора продналога, как и в годы военного коммунизма, продотрядов, воинских частей, объявлении волостей «на осадном положении», обысках и арестах крестьян. Чекисты докладывали с мест: «Местами крестьяне отказываются выполнять продналог. Часто приходится применять репрессивные меры посредством выездных сессий ревтрибунала», «Много приехало отрядов за хлебом и очень много увезли; по деревням идут повальные обыски», «В некоторых уездах приходится принимать репрессивные меры, как арест», «Продналог поступает более успешно после применения репрессивных мер» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 15, 21; Советская деревня, 1998, с. 526, 550, 641, 692].

Наряду с выплатой продналога, крестьяне с 1918 г. выполняли и обязательные повинности: трудовую и гужевою. В всех документах губернских ЧК отмечалось отрицательное отношение населения к трудгужповинности, выполняемой крестьянами главным образом на лесозаготовках и лесозаводах. Вот характерные свидетельства из сводок 1921 г.: «отношение крестьян к трудповинности враждебное, так как таковая отрывает их от полевых работ», «наблюдается недовольство на массовые мобилизации», «в некоторых волостях вследствие плохого снабжения продовольствием крестьяне отказываются от трудповинности. <...> Мобилизация на трудфронт проходит тяжело», «гужевая, лесозаготовительная и прочие повинности выполняются принудительным порядком», «объявленная трудмобилизация на лесозаводы проходит слабо, приходится мобилизовывать с помощью милиции» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 17, 18; Советская деревня, 1998, с. 425, 442, 458]. Особое неудовольствие вызывали у крестьян не только высокие задания по повинностям, но и «их неоплата хотя бы и по существующим твердым ценам, за выполненную и произведенную работу, причиной чего служит отсутствие денежных знаков» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 26–27].

Декретом СНК от 22 ноября 1921 г. трудовая и гужевая повинности были заменены соответствующими налогами. Все трудоспособные и принадлежавший

им рабочий скот должны были отработать в течение 1922 г. бесплатно шесть дней (оплате подлежало только привлечение рабгужсилы в порядке добровольного найма). В информационном бюллетене Коми облотдела ОГПУ отмечалось влияние нового декрета на улучшение настроений местного крестьянства: «Население, хотя несет гужналог не очень охотно, но все же не высказывает такого резкого недовольства и нужно надеяться, что когда поймут все значение гужналага, то сельское население не только не будет высказывать свое недовольство, но охотно будет нести его, зная, что оно этим выполнит свой долг перед государством, а остальное время может посвятить себя всецело своему хозяйству» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 25]. В сводках 1922 г. сообщалось, что постепенно «отношение к трудгужналогу у населения улучшается», «гужтрудналог гражданами выполняется, но замечается недоверие, что после выполнения опять погонят работать» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 31; Советская деревня, 1998, с. 522, 526].

В мае 1922 г. для сельского населения был установлен новый денежный подворный налог на удовлетворение местных нужд (на содержание больниц, школ и т. д.), а в ноябре 1922 г. – единовременный (чрезвычайный) общегражданский налог для оказания помощи голодающим.

Таким образом к концу 1922 г. крестьяне уплачивали четыре налога: единый натуральный, трудгужналог, подворно-денежный, общегражданский (единовременный). Сводки отделов ГПУ фиксировали недовольство крестьян не только размерами налогов, но и множественностью натуральных налогов: «крестьяне претендуют на общегражданский налог» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 32]. «Крестьянство примирилось с налогами, – отмечалось в сводке Архангельского губотдела ОГПУ в марте 1923 г., – но высказывает желание устранить множественности их»; «Частичное недовольство крестьян вызывает множественность налогов. Крестьяне заявляют, что платить налоги необходимо, но высказываются за введение единого налога» (сводка по Вологодской губернии, февраль 1923 г.) [Советская деревня, 2000, с. 74, 90].

Одна из задач информационных сводок губернских ЧК и (с марта 1922 г.) губотделов ОГПУ – фиксация отношения крестьянства к новой экономической политике, советской власти и коммунистической партии.

В 1921 – первой половине 1922 г. общекрестьянские настроения оценивались преимущественно как «негативные», «враждебные», «отрицательные». В сводках констатировали «единогласные отклики со стороны крестьянства против Советской власти», «отрицательное отношение большинства населения к Коммунистической партии» и «открытые заявления крестьян о скором конце коммунистов».

Очень показательная характеристика отношения крестьян к советской власти приводится в сводке по Северо-Двинской губернии за октябрь 1921 г.: «Весь тот информационный материал, который имеется под рукой, когда пишется эта сводка, говорит определенно за то, что отношение населения к Советской власти распадается на: а) отрицательное, б) безразличное и в) сочувственное. На эти три категории большинство населения будет то, которое имеет отрицательное отноше-

ние»; «Как на главную причину этого каждая информационная сводка политбюро указывает на следующее: "Мы разорены, у нас берут остатки, а нам не дают ничего", – ропщет крестьянство»; «Причиной во всем ропоте и недовольстве является исключительно материальная необеспеченность» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 19, 23-24].

Особенности крестьянского понимания справедливой власти определялись главным образом тем, насколько власть и существующий общественный порядок позволяли крестьянской семье выжить и обеспечить себе хотя бы минимальный прожиточный уровень. Сводки отмечали равнодушное отношение крестьян к политике, их интерес исключительно к экономическим вопросам. Приведем типичные характеристики отношения крестьян к новой власти из сводок 1921–1922 г.: «Отношение крестьянской массы к существующей власти в чисто политической области, безразличное, но, касаясь экономической жизни отношение не безразличное», крестьяне «в политике совершенно не разбираются и все это ему не понятно, лишь был бы сыт, а власть, какая бы ни была, ему все равно», «крестьяне говорят, что если бы мы были сыты и жили в довольстве, то всякая власть была бы хороша, а также и коммунисты», отношение к Соввласти крестьянства «благодаря темноте безразличное. Люди старого закала говорят, что кто бы нами ни правил, все равно, только бы все было» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 18–19, 28–29, 34–35].

Главную причину неблагоприятного отношения к советской власти составители сводок видели (кроме тяжелого продовольственного положения) в «частнособственнических инстинктах» (психологии) крестьянства. Приведем несколько примеров размышлений составителей сводок, характеризующих их понимание особенностей общекрестьянского восприятия власти.

В докладе уполномоченного отдела ГПУ по Онежскому уезду (Архангельская губерния) отмечалось: «Крестьянское население в большинстве своем пассивно относится к политике, по своей чисто крестьянской психологии. Оно больше всего исходит чисто из экономических предпосылок к политике, т.к. вообще частный собственник всегда зажат только своим личным интересом, из этого явствует такое положение – поскольку он обеспечен и видит ту или иную помощь, то и относится к подателям этой помощи доброжелательно, но если затрагивается его частный интерес, то уже становится в лучшем случае пассивным исполнителем всех мероприятий, т. е. не с чувством вполне сознающего необходимость совершающегося факта и необходимости его быстрого проведения» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 36–37].

Составитель инфсводки Коми областной ЧК, констатировав «нежелательное отношение крестьянства к существующей власти за малым исключением», писал: «Крестьянство как таковое, в преобладающем большинстве середняки, с тенденцией экстенсивной обработки земли и улучшения своего материального положения, как собственник старается больше выгадать и обеспечить себя всем, что представляется возможным. Благодаря филистерскому его рассуждению о строе общества и государства по своей некультурности не в силах хотя бы элементарно понять все то, что затрагивает периферии крестьянского организма при проведении разных мероприятий в области» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 27].

«Частнособственническими инстинктами» объяснялось и негативное («враждебное», «отрицательное») отношение крестьян к коммунистической партии. «На коммунистическую партию, – говорилось в сводке мезенгского пограничного политического бюро в сентябре 1921 г., – крестьянство смотрит как на крепкую, надежную стену Советреспублики, в то же время, не поощряя ее действий, не соглашаясь по своей несознательности с ее задачами на благо трудящихся, считая ее, партию коммунистов, враждебной собственническим интересам крестьянства, а не отживших мелкособственнических обывательских инстинктов, почему не приходится и умолчать о враждебных взглядах РКП (большевиком)» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 22–23].

Немаловажную роль в отношении крестьян к власти и коммунистической партии, по мнению составителей сводок, играла политическая неграмотность и культурная отсталость. Население «забито в культурном отношении», с «довольно с низким уровнем сознания, политически совершенно, за исключением небольшого количества их, не развиты»; поэтому крестьяне «не понимают сущности Соввласти» и «далеко еще не восприняли тех великих завоеваний, что дали нам Октябрьские дни» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 22–23, 46].

Массовое недовольство «масс верующих» политикой советской власти объяснялось чекистами и «религиозными пережитками», особенно ярко проявившимися весной 1922 г. в связи с изъятием церковных ценностей. В сводках сообщалось, что в отдельных волостях «наблюдается частичное скрывание ценностей», «было оказано противодействие изъятию» (Северо-Двинская губ.), вынуждая местные власти «отозвать своих представителей из деревень и приостановить изъятия» (Печорский уезд Архангельской губ.) [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 31–32; Советская деревня, 1998, с. 625].

Причиной недовольства, «побуждающей темную массу» проявлять недовольство и «бросать безразличные взгляды на существующую власть», составители сводок называли «усердное нашептывание кулачества» («большинство крестьян сгруппировалось около кулацких элементов»), «агитацию темных прихвостней буржуазии» и местной интеллигенции («агенты, действующие втихомолку, не спят, агитируя против Рабоче-крестьянской власти, расстраивая ряды сознательных и честных граждан») [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 18, 22, 27, 28, 34, 35]. «Настроение крестьян неудовлетворительное по всей области», констатировалось в сводке Коми облотдела ГПУ от 24 мая 1922 г.; «На этой почве есть агитирующие против коммунистов и против Советской власти, будируют крестьянскую массу к неповиновению и объявлению бойкота. <...> Граждане открыто заявляют, что коммунистам скоро конец, заменит их старый строй. Особенно на этой почве агитирующие замечаются в Ижмо-Печорском уезде, где зарегистрировано 13 человек агитирующих и распространяющих провокационные слухи» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 32].

В сводках фиксировались отношения к политике большевистской власти разных социальных слоев крестьянства (главным образом полярных групп: зажиточных и кулаков, бедноты). В инфсводке по Вологодской губернии в августе 1922 г. констатировалось: «Отношение крестьянства к РКП различное. Кулаче-

ство относится доброжелательно, середняк положительно, а бедняк нежелательно» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 39].

Составители информационных сводок относили крестьян к той или иной группе не только по социально-экономическим, но и политическим признакам. Крестьян разделяли на два политических «лагеря»: «сознательные элементы» («относятся к коммунистической партии благосклонно», «сочувственно») и «неосознательные», которых, по оценке чекистов, в деревне «большинство» («отношение к коммунистической партии в большинстве враждебное») [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 17–19, 45].

Приведем типичную характеристику настроений крестьянства, взятую из сводки по Коми области (январь 1922 г.): «В некоторых волостях Устькуломского уезда крестьяне как бы подразделяются на два лагеря: бедняки, защищающие интересы Советской власти, и кулачество и несознательные крестьяне. Но в первом лагере весьма ограниченное количество, так как бедняку-крестьянину введение курса ново-экономполитики абсолютно ничего поощрительного не дает и не успокаивает, так как последние нововведения больше тождественны и поощрительны кулачеству и более зажиточному слою населения»; в Прилузском уезде «Характерные факты и явления в большинстве аналогичны с Устькуломским уездом, но настроения крестьян весьма различны, каждый индивидуум чуть ли не по-своему усвоил ново-экономполитику, а потому различно питает надежду смягчить тот или другой кризис, который в данное время ощущается» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 27–28].

Отношение к советской власти и коммунистической партии зажиточного крестьянства и кулаков в 1921 г. характеризовалось как «враждебное», а к новой экономической политике – «выжидательное», «неопределенное». Осведомители ОГПУ сообщали о том, что «отношение старого кулачества к Соввласти скрыто враждебное, но себя они не выдают». Среди зажиточных были широко распространены опасения возврата к политике военного коммунизма, «они боятся, что коммунисты опять будут конфисковывать, отчуждать ихние излишки и т. д., каковые случаи были в 1918–1919 гг., видя, что рядом живущий крестьянин живет довольно бедно, а Соввласть – власть угнетенных и бедных». В деревне распространялись слухи, что «Советская власть путем товарообмена хочет выявить зажиточных крестьян, у которых и будут впоследствии делать обыски» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 19, 24, 61].

С развитием свободной торговли в 1922 г., по утверждению осведомителей, настроение «кулацких элементов» стало улучшаться, так как «они постепенно начинают вставать на старый путь, т.е. занимаются торговлей, открывая разного рода магазины, лавки и т.п.» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 30].

Самым активным критиком экономической политики была сельская беднота, настроения которой оценивались как «недоверчивые», «колеблющиеся» и «враждебные» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 17, 19, 173; Советская деревня, 1998, с. 477, 651, 656].

Из Северо-Двинской губернии в сводке за июль 1921 г. сообщалось: «Недовольство и ропоты слышатся на почве недостатка всего, главное – тяжелого продовольственного состояния среди беднейшего крестьянства. В связи с отменой

снабжения хлебом заметно сильное недовольство» (Усть-Сысольский уезд); «Главное недовольство среди беднейшего крестьянства выражалось в отсутствии продовольствия. Отношение бедноты к продналогу отрицательное. Отношение к Коммунистической партии в большинстве враждебное» (В.-Устюгский уезд) [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 19–20].

Чекисты с тревогой отмечали, что с переходом к нэпу «настроение бедного крестьянства ухудшается», в деревне «недовольство и ропот бедноты на все проводимые Советской властью компании и различные мероприятия» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 30, 43]. Коми областной ЧК в январе 1922 г. констатировал: «Беднейшие массы, шедшие недавно всеми силами и мерами навстречу Советской власти, с публикацией ново-экономполитики и проведения ее в жизнь, отшатнулись и стали более безразличными и пассивными, а в некоторых отношениях в глухих уголках, настроенные кулачеством, идут против» [5, с. 28–29]. Составитель сводки пришел в ноябре 1922 г. к заключению, что в связи с критическим продовольственным положением в Коми области, отсутствием «материальной субсидии от государства», «беднейшее крестьянство если не сейчас, то в недалеком будущем очутится еще в худшем состоянии и всю эту вину крестьяне по несознательности переносят на Советскую власть и на коммунистов» [ВЧК-ОГПУ, 1995, с. 43–44].

Антисоветские настроения бедноты и ее активное участие в голодных бунтах были очень опасным для власти симптомом. Советская власть с переходом к нэпу теряла в лице сельской бедноты свою единственную надежную социальную поддержку в деревне.

Список источников

1. *Доброноженко, 2011 а* – Доброноженко Г. Ф. Сельские эксплуататоры в институциональной политике 1920-х гг.: проблема интеграции теории, политики и права // На крутых поворотах истории: материалы II межвузовской конференции «Актуальные проблемы методологии отечественной истории»: сб. науч. тр. М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2011. С. 50–66.
2. *Доброноженко, 2011 б* – Доброноженко Г. Ф. Социальная политика государства в деревне в 20–30-е годы XX века в контексте теории модернизации // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы X Всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции. Сыктывкар, 2011. Ч. 1. С. 81–85.
3. *Доброноженко, 2022* – Доброноженко Г. Ф. Складывание системы принудительного труда крестьян-сезонников в лесозаготовительный сезон 1929/30 года (по информационным сводкам отделов ОГПУ Европейского Севера России) // Двадцать девятая годичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина [Электронный ресурс]. Сыктывкар, 2022. С. 212–220.
4. *Доклад о восстании, 1995* – Доклад о восстании крестьян в Вельском уезде Вологодской губернии. Март 1921 г. // ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства 1921–1927 гг. / сост. Г. Ф. Доброноженко. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1995. С. 158–168.
5. *ВЧК-ОГПУ, 1995* – ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства 1921–1927 гг. / сост. Г. Ф. Доброноженко. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1995. 193 с.

6. *Ленин, 1973 а* – Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд-е пятое М.: Изд-во полит. литературы, 1973. Т. 43.
7. *Ленин, 1973 б* – Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд-е пятое. М.: Изд-во полит. литературы, 1973. Т. 44.
8. *Мартин, 2011* – Мартин Т. Обзоры ОГПУ и советские историки // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / под ред. Г. Н. Севастьянова. М.: Ин-т российской истории Российской акад. наук, 2001. С. 21–26.
9. *Саблин, 2004* – Саблин В. А. Вельское восстание 1921 г. в контексте гражданской войны на Европейском Севере России // Важский край: источниковедение, история, культура. Вып. 2. Вельск, 2004 С. 245–253.
10. *Саблин, 1994* – Саблин В. А. Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы гражданской войны) // Вологда: Историко-краеведческий альманах / гл. ред. М. А. Безнин. Вологда: Изд-во «Русь», 1994. Вып. 1. С. 180–195.
11. *Советская деревня, 1998* – Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918–1939: Документы и материалы / под ред. А. Береловича и В. Данилова; сост.: Л. Борисова, В. Данилов, Н. Ивницкий, В. Кондрашин, Г. Гольшкшина, В. Гусарченко, А. Николаев, Н. Тархова: в 4 т. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 1918–1922. 864 с.
12. *Советская деревня, 2000* – Советская деревня, 1998 – Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918–1939: Документы и материалы / под ред. А. Береловича и В. Данилова; сост.: Л. Борисова, В. Данилов, Н. Ивницкий, В. Кондрашин, Г. Гольшкшина, В. Гусарченко, А. Николаев, Н. Тархова: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 1923–1929. 1168 с.
13. *Таскаев, 2011* – Таскаев М. В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 610 с.
14. *Трошина, 2013* – Трошина Т. Н. Вельское восстание 1921 года // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сборник статей и материалов. М: АИРО-XXI, 2013. С. 213–224.

References

1. *Dobronozhenko, 2011 a* – Dobronozhenko G. F. Rural exploiters in the Institutional policy of the 1920s: the problem of integration of theory, politics and law. *On the sharp turns of history. Materials of the II interuniversity conference "Actual problems of methodology of national history": collection of scientific tr.* Moscow: GOU VPO MGUL, 2011. Pp. 50–66. (In Russ.).
2. *Dobronozhenko, 2011 b* – Dobronozhenko G. F. Social policy of the state in the countryside in the 20-30s of the twentieth century in the context of modernization theory. *Political, economic and socio-cultural aspects of regional governance in the European North. Materials of the X All-Russian (with international participation) scientific and theoretical conference. Part 1.* Syktyvkar, 2011. Pp. 81–85. (In Russ.).
3. *Dobronozhenko, 2022* – Dobronozhenko G. F. Folding the system of forced labor of seasonal peasants in the logging season of 1929/30 (according to the information reports of the departments of the OGPU of the European North of Russia). *Twenty-ninth annual session of the Academic Council of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University [Electronic resource]*. Syktyvkar, 2022. Pp. 212–220. (In Russ.).
4. *Report on the uprising, 1995* – Report on the uprising of peasants in the Velsky district of Vologda province. March 1921. *CHEKA-OGPU on the political sentiments of the Northern peasantry of 1921-1927 / Comp. G. F. Dobrozhenko.* Syktyvkar: Syktyvkar University, 1995. Pp. 158–168. (In Russ.).

5. *CHEKA–OGPU, 1995* – CHEKA–OGPU on the political sentiments of the northern peasantry of 1921-1927 / Comp. G. F. Dobrozhenko. Syktyvkar: Syktyvkar University, 1995. 193 p. (In Russ.).
6. *Lenin, 1973 a* – Lenin V.I. Poln. sobr. op. Fifth edition. In 55 T. Moscow: Publishing house of polit. literature, 1973. Vol. 43. (In Russ.).
7. *Lenin, 1973 b* – Lenin V. I. Poln. sobr. op. Fifth edition. In 55 T. Moscow: Publishing house of polit. Literature, 1973. Vol. 44. (In Russ.).
8. *Martin, 2011* – Martin T. Reviews of the OGPU and Soviet historians. "Top secret": *Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)* / Edited by G. N. Sevastyanov. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2001. Pp. 21–26. (In Russ.).
9. *Sablin, 2004* – Sablin V. A. The Velsky Uprising of 1921 in the context of the Civil War in the European North of Russia. *Vazhsky Krai: source studies, history, culture*. Issue 2. Velsk, 2004. Pp. 245–253. (In Russ.).
10. *Sablin, 1994* – Sablin V. A. Chronicle of despair and struggle (Vologda village during the Civil War). *Vologda: Historical and Local history Almanac* / Gl. ed. M. A. Beznin. Vologda: Publishing House "Rus", 1994. Issue 1. Pp. 180–195. (In Russ.).
11. *The Soviet Village, 1998* – The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD, 1918-1939: Documents and materials / Edited by A. Berelovich and V. Danilov; comp.: L. Borisova, V. Danilov, N. Ivniitsky, V. Kondrashin, G. Golyshkin, V. Gusarchenko, A. Nikolaev, N. Tarkhova. In 4 vol. Moscow: ROSSPEN, 1998. Vol. 1. 1918–1922. 864 p. (In Russ.).
12. *Soviet Village, 2000* – Soviet village, 1998 – Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD, 1918-1939: Documents and materials / Edited by A. Berelovich and V. Danilov; comp.: L. Borisova, V. Danilov, N. Ivniitsky, V. Kondrashin, G. Golyshkin, V. Gusarchenko, A. Nikolaev, N. Tarkhova. In 4 vol. Moscow: ROSSPAN, 2000. Vol. 2. 1923–1929. 1168 p. (In Russ.).
13. *Taskaev, 2011* – Taskaev M. V. Socio-political processes in the European North-East of Russia (1901 – the first half of the 1930s). Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011. 610 p. (In Russ.).
14. *Troshina, 2013* – Troshina T. N. The Velsky uprising of 1921. *The Peasant Front of 1918-1922: collection of articles and materials*. Moscow: AIRO-XXI, 2013. Pp. 213–224. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Доброноженко Галина Федоровна

Galina F. Dobronozhenko

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам

doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Disciplines

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, 167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55, Oktyabrsky Pros., Syktyvkar, 167000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

24.06.2022
30.06.2022
28.09.2022

Выражения с компонентом *vir* 'кровь' в удмуртской лингвокультуре

Душенкова Татьяна Рудольфовна

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,
Ижевск, Россия

dushenkovatr@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2514-7143>

Аннотация. Кровь является универсальным концептом для многих культур. В статье впервые рассматриваются выражения и слова с компонентом *vir* 'кровь' в удмуртском языке. Анализу подвергаются сравнения и метафоры с компонентом «кровь». Особое внимание уделяется словосочетаниям, которые выражают эмоции, чувства или состояния человека – гнев, злость, зависть, радость, возбуждение, жестокость, спокойствие, равнодушие и т.п. Эти состояния описываются через кровь, так как она может измениться по цвету, хлынуть, переместиться и т. д. Автор останавливается на сложных словах и терминах, образованных с данным компонентом. Так, с компонентом *vir* в удмуртском языке образовано множество медицинских терминов, названия флоры и фауны, названия камней, астрономические термины, дни недели, различные кушанья, религиозные и военные термины и т.п. Рассматриваются интересные примеры, связанные с древними представлениями удмуртов о «кровеносной системе» матушки-земли. Анализируются сравнения и метафоры, отображающие видение народа о «бескровных» и «безвенных» существах, т.е. лишенных вен и крови. Приведенные в работе примеры указывают на интересный пласт знаний удмуртского народа, который отражает специфику национального мышления. В нем задействованы религиозные и мифологические представления удмуртов, наивные объяснения и этимологии.

Ключевые слова: сравнения, метафоры, словосочетания, компонент «кровь», термины, названия, лексика, удмуртский язык

Для цитирования: Душенкова Т. Р. Выражения с компонентом *vir* 'кровь' в удмуртской лингвокультуре // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 28–34. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-28>.

Expressions with the component *vir* 'blood' in the Udmurt linguoculture

Tatyana R. Dushenkova

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia

dushenkovatr@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2514-7143>

Abstract. Blood is a universal concept for many cultures. The article for the first time examines expressions and words with the component *vir* 'blood' in the Udmurt language. Comparisons and metaphors with the blood component are analyzed. Particular attention is paid to phrases that express emotions, feelings or states of a person – fury, anger, envy, excitement, cruelty, calmness, indifference, etc. These conditions are described through blood, because it can change color, gush, move, etc. The author dwells on the complex words and terms

formed with this component. So, with the *vir* component in the Udmurt language, many medical terms, names of flora and fauna, names of stones, astronomical terms, days of the week, various dishes, religious and military terms, etc. are formed. Interesting examples related to the ancient ideas of the Udmurts about the "circulatory system" of Mother Earth are considered. Comparisons and metaphors are analyzed that reflect the people's vision of "bloodless" and "lifeless" beings, i.e. devoid of veins and blood. The examples given in the work indicate an interesting layer of knowledge of the Udmurt people, which reflects the specifics of national thinking. It involves religious and mythological representations of the Udmurts, naive explanations and etymologies.

Keywords: comparisons, metaphors, phrases, blood component, terms, names, vocabulary, Udmurt language

For citation: Dushenkova T. R. Expressions with the component *vir* 'blood' in Udmurt linguoculture. *Vestnik Syktyvkarского universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2022, 3: 28–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-28>.

Vup 'кровь' – мифологизированная жидкая часть тела человека. В индоевропейской традиции в антропоморфной модели Вселенной кровь соответствует воде в рамках микрокосма [Маковский, 1996, с. 204]. Кровь в народных представлениях является средоточием и символом жизни, субстанцией жизненной силы, обиталищем души. Крови приписывалось лечебное свойство. Плиний Старший сообщал в «Естественной истории», что употреблённая внутри тёплая кровь служит верным средством от эпилепсии и воспаления горла. В Египте кровь младенцев (например, еврейских) употреблялась для лечения проказы, с этой целью её пил император Константин Великий. В Средние века крови приписывалось омолаживающее действие, так что к кровевой терапии нередко прибегали стареющие сластолюбцы и увядающие красавицы (Батори, Елизавета и др.) [Энциклопедия читателя 2009, с. 907, с. 909–910]. В удмуртском языке существует выражение, используемое в заговорах – *лулзэ-вирзэ* 'душу-кровь' [Владыкина, Глухова, 2011, с. 110].

Кровь живого человека воспринимается как одушевлённая субстанция: она ходит, приступает, бросается, закипает, застывает в жилах. Через кровь уходят жизненные силы (если течёт из носа, то человек недолговечен; у женщины – выходит «сила», которая ускоряет процесс старения). Кровотечение расценивается как потеря жизненной силы и требует немедленной остановки, поэтому в заговорах реализуется в мотивах зашивания, замыкания, запекания крови – *руда/камень*), в удмуртской традиции необходимо знать определенные слова – *виркыл*.

Исследователь Г. Г. Ершова считает, что концепт кровь является универсальным для разных культур [Ершова, 2009, с. 114]. М. М. Маковский отмечает, что кровь обычно была неизменным предметом жертвоприношения, но в то же время могла использоваться для колдовства, проклятия. Считалось, что Земля «пьёт» кровь [Маковский, 2012, с. 148].

Во многих культурах была распространена клятва кровью. Кровь имеет многообразные ритуально-магические функции, прежде всего продуцирующие; составляет основу важнейших социальных институтов и концептов (*кровное родство*,

кровная месть, кровавая жертва). Ср.: в наивной картине мира башкир кровь также является местом нахождения жизненной силы, души. Уходит кровь – уходит жизнь, душа. Кровь тесно связана с понятиями рода/родства, *кровная месть – карымта*. Кровь неотмщённого человека не засыхает, не принимается землёй, превращается в чёрную кровь. Кровь злых людей также не принимает земля. Кровотечения останавливали заговорами. Для устранения упадка сил делали кровопускание. Быструю утомляемость, головную боль, боль в суставах нередко объясняли накоплением в организме плохой крови [Хисамитдинова, 2012, с. 99–102].

Существуют выражения *голубая кровь, голубиная кровь, драконова кровь, дурная кровь*. (Последнее выражение представляет собой дурную наследственность, выражающуюся чаще всего в тяжёлом характере, склонности к насилию и нарушению законов и прочим проявлениям антиобщественного поведения. Удмуртский автор Дарали Лели посвятила данной теме свою пьесу «Урод виръёс» ('Дурная кровь'). У классиков художественной литературы встречается опосредовано, при описании семьи/родственников героев.) Кровь можно *пить*, давать *расписку кровью*, также говорят об *узах крови*, что подразумевает смешение кровей и символизирует союз и братство. В переносном смысле *кровь* означает членов одной семьи, клана, нации, рас, а также потомков конкретного рода. В последнем значении слово *кровь* чаще применяется к аристократии.

Символическим заместителем крови (главным образом по признаку цвета) выступает *вино, красные нитки, полотно, калина* и др. (ср.: в римско-католической и православной традициях вино для причащения олицетворяет кровь Спасителя, который говорил о нём своим ученикам во время Тайной Вечери: «Ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов») (Матф. 26: 28).

При описании различных эмоций мы, сами того не подозревая, используем метафоры и сравнения с компонентом *вир* 'кровь'.

А) Когда мы сердимся, то испытываем гнев, злость, досаду. Гнев же является одной из важнейших эмоций. Как и любая другая эмоция, она может активизироваться действиями, мыслями и чувствами. В качестве предпосылок гнева люди чаще всего называют глупые, необдуманные действия, социально не одобряемые действия, действия, причиняющие вред окружающим, а также действия, совершенные под влиянием других людей [Изард, 2002, с. 247]. Рассмотрим некоторые из этих выражений:

вир усиз перен. 'обозлиться' [УРС, 2008, с. 122] (букв. 'кровь упала'). Возможно, как-то связано с изменением артериального давления;

сьёд вир кисътйськиз 'обозлиться' [УРС, 2008, с. 122] (букв. 'чёрная кровь разлилась' – на наш взгляд, сопоставима также с желчью);

сьёд виры уг тырмы 'зла не хватает' [УРС, 2008, с. 122] (букв. 'у меня не хватает чёрной крови') – см. выше;

вожпотэмен гордэктыны 'побагроветь от гнева', т. е. внешнее проявление эмоции связано с покраснением лица (вероятно, следует понимать, что кровь разлилась, подобно желчи).

Как видим, в наивном представлении существует два вида крови – красная и чёрная. Чёрная, возможно, представляет желчь или близка по составу к ней. Ср.: кровь мифологических персонажей отличается от человеческой по цвету: у лешего – синяя, у чёрта – чёрная, как смола. Демонологические персонажи пьют кровь человека, чтобы отнять у него здоровье, укоротить жизнь или убить его, восполнив, таким образом, свой собственный запас жизненной силы [Славянские древности, 1999, с. 677–681].

Б) Когда мы расстраиваемся, то говорим *vir sörиськиз* ‘расстроиться’ (букв. ‘кровь расстроилась/разбилась’); *vir sörыны* ‘расстроить’.

В) Зависть – чувство по своей сути пораженческое, основанное на неприятии чужой системы ценностей. Это сознательная недоброжелательность, которая вызывает ненависть, приводит к интригам, мести и злодействам. Выражение *вирсэр вожьяськыны* ‘сильно завидовать, позавидовать’ говорит о высшей степени данного чувства, возможно, предполагает испытывать данную эмоцию до вздутия/разрыва вен.

Г) Спокойствие/стойкость, равнодушие передаются следующими выражениями: *вирсэрэзэ но уг вырты* ‘и ухом не поведёт’ (букв. ‘даже жилкой не шевельнёт’), где *вирсэр* анат. ‘кровеносный сосуд; вена; артерия’. *Сэр: вирсэр* ‘вена, кровеносный сосуд’, коми *сён: вир сён* ‘кровеносный сосуд, жила’; мар. *шер* ‘пульс’, венг., манси, ханты [КЭСК, 1999, с. 264].

Д) Об угрюмом человеке с тяжёлой энергетикой говорят *секыт вирсэррем адями*, где *секыт вирсэр* букв. ‘тяжёлые сосуды’. (Ср. тж.: *секыт син* ‘дурной глаз’, т. е. сглаз(ить); *секыт пыд* букв. ‘тяжёлая нога’, т. е. неудачливый; *секыт кыл* букв. ‘тяжёлое слово’. Магическое отношение удмуртов к слову часто указывается в трудах этнографов и фольклористов: *кылэзэ тодыны* ‘знать слово, помогающее от болезней (сглаза, порчи)’; *кыл кыл* ‘слова наговора (заклинания); наговор, заклинание’; *пёртмаськон кыл* ‘колдовство, заклинание’; *вир кыл* ‘слово крови’ (останавливающее кровь) и т.п. Кроме выражения *секыт кыл* ‘обидное слово’ в удмуртском языке есть и другие антонимичные пары: *секыт мылкыд* ‘плохое настроение’ – *капчи мылкыд* ‘хорошее настроение’; *секыт ки* ‘несчастливая рука’, букв. ‘тяжелая рука’ – *капчи ки* ‘лёгкая, счастливая, удачливая рука’; *секыт пыд* ‘несчастливая нога’, букв. ‘тяжёлая нога’ – *капчи пыд* ‘легкая нога, счастливая, удачливая’; *секыт вирсэро* – говорят о человеке с тяжёлым характером (букв. ‘[человек] с тяжёлыми венами’) и др. Однако если это касается физического состояния, то такая дихотомия возможна только гипотетически: *секыт пель* ‘слабослышащий; глухой’; *пельыз секыт* ‘тугой на ухо; глуховатый’; *секыт омыр* ‘спёртый воздух’; *капчи визь* ‘легкомысленный’).

В народных приметах есть выражение *музьем вирсэр сйзьыл пытсаське* [Владыкина, Глухова, 2011, с. 72] букв. ‘осенью закрываются кровеносные сосуды земли’. Следовательно, наши предки имели представление о том, что земля обладает своей «кровеносной»=водной системой. Это характерно для научного языка – ср.: в русском языке *водные артерии*. Любимые нами луговые опята, видимо, также имеют отношение к этим знаниям – (*музьем*) *вирсэр губи* – растут по

«кровеносным сосудам» земли (ср. в западной традиции грибы растут, образуя *ведьмины круги, ведьмины кольца, эльфовы кольца*. Круги эти бывают диаметром от нескольких десятков сантиметров до нескольких метров. Феномен такого рода заключается в том, что мицелий гриба растёт от центра с одинаковой скоростью, образуя окружность. Со временем центральная часть грибницы отмирает из-за недостатка питания, а крайняя продолжает плодоносить. Каждый год такое кольцо расширяется на 10–15 см. Истории о *ведьминых кольцах* популярны в мифологии. Считается, что в этих местах эльфы или лесные духи по ночам водят хороводы).

Е) Жестокость обозначается через метафору *вирсэрэстэм, вирсэртэм* ‘1. неприятный, несимпатичный; необаятельный; неприятно; 2. жестокий’, или другая форма – *виртэм* ‘1. бескровный 2. перен. жестокий, бесчеловечный’; *вирсэртэм вырыны* ‘вести себя неприлично’; *вирсэртэм луыны* ‘быть несимпатичным’. Можно предположить, что тот, кто лишён вен, крови обретает отрицательные характеристики и ведёт себя соответствующим образом: *виртэммыны* ‘1. стать бескровным 2. перен. стать жестоким (бесчеловечным); поступать жестоко (бесчеловечно)’; *вирсэртэмьяськыны* ‘неприлично вести себя’; *виртэмьяськыны* диал. ‘стать жестоким (бесчеловечным); поступать жестоко (бесчеловечно)’ [УРС, 2008, с. 122–123]. В одном из своих стихотворений удмуртский поэт М. Федотов использует выражение *вирсэртэм тушмонэ* ‘[мой] жестокий враг’ (букв. ‘[мой] враг без вен’).

Ж) Антонимичное по значению слово – *вирсэрлы* ‘приятный, симпатичный; обаятельный; приятно’ (букв. ‘по крови/душе’); *вирсэрлы аядми* ‘обаятельный человек’ (ср. слова из популярной эстрадной песни: *вирсэръя тон, удмурт нылкышно* ‘по душе/по крови ты, удмуртская женщина’).

З) Мы говорим *вир шудэ* ‘кровь играет’, когда испытываем возбуждение, радость.

И) Выражение *вираз пы́чамын* ‘у него в крови’ (букв. ‘пропиталось в кровь’), когда имеем в виду, что что-то уже вошло в привычку.

К) Фразеологизм *вирен пыласькыны* ‘кровью умываться’ раскрывает сущность головореза, убийцы, употребляется в переносном значении.

Л) О том, что достаётся тяжело, большим трудом, говорят *вир нюласа шедьтыны* ‘заработать потом и кровью’. Ср. также выражение, указывающее на загнанных лошадей: *вальёс вир нюлэм усизы* букв. ‘лошади упали, облизанные кровью(?)’.

С компонентом *вир* образованы сложные слова и термины:

а) медицинские: *вир кошкон* ‘1) кровотечение 2) кровоизлияние’; *вир сётонбасьтон* ‘донорство’; *вир тырыны* ‘налиться кровью, образоваться (о кровоподтёке, синяке)’; *вир пуксьыны* ‘образоваться (о кровоподтёке, синяке)’; *вир потэ* ‘кровь идёт’; *вир усьыны* ‘1) образоваться (о кровоподтёке) 2) перен. обозлиться; вирыз пазьгиськиз кровь брызнула (хлынула)’; *вирберган, вирветлон* ‘кровообращение’; *вирву* ‘протоплазма’; *вирзйбет* ‘давление (кровеное)’; *пичи вирзйбет* ‘низкое давление’; *виръектыны* ‘налиться кровью; образоваться (о кровоподтёке, синяке)’; *виръыны* ‘налиться кровью’; *виркылдон* ‘кровообразование’; *вирорсмон* ‘свёртываемость крови’; *вирпоттон* ‘кровообразование’; *вирсийныс* анат. ‘капил-

лярный сосуд, капилляр'; *виртэтчан* 'пульс'; *виртырем* 'синяк, кровоподтёк; инфилтрат'; *вирсэр* анат. 'кровеносный сосуд; вена; артерия'; *векчи вирсэр* 'капилляр'; *жугиськись вирсэр* 'пульс'; *тöдды вирсэр* анат. 'лимфатический узел';

б) названия растений: диал. *вирсэркуар/виркуар* 'подорожник'; *вирсэртурын* подорожник; *вирсузьясь* диал. бот. 'кровохлёбка'; виртурын бот. '1. зверобой 2. подмаренник';

в) представители фауны: *вирсюпсись* 'паразит'; диал. *вирьюисьнумыр* 'пиявка';

г) название камней: *вириз* 'кровоавик (камень)'; *вирсэровоужиз* 'малахит'; *вирсэроиз* 'мрамор';

д) астрономические термины: *Виркизили* 'Марс';

е) название дней недели: *вирнунал* 'среда';

ж) название кушаний: *виртырем* '1. кровяная колбаса'; диал. *вирсокта* 'кровяная колбаса';

з) религиозные: диал. *вирокисьтон* 'поминки по умершим (усопшим)'; диал. *виросётон* '1) жертвоприношение, жертва 2) поминки по умершим (усопшим)'; *ви́ро* 'то, что предназначено для жертвоприношения';

и) военные: *виркисьтон* 'кровопролитие'; *вир кисьтйськыны* 'проливаться (о крови)'; *вирьюись* '1. кровопийца, вампир 2. деспот'.

Таким образом, можно сделать следующие выводы, что в удмуртском языке выражения с компонентом *вир* 'кровь' используются для обозначения гнева, злости, зависти, спокойствия или равнодушия, угрюмости и жестокости, возбуждения и радости, расстройства человека и т.п. Мы говорим о приятном человеке, что он *вирсэрлы*, т.е по крови/по вене. Данный компонент входит в состав многих сложных слов и терминов разных сфер знаний и играет большую роль в формировании нашего мышления, которое наиболее ярко представляет своеобразие и специфику фрагмента удмуртской языковой картины мира.

Список источников

1. *Владыкина, Глухова, 2011* – Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. 320 с.
2. *Ершова, 2009* – Ершова Г. Г. Речевые и культурные стереотипы клятвы с концептом «кровь» // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 114–126.
3. *Изард, 2002* – Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002. 464 с.
4. *КЭСК, 1999* – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. 2-е изд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.
5. *Маковский, 1996* – Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.
6. *Маковский, 2012* – Маковский М. М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность, формы, развитие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 280 с.
7. *Славянские древности, 1999* – Славянские древности. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 678 с.
8. *УРС, 2008* – Удмуртско-русский словарь / отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
9. *Хисамитдинова, 2012* – Лечебная и охранительная магия башкир. Тексты / Составление, подготовка текстов Ф. Г. Хисамитдиновой. 2-ое изд. Уфа, 2012. 380 с.

10. *Энциклопедия читателя, 2009* – Энциклопедия читателя: Литературные, библейские, классические и исторические аллюзии, реминисценции. Темы и сюжеты, мифологические и сказочные герои, литературные маски, персонажи и прототипы, реальные и вымышленные топонимы, краткие биографии и рекомендуемые библиографии / под ред. Ф. А. Еремеева. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2009. Т. 2: Е–К. 986 с.

References

1. *Vladykina, Glukhova, 2011* – Vladykina T. G., Glukhova G. A. The art year of berghan: rituals and holidays of the udmurt calendar. Izhevsk, 2011. 320 p. (In Russ.).
2. *Ershova, 2009* – Ershova G. G. Speech and cultural stereotypes of the oath with the concept of "blood". *Stereotypes in language, communication and culture: collection of articles / comp. and ed. by L. L. Fedorov*. Moscow: RSUH, 2009. Pp. 114–126. (In Russ.).
3. *Izard, 2002* – Izard K. Psychology of emotions. St. Petersburg: Peter, 2002. 464 p. (In Russ.).
4. *Kesk, 1999* – Lytkin V. I., Gulyaev E. S. A short etymological dictionary of the komi language. 2nd ed. Syktyvkar: Komi publishing house, 1999. 430 p. (In Russ.).
5. *Makovsky, 1996* – Makovsky M. M. Comparative dictionary of mythological symbolism in indo-european languages: the image of the world and the worlds of images. Moscow: humanit. ed. center Vldos, 1996. 416 p. (In Russ.).
6. *Makovsky, 2012* – Makovsky M. M. The phenomenon of taboo in traditions and in the language of indo-europeans: essence, forms, development. Moscow: book house "Librocom", 2012. 280 p. (In Russ.).
7. *Slavic antiquities, 1999* – Slavic antiquities. Moscow: International relations, 1999. Vol. 2. 678 p. (In Russ.).
8. *URS, 2008* – Udmurt-russian dictionary / ed. by L. E. Kirillova. Izhevsk, 2008. 925 p.
9. *Hisamitdinova, 2012* – Medical and protective magic of bashkirs. texts / compilation, preparation of texts by f. g. hisamitdinova. 2nd ed. Ufa, 2012. 380 p. (In Russ.).
10. *Encyclopedia of the reader, 2009* – Encyclopedia of the reader: literary, biblical, classical and historical allusions, reminiscences. themes and plots, mythological and fairy-tale heroes, literary masks, characters and prototypes, real and fictional place names, short biographies and recommended bibliographies / edited by F. A. Eremeev. Yekaterinburg: Publishing house "Socrates", 2009. Vol. 2: Е–К. 986 p. (In Russ.).

Информация об авторе/ Information about the author

Душенкова Татьяна Рудольфовна

Tatyana R. Dushenkova

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
WOS: AAW-3700-2021
Scopus: 56998787700, 57193576006
РИНЦ: 651272
ORSI: 0000-0002-2514-7143

Candidate of Philology, Senior Researcher
WOS: AAW-3700-2021
Scopus: 56998787700, 57193576006
РИНЦ: 651272
ORSI: 0000-0002-2514-7143

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Ижевск, Россия, 426004, ул. Ломоносова, 4

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 4, St. Lomonosov, Izhevsk, 426004, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

01.09.2022
28.09.2022
28.09.2022

Лексикографические аспекты прецедентности

Немирова Наталья Владимировна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия
nvnemirova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5546-5196>

Аннотация. Проблема лексикографических аспектов прецедентности связана, во-первых, с реализованной в лексикографической практике фиксацией источников прецедентности, во-вторых – с созданием словарей прецедентных феноменов. Необходимость лексикографической фиксации прецедентных феноменов связана, во-первых, с разнородностью единиц, включаемых в класс прецедентных феноменов, во-вторых, с частотным использованием прецедентных единиц в разных видах дискурса и необходимостью их квалификации и интерпретации, в-третьих, с их лингвокультурологической значимостью, способностью репрезентировать национальные концепты, отражать менталитет русского человека. На примере анализа прецедентных феноменов, использованных в газетном дискурсе, показано, что в процессе интерпретации исследуемых единиц возможно использование данных как лингвистических, так и энциклопедических словарей. Однако на современном этапе лексикографирования ставится задача создания словарей прецедентных феноменов, которые относятся к антропоцентрическим словарям и целью которых является описание анализируемых единиц в процессе их актуализации в дискурсе. Такие словари в отличие от словарей лингвоцентрических выполняют, по мнению Д. Б. Гудкова, фиксирующую функцию. В русской лексикографии известен только один словарь, который в полной мере отвечает принципам построения лингвокультурологических словарей, – это словарь «Русское культурное пространство». Особенности построения этого словаря представлены в данной статье. Фактор употребления прецедентных феноменов зафиксирован в этом словаре: 1) указанием на различные оттенки значения описываемой единицы; 2) приведением примеров употребления прецедентной единицы в различных текстах. В статье показывается, что представить все значения прецедентной единицы оказывается очень сложно, однако анализируемый словарь дает возможность оттолкнуться от одного из значений и зафиксировать дополнительный когнитивный признак, объективированный в анализируемом контексте. Таким образом, в статье представлены особенности решения заявленной проблемы, показаны особенности антропоцентрического словаря и потенциал его использования в процессе анализа прецедентных единиц в газетном дискурсе.

Ключевые слова: прецедентность, когнитивный признак, словарь прецедентных феноменов, антропоцентрическая лексикография

Для цитирования: Немирова Н. В. Лексикографические аспекты прецедентности // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 35–46. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-35>.

Lexicographic aspects of precedent

Natalia V. Nemirova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
nvnemirova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5546-5196>

Abstract. *The problem of lexicographic aspects of precedent is connected, firstly, with the fixation of precedent sources implemented in lexicographic practice, and secondly, with the creation of precedent phenomena dictionaries. The need for lexicographic fixation of precedent phenomena is connected, firstly, with the heterogeneity of units included in the class of precedent phenomena, secondly, with the frequent use of precedent units in different types of discourse and the need for their qualification and interpretation, thirdly, with their linguistic and cultural significance, the ability to represent national concepts, reflect the mentality of a Russian person. Using the example of the precedent phenomena analysis used in newspaper discourse, the paper shows that in the process of interpreting the studied units, it is possible to use data from both linguistic and encyclopedic dictionaries. However, at the present stage of lexicography, the task is to create precedent phenomena dictionaries that belong to anthropocentric dictionaries and whose purpose is to describe the analyzed units in the process of their actualization in discourse. Such dictionaries, unlike linguocentric dictionaries, perform, according to D.B. Gudkov, a fixing function. Russian lexicography knows only one dictionary that fully complies with the principles of compiling linguistic and cultural dictionaries – the dictionary "Russian cultural space". The construction features of this dictionary are presented in the article. The factor of the use of precedent phenomena is recorded in this dictionary: 1) indicating the various shades of the meaning in the described unit; 2) giving examples of the precedent unit use in various texts.*

The article shows that it is very difficult to present all the meanings of a precedent unit, but the analyzed dictionary makes it possible to start from one of the meanings and fix an additional cognitive feature objectified in the analyzed context. Thus, the article presents the features of solving the stated problem, shows the features of the anthropocentric dictionary and the potential of its use in the process of analyzing precedent units in newspaper discourse.

Keywords: *precedent, cognitive trait, dictionary of precedent phenomena, anthropocentric lexicography*

For citation: Nemirova N. V. Lexicographic aspects of precedent / Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series. 2022, 3: 35–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-35>.

Прецедентность в лингвистике – это процесс отражения в тексте культурной национальной традиции в оценке и восприятии исторических событий, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества [Немирова, 2003, с. 146]. Результатом этого процесса является использование в тексте различных прецедентных феноменов (ПФ): прецедентных текстов (ПТ), прецедентных высказываний (ПВ), прецедентных ситуаций (ПС) и прецедентных имен (ПИ) [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева, 1997, с. 64–65].

Проблема лексикографических аспектов прецедентности связана, во-первых, с реализованной в лексикографической практике фиксацией источников прецедентности, во-вторых – с созданием словарей ПФ.

В процессе анализа ПФ могут быть использованы данные как лингвистических, так и энциклопедических словарей.

Анализ лексикографической фиксации источников ПФ показывает, что в лингвистических и энциклопедических словарях представлены не только источники ПФ, но и особенности их употребления в речи носителей русского языка.

Приведем примеры использования словарей разных типов в процессе понимания смысла, транслируемого ПФ. В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой представлено следующее толкование ПИ «Моцарт»: «1. В. А. Моцарт (1756–1791 гг.) – великий австрийский композитор. 2. Употребляется как символ человека, достигшего высшего мастерства в своем деле» [Ефремова, 2000]. Этой лексикографической информации достаточно, например, для интерпретации следующего контекста: «А на виду были невиданный успех и немислимая плодовитость «Моцарта живописи», как часто называли Коровина» [Кудряшов 2021], – в котором реализован следующий когнитивный признак (КП) ПИ «Моцарт» – ‘о художнике К. А. Коровине, который в живописи достиг такого же мастерства, как и Моцарт в музыке’. Под «когнитивным признаком» мы вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным понимаем «отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания» [Попова, Стернин, 2007, с. 128]. Так как ПФ являются репрезентантами концептов [Немирова, 2012, с. 31], понятие когнитивного признака применимо для интерпретации конкретного употребления ПФ в тексте.

В статье, посвященной юбилею А. Пахмутовой, приводятся слова юбиляра: «По радио не услышишь не только Шостаковича или Прокофьева, но и Чайковского. А это боги, что же о нас говорить?». Авторы публикации подчеркивают: «На это можно возразить пушкинским: “Ты, Моцарт, бог, но сам того не знаешь”» [Иванова, Туманов, Корнацкий, Игумнова, 2019] (пример взят из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], однако для толкования ПВ необходимо обратиться к полному тексту статьи). Для анализа ПВ, использованного в приведенном выше контексте, исчерпывающими будут данные «Словаря крылатых выражений Пушкина» В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко, в котором указывается ПТ – источник – «Моцарт и Сальери» (1830), а также приводятся значения анализируемого ПВ, на базе одного из них («О недооценке писателем своего таланта и его самого современниками. О Пушкине» [Мокиенко, Сидоренко, 1999, с. 609]) можно определить когнитивный признак (КП), транслируемый ПВ в контексте процитированной выше статьи, – ‘о недооценке А. Пахмутовой своего таланта’.

Энциклопедические словари также оказываются весьма полезными в процессе анализа ПФ. Так, например, в контексте интервью, данном академиком К. Валиевым Ю. Халиуллину, использовано ПИ «Минотавр» для обозначения

квантового компьютера: «Я не исключаю, что квантовые компьютеры и другие тонкие квантовые технологии уже в XXI веке смогут значительно превзойти человеческий разум по своим мыслительным и творческим возможностям. Поэтому будущие квантовые компьютеры я часто называю Минотавром, ведь в древнегреческой мифологии Минотавр – это полубык-получеловек» [Халиуллин, 2011]. А. Ф. Лосев в словарной статье «Минотавр», представленной в «Мифологическом словаре», отмечает: «Минотавр... в греческой мифологии чудовище-человекобык», который «был помещен в подземный лабиринт» [Лосев, 1991]. В процессе метафорического использования ПИ «Минотавр» (для наименования квантового компьютера) актуализированы КП ‘способность к решению сложных и запутанных проблем’ и КП ‘быстрота вычислений’: с «суперматематическими задачами», для решения которых даже самым мощным современным компьютерам... потребуются миллионы лет», «будущие квантовые компьютеры» справятся «за какие-то 10–15 часов» [Халиуллин, 2011].

Итак, корпус словарей русского языка содержит необходимую информацию для разъяснения смысла, вербализованного ПФ в процессе его индивидуального употребления, отражает коллективное знание о содержании ПФ (последнее фиксируется такими структурными элементами словарных статей, как использованием сочетания слов «употребляется как...» [Ефремова, 2000], приведением примеров семиотического использования прецедентных единиц [Мокиенко, Сидоренко, 1999, с. 609], репрезентацией важных компонентов мифа, которые символизируют различные понятия [Лосев, 1991], так как миф, по справедливому утверждению А. Ф. Лосева, – «символ жизни» [Лосев, 2001, с. 97].

Однако Д. Б. Гудков в диссертационном исследовании «Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации» ставит вопрос о создании словарей ПФ, которые он относит к так называемым антропоцентрическим словарям (В. В. Морковкин) [Гудков, 1999, с. 317], отражающим, по мнению Ю. Н. Караулова, в отличие от «системно-ориентированных», правила использования единицы языка ««средним носителем языка как отдельной языковой личностью», содержащим «установку на обучение, на активное владение языком и поддержание знаний о нем, его эффективное использование» [Караулов, 1988, с. 16].

В. В. Морковкин подчеркивает, что «антропоцентрический подход заставляет лексикографов соотносить свою научную деятельность» «с новой проблемой – как воспринимаются материалы словаря пользователем», поэтому «перспективным направлением» может стать лексикографирование, ориентированное на «язык как принадлежность сознания человека» [Морковкин, 1988, с. 131–132].

Ученый выделяет 2 вида лексикографирования: лингвоцентрическое и антропоцентрическое. «Лингвоцентрическое лексикографирование во главу угла ставит язык как подлежащую данность. У антропоцентрического лексикографирования во главе угла человек и его языковое сознание», его «главная задача – помочь человеку, во-первых, в формировании языка как принадлежности сознания, а во-вторых, в эффективном использовании этого языка» [Морковкин, 1988, с. 132].

Д. Б. Гудков указывает на принципиальное отличие лингвострановедческих словарей от словарей ПФ: первые выполняют «нормативную функцию», вторые – фиксирующую функцию. Словари ПФ должны «ориентироваться на реальное существование в языковом сознании соответствующих языковых единиц, реальные особенности их актуализации и функционирования в речи» [Гудков, 1999, с. 319].

Однако авторы современных лингвострановедческих словарей решают проблемы, близкие к тем, которые ставит антропоцентрическое лексикографирование. Так, например, словарь «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» включает «единицы языка, которые обладают национально-культурным фоном, то есть некоторым набором дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем русским. Причем национально-культурный фон языковой единицы обязательно включает общеизвестные слова и выражения» [Ростова, 2007, с. IV]. ПФ – единицы, обладающие «словесно выраженным культурным фоном» [Ростова, 2007, с. IV], – нашли отражение в словаре, хотя специальный термин «прецедентный феномен» авторами не используется. Так, Е. Г. Ростова отмечает, что «в словник словаря» включены: «1. Слова и словосочетания, называющие факты и явления природы, национальной истории и культуры, например: Куликовская битва, колокол, клюква, липа, лес, Отечественная война 1812 года, поле, рожь, перестройка, царь, чин, щи и др. 2. Имена собственные: топонимы, антропонимы (имена реальных людей – исторических личностей, государственных деятелей, ученых, писателей и т.д.; имена мифических персонажей, фольклорных и литературных), напр.: Нева, Сибирь, Камчатка, Александр Невский, Г. А. Потемкин, Петр I, Д. И. Менделеев, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, И. И. Левитан, Баба-Яга, Иванушка-дурачок, Обломов, Чебурашка и др. 3. Названия общеизвестных литературных произведений, произведений изобразительного искусства, музыки, театра и кино, напр.: «Богатыри», «Дама с собачкой», «Лебединое озеро», «Место встречи изменить нельзя», «Осенний марафон», «Ревизор», «Темная ночь», «Три сестры», «Чапаев» и др. [Ростова, 2007, с. IV].

Это существенно отличает данный лингвострановедческий словарь от других словарей подобного типа. Представляется интересным и то, что разнообразные типы ПФ могут быть представлены не только в заголовочном компоненте, но и в процессе лексикографической репрезентации содержания того или иного понятия: например, в словарной статье «Анна Каренина» содержится характеристика ПВ: «Первые строки романа стали крылатыми словами: *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему. Все смешалось в доме Облонских ...* Выражение *Все смешалось в доме Облонских* употребляют, когда хотят сказать, что все вышло за пределы привычного положения вещей» [Россия. БЛС, 2007, с. 21–22].

Словари ПФ И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков относят к лингвокультурологическим словарям (ЛКС). По мнению В. А. Козырева и В. Д. Черняк, ЛКС: 1) «отличаются междисциплинарным характером»; 2) обладают значимостью

«энциклопедической информации», 3) выявляют «семантический потенциал слова, аккумулирующего культурную память народа» [Козырев, Черняк, 2015, с. 353].

Принципами построения лингвокультурологических словарей, по мнению В. В. Красных, являются: 1) репрезентация «грамматического, этимологического, фольклорного, культурологического, лингвострановедческого и под. материала»; 2) выявление соотносительности прецедентной единицы «с различными кодами культуры»; 3) анализ метафорических аспектов объективации единицы в различных контекстах ее употребления; 4) фиксация «инварианта восприятия» прецедентного феномена; 5) рассмотрение функционального аспекта прецедентной единицы; 6) репрезентация и анализ «возможных контекстов употребления данной единицы»; 7) поиск эквивалентов описываемой единицы в других культурах / лингвокультурах» [Красных, 2016, с. 416–417]. Однако сложность реализации этих принципов в лексикографической практике состоит в сопоставительном аспекте с другими лингвокультурами (этот аспект в словаре «Русское культурное пространство» не рассматривается, так как такая задача не ставилась составителями словаря).

И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков в предисловии к ЛКС «Русское культурное пространство» «Теоретические положения. Принципы описания» определяют принципиальные отличия данного словаря от лингвострановедческих и культурологических словарей. Во-первых, по мнению авторов, «словарь призван выполнять фиксирующую и ориентирующую функции», т.е., с одной стороны, отражать «те представления, модели восприятия, способы действия и их символы, за которыми в данном обществе закреплён статус “правильных” и “необходимых для запоминания”», а с другой – предлагать «данные феномены в качестве образцовых, эталонных», задавать «ориентиры для “правильного” поведения в этом социуме». Во-вторых, составители анализируемого словаря «опирались не только на интроспекцию, но и на данные проведенных» ими «экспериментов в форме анкетирования, а также на исследования текстов СМИ и массовой литературы». В-третьих, создатели словаря стремились «к выявлению и презентации инвариантного образа» реалий «в массовом сознании и к представлению того, как инвариант воплощен в языке речи». В-четвертых, авторы ставили своей задачей демонстрацию экспликации «взаимосвязи, взаимозависимости и взаимовлияния» «единиц, вошедших в словарь» [Захаренко, Красных, Гудков, 2004, с. 9–10].

В словаре описано около 200 «коллективных представлений и стереотипных образов русской культуры», включающих зооморфные образы (ЗО), прецедентные имена (ПИ), прецедентные тексты (ПТ) и прецедентные высказывания (ПВ).

Отличается от словарей других типов и структура словарной статьи. ЗО и ПИ представлены в словаре следующим образом: после фиксации наименования указываются сведения энциклопедического характера, позволяющие определить место «персонажа или предмета в мифологическом пантеоне» (1); затем – его «культурный смысл» и «стереотипный образ» (2); завершает словарную статью анализ функций, «которые он выполняет в дискурсе» [Захаренко, Красных, Гуд-

ков, 2004, с. 44]. Для описания ПВ выбрана следующая структура: информация о тексте-источнике (если он существует) (1); фиксация «глубинного смысла» ПВ (2); указание на его функции в дискурсе (3). При этом авторы отмечают, что если ПВ «не имеет «скрытого» значения», то «могут объединяться в один «блок» энциклопедическая информация и значение ПВ» [Захаренко, Красных, Гудков, 2004, с. 51–52]. Словарная статья, в которой репрезентирован ПТ, «не членится на «пункты» и предстает как «цельный» текст», который, по мнению авторов словаря, «хранится в когнитивной базе в виде инварианта восприятия», поэтому «относится не к вербальным, а вербализуемым прецедентным феноменам», однако при этом сохраняются общие принципы описания феномена и последовательность изложения материала» [Захаренко, Красных, Гудков, 2004, с. 41].

В качестве примера рассмотрим описание ПФ, восходящих к одному источнику – ПТ «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

В словарной статье, описывающей анализируемый ПТ, сначала указывается автор сказки (А. Н. Толстой), дата написания (1936 г.), а также литературный источник – сказка итальянского писателя К. Лоренцини (Коллоди) «Приключение Пиноккио» (1880). Затем представлен краткий пересказ сказки, в котором передается основное содержание сказки, описываются герои, воспроизводятся сюжетные линии. Далее подчеркивается особая популярность сказки в России, проявляющаяся и в том, что «по этой сказке снято несколько фильмов», и определяется причина такой популярности: «В данной сказке воплощается характерное для русских древнейшее представление о чуде (символами которого могут выступать *поле чудес* или *золотой ключик*): нечто даруется человеку свыше без каких-либо его заслуг или усилий с его стороны». Вербализация ПТ в современных текстах представлена в виде примеров использования ПИ и ПВ, восходящих к сказке «Золотой ключик»: «...в СРП стали обхаживать как «умньего и богатенького Буратино», терпеливо ждущего, пока вырастет «золотое дерево». Время МН, 1999». В конце словарной статьи приводятся «фразы из этой сказки» и ее экранизаций, которые «могут употреблять» «современные русские»: *какое небо голубое, пациент скорее жив, чем мертв, поле чудес, три корочки хлеба, туда мы будем кости* [РКП, 2004, с. 235–237].

Словарная статья ПВ «Поле чудес [В стране дураков]» включает все необходимые для понимания и интерпретации ПВ компоненты:

«Поле чудес [В стране дураков] – волшебное место из сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1); имеет скрытое значение, обусловленное текстом сказки (2); может употребляться при описании ситуации (3).

1. О волшебном ПЧ в Стране дураков рассказывают *Буратино* мошенники *лиса Алиса* и *кот Базилио*, желая выманить у него 5 золотых монет. Они говорят, что если на этом поле закопать деньги, то утром там вырастет сказочное дерево с золотыми монетами вместо листьев.

2. Имеется в виду несуществующее волшебное место, где за короткое время можно легко преумножить «капитал».

3. Современные русские могут вспоминать *поле чудес*, имея в виду сказочное место, где можно быстро и не прикладывая особых усилий обогатиться, или несуществующую волшебную страну, придуманную обманщиками.

Поле чудес в стране бюрократов – отрасль, приносящая несметные богатства, оказалась на голодном пайке. Чем это аукнется? *Парламентская газета. 2001...*» [РКП, 2004, с. 295].

В словарной статье ПИ «Буратино» представлены следующие компоненты:

«Буратино – герой популярной сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3).

1. Б. – ожившая деревянная кукла с длинным носом, мальчик, которого сделал из полена бедный шарманщик Карло и стал воспитывать как своего сына». Далее авторы пересказывают основные сюжетные линии сказки.

«2. Б. – неунывающий, жизнерадостный и любопытный мальчик – ожившая деревянная кукла. Отличительными чертами внешнего облика Б. являются очень длинный нос и красно-белый колпачок с кисточкой.

3. Современные русские могут называть *Буратино* или обращаться к образу Б. при характеристике): «человека с длинным носом»; «угловатого, худого, нескладного подростка, неловкого и несуразного в движениях»; «человека, у которого есть деньги (*богатенький Буратино*)» [РКП, 2004, с. 178–180]. Каждое из выделенных значений сопровождается примерами из современных текстов.

Рассмотрим особенности использования данных анализируемого словаря в процессе интерпретации ПИ в контексте статьи В. Костикова «Партбилет для Буратино. Почему власть упрощает русского человека?»: «Есть опасение, что новая стратегия воспитания ... обеспечит массовое производство обтесанных под шаблон, веселеньких и неунывающих во время кризисов Буратино» [Костиков, 2015]. Е. А. Нахимова подчеркивает: «Принадлежность прецедентного имени «Буратино» к числу констант русской культуры, к числу ее важных архетипов находит отражение в том, что данное имя ... часто используются метафорически для характеристики современных реалий» [Нахимова, 2011, с. 236]. Имплицитно в контексте статьи отражено следующее значение: человек, «у которого есть деньги (богатенький Буратино)» [РКП, 2004, с. 178–180], но оно полностью не отражает те смыслы, которые вербализованы в публикации. Так, в «Словаре русских синонимов» закреплено близкое к отраженному в анализируемом контексте значение этого ПИ - «идиот, дурак, тупица» [СРС], которое не зафиксировано в РКП. ПИ «Буратино» в контексте статьи В. Костикова имеет КП – ‘человек, зависящий от внешних влияний и оценок, не способный самостоятельно регулировать собственное поведение и отвечать за него, легко поддающийся манипулятивному воздействию’ и выражает негативную оценку: в новой стратегии воспитания, направленной на формирование положительных в своей основе качеств гражданина (умение противостоять негативным обстоятельствам, патриотизм, способность сохранять, активно защищать и реализовывать свои позиции, принципы, нравственные убеждения и др.), автор видит механистический подход к

процессу формирования личности, поэтому в контексте публикации транслируются ассоциации с деревянной куклой из сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик» [Немирова, 2016, с. 77–78].

Итак, ЛКС «Русское культурное пространство» является одним из уникальных словарей, так как в нем нашел отражение коллективный опыт использования прецедентных единиц, указаны их источники, представлены архетипы русской культуры.

Таким образом, анализ лексикографической фиксации прецедентных единиц в лингвистических и энциклопедических словарях показывает, что элементы антропоцентрического лексикографирования находят отражение в процессе описания ПФ. Так, например, в словарной статье с заголовочным словом «Моцарт» «Современного толкового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремовой представлена информация энциклопедического характера (названы годы жизни В. А. Моцарта, родина композитора, его вклад в мировое музыкальное искусство), а также показано, в каком обобщенном значении используется анализируемое ПИ – «символ человека, достигшего высшего мастерства в своем деле» (в данном компоненте словарной статьи можно усмотреть признаки антропоцентрического лексикографирования). Следует отметить, что эта словарная статья есть только в одной из электронных версий словаря Т. Ф. Ефремовой, в других изданиях этого же словаря приведенная выше словарная статья отсутствует.

В «Словаре крылатых выражений Пушкина» В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко не только указывается, в каких значениях может быть употреблено анализируемое ПВ «Ты, Моцарт, бог, но сам того не знаешь», но и приведены примеры его семиотического употребления.

Второй аспект анализируемой проблемы – создание словарей ПФ – связан с дифференциацией лингвоцентрических и антропоцентрических словарей. Первые, по мнению Ю. Н. Караулова, нацелены на «адекватное отражение» «лексико-семантической системы языка», а вторые – на фиксацию «усредненного словарного запаса и правил его использования отдельной языковой личностью» [Караулов, 1988, с. 16].

Несмотря на то, что, по мнению Д. Б. Гудкова, лингвострановедческие словари, выполняя нормативную функцию, не решают в полной мере задачу обучения эффективному использованию языка, словарь «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» включает прецедентные единицы, связанные с национальной историей и культурой и известные всем русским (в этой особенности также проявляются черты лексикографической антропоцентричности).

В русской лексикографии известен только один словарь, который в полной мере отвечает принципам построения лингвокультурологических словарей, – это словарь «Русское культурное пространство», отражающий коллективный опыт использования ПФ, позволяющий рассматривать «язык как принадлежность сознания человека» (В. В. Морковкин), представляющий архетипы русской культуры, способствующий эффективному использованию прецедентной единицы в речи носителей русского языка и тех, кто изучает русский язык [Морковкин, 1988, с. 131–132].

Необходимость лексикографической фиксации прецедентных феноменов связана, во-первых, с разнородностью единиц, включаемых в класс прецедентных феноменов, во-вторых, с частотным использованием прецедентных единиц в разных видах дискурса и необходимостью их квалификации и интерпретации, в-третьих, с их лингвокультурологической значимостью, способностью репрезентировать национальные концепты, отражать менталитет русского человека.

Таким образом, в статье показаны особенности антропоцентрического словаря и потенциал его использования в процессе анализа прецедентных единиц в газетном дискурсе, а также его значение в осознании коллективного опыта носителей языка и отражении национального культурного кода.

Список источников

1. *Гудков, 1999* – Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1999. 400 с.
2. *Ефремова, 2000* – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index-204-2.htm> (дата обращения 24.03.2022).
3. *Захаренко, Красных, Гудков, 2004* – Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б. Теоретические положения. Принципы описания // Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Выпуск 1 / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М.: Гнозис, 2004. С. 7–54.
4. *Иванова, Туманов, Корнацкий, Игумнова, 2019* – Иванова М., Туманов А., Корнацкий Н., Игумнова З. Мелодия надежды: Александра Пахмутова отметила юбилей на сцене // Известия. 11.11.2019.
5. *Караулов, 1988* – Караулов Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М.: Русский язык, 1988. С. 5–18.
6. *Козырев, Черняк, 2015* – Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 631 с.
7. *Костиков, 2015* – Костиков В. Партбилет для Буратино. Почему власть упрощает русского человека // Аргументы и факты. 2015. № 19.
8. *Красных, 2016* – Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
9. *Красных, Гудков, Захаренко, Багаева, 1997* – Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 1997. № 3. С. 62–74.
10. *Кудряшов, 2021* – Кудряшов К. Правда живописи: Коровина называли певцом счастья. И безжалостно грабили // Аргументы и факты. 2021. № 48.
11. *Лосев, 2001* – Лосев А. Ф. Диалектика мифа / сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558 с.
12. *Лосев, 1991* – Лосев А. Ф. Минотавр // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 367.
13. *Мокиенко, Сидоренко, 1999* – Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. 752 с.
14. *Морковкин, 1988* – Морковкин В. В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 131–36.

15. *Нахимова, 2011* – Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2011. 276 с.
16. *НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 24.03.2022).
17. *Немирова, 2003* – Немирова Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. Т. 11. С. 145–56.
18. *Немирова, 2012* – Немирова Н. В. Прецедентные феномены как репрезентанты концептов в русской языковой картине мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4(033). С. 31–36.
19. *Немирова, 2016* – Немирова Н. В. Символизация прецедентных имен в газетном дискурсе // In *Nōminum Spatio*: материалы I Международных ономастических чтений им. Е. С. Отина (16–18 октября 2015 г.) / отв. ред. В. М. Калинин. Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2016. С. 77–85.
20. *Попова, Стернин, 2007* – Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
21. *Россия. БЛС, 2007* – Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2007. 736 с.
22. *Ростова, 2007* – Ростова Е. Г. Предисловие // Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2007. С. IV–VII.
23. *РКП, 2004* – Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
24. *СРС* – Словарь русских синонимов (онлайн версия). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-5313.htm> (дата обращения 24.03.2022).
25. *Халиуллин, 2011* – Халиуллин Ю. Минотавр квантовой физики // Независимая газета. 28.12.2011.

References

1. *Gudkov D. B., 1999* – Gudkov D. B. Precedent phenomena in linguistic consciousness and intercultural communication. Dokt. Dis. = Precedent phenomena in linguistic consciousness and intercultural communication. Dokt. Dis. Moscow, 1999. 400 p. (In Russ.).
2. *Efremova T. F., 2000* – Efremova T. F. Modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, Russian language Publ., 2000. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index-204-2.htm> (accessed 24.03.2022). (In Russ.).
3. *Zaharenko I. V., Krasnyh V. V., Gudkov D. B., 2004* – Zaharenko I. V., Krasnyh V. V., Gudkov D. B. Theoretical provisions. Principles of description. Russkoe kul'turnoe prostranstvo. *Lingvokul'turologicheskij slovar'. Vypusk 1 = Russian cultural space. Linguoculturological dictionary. Issue 1* / I. S. Brileva, N. P. Vol'skaya, D. B. Gudkov, I. V. Zaharenko, V. V. Krasnyh. Moscow, Gnosis Publ., 2004, pp. 7–54. (In Russ.).
4. *Ivanova M., Tumanov A., Kornackij N., Igumnova Z., 2019* – Ivanova M., Tumanov A., Kornackij N., Igumnova Z. Melody of Hope: Alexandra Pakhmutova celebrated her anniversary on stage. *Izvestiya = News*. 11.11. 2019. (In Russ.).
5. *Karaulov Yu. N. , 1988* – Karaulov Yu. N. The current state and trends of the development of Russian lexicography. *Sovetskaya leksikografiya = Soviet lexicography*. Moscow, Russian language Publ., 1988, pp. 5–18. (In Russ.).

6. *Kozyrev V. A., Chernyak V. D., 2015 – Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Lexicography of the Russian language: the present century and the past century. St. Petersburg, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University Press, 2015. 631 p. (In Russ.).*
7. *Kostikov V., 2015 – Kostikov V. Party card for Pinocchio. Why does the government simplify the Russian person. Argumenty i fakty = Arguments and facts. 2015. No. 19. (In Russ.).*
8. *Krasnyh V. V., 2016 – Krasnyh V. V. Dictionary and grammar of linguoculture: Fundamentals of psycholinguoculturology. Moscow, Gnosis Publ., 2016. 496 p. (In Russ.).*
9. *Krasnyh V. V., Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Bagaeva D. V., 1997 – Krasnyh V. V., Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Bagaeva D. V. Cognitive base and precedent phenomena. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.9. Filologiya = Bulletin of the Moscow University. Ser. 9. Philology. 1997. No 3, pp. 62–74. (In Russ.).*
10. *Kudryashov K., 2021 – Kudryashov K. The truth of painting: Korovin was called a singer of happiness. And ruthlessly robbed. Argumenty i fakty = Arguments and facts. 2021. No 48. (In Russ.).*
11. *Losev A. F., 2001 – Losev A. F. Dialectics of Myth. Moscow, Thought Publ., 2001. 558 p. (In Russ.).*
12. *Losev A. F., 1991 – Losev A. F. Minotaur. Mifologicheskij slovar' = Mythological Dictionary. Moscow, The Soviet Encyclopedia Publ., 1991, p. 367. (In Russ.).*
13. *Mokienko V. M., Sidorenko K. P., 1999 – Mokienko V. M., Sidorenko K. P. Dictionary of Pushkin 's Winged Expressions. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Folio-Press, 1999. 752 p. (In Russ.).*
14. *Morkovkin V. V., 1988 – Morkovkin V. V. Anthropocentric versus linguocentric approach to lexicography. Nacional'naya specifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare = National specificity of language and its reflection in the normative dictionary. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp.131– 36. (In Russ.).*
15. *Nahimova E. A., 2011 – Nahimova E. A. Precedent Onyms in Modern Russian Mass Communication: Theory and Methodology of Cognitive-Discursive Research. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2011. 276 p. (In Russ.).*
16. *NKRYA – National Corpus of the Russian language. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 24.03.2022). (In Russ.).*
17. *Nemirova N. V., 2003 – Nemirova N. V. Precedent and intertextuality of political discourse. Lingvistika: byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva = Linguistics: Bulletin of the Ural Linguistic Society. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2003. vol. 11, pp. 145–56. (In Russ.).*
18. *Nemirova N. V., 2012 – Nemirova N. V. Precedent phenomena as representatives of concepts in the Russian linguistic picture of the world. Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Questions of cognitive linguistics. 2012. No. 4(033), pp. 31–36. (In Russ.).*
19. *Nemirova N. V., 2016 – Nemirova N. V. Symbolization of precedent names in newspaper discourse. In Nōminum Spatio: Materials of the First International Onomastic Readings named after E.S. Otin (October 16-18, 2015). Donetsk: Azbuka Foundation Publ., 2016, pp. 77–85. (In Russ.).*
20. *Popova Z. D., Sternin I. A., 2007 – Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive linguistics. Moscow, AST: East-West, 2007. 314 p. (In Russ.).*
21. *Rossiya. BLS, 2007 – Russia. Large linguistic and cultural dictionary. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2007. 736 p. (In Russ.).*
22. *Rostova E. G., 2007 – Rostova E. G. Preface. Rossiya. Bol'shoj lingvostranovedcheskij slovar' = Russia. Large linguistic and cultural dictionary. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2007, pp. IV–VII. (In Russ.).*
23. *RKP, 2004 – Russian cultural space. Linguoculturological dictionary. Issue 1 / I. S. Brileva, N. P. Vol'skaya, D. B. Gudkov, I. V. Zaharenko, V. V. Krasnyh. Moscow, Gnosis Publ., 2004. 318 p. (In Russ.).*

24. *CPC* – Dictionary of Russian Synonyms (online version). Available at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-5313.htm> (accessed 24.03.2022). (In Russ.).

25. *Haliullin Yu., 2011* – Haliullin Yu. The Minotaur of Quantum Physics. *Nezavisimaya gazeta = Independent Newspaper*. 28.12.2011. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Немирова Наталья Владимировна

Natalia V. Nemirova

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской филологии
ResearcherID G-7016-2016

Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Russian Philology
ResearcherID G-7016-2016

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, 167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167000,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

17.04.2022
25.04.2022
28.09.2022

Мифологизация крови в заговорно-заклинательной практике удмуртов

Панина Татьяна Игоревна

Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Россия
tipanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0743-1391>

Аннотация. В статье рассматриваются мифологические представления удмуртов о крови (*вир*), которые нашли отражение в заговорно-заклинательной практике, а именно в лечебных обрядах и сакральных текстах заговоров (*пелляськон / пелляськон кыл*), а также в народных поверьях и прескрипциях, связанных с концептом «здоровье». Выявлено, что кровь воспринимается как субстанция жизни, витальная жидкость, которую могли отнять у человека демонические существа *сиись-юисьёс / сиись-дюисьёс* (букв.: едящие-пьющие), *уй ветлйсь-мынйсь* (букв.: ходящий-бродящий ночью), *убир* (*упырь*, *вампир*), *кулэм-убир* (*мертвец-кровопийца*, *дух умершего колдуна*). Вместители жизненной силы выступают кровеносные сосуды (*вирсэр*), в лечебных заговорах они указывают на потенциальные причины появления болезни. В обрядах лечебного и профилактического характера кровь жертвенных животных и птиц используется с целью задабривания виновников недугов – высших сил, божеств, умерших, духов болезней – и получения их благорасположения. В статье также рассматриваются связанные с представлениями о крови критерии, обеспечивающие успешность лечения и неуязвимость от носителей опасности.

Ключевые слова: удмурты, мифологические представления, лечебные заговоры, лечебные обряды, мифологизация крови, кровь, кровеносные сосуды

Для цитирования: Панина Т. И. Мифологизация крови в заговорно-заклинательной практике удмуртов // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 48–57. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-48>.

Mythologization of blood in Udmurt folk medicine

Tatiana I. Panina

Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Centre,
Izhevsk, Russia
tipanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0743-1391>

Abstract. The article discusses the Udmurt mythological beliefs about blood (*vir*) which are reflected in folk medicine, namely in healing rites and charms (*pellyaskon / pellyaskon kyl*), as well as in folk beliefs and prohibitions related to the concept of "health". It was revealed that blood is perceived as the substance of life, a vital fluid that could be taken from a person by

demonic creatures siis-yuisyos / siis-duisyos (literally: those who eat and drink), uy vetlis-mynis (literally: the one who walks and wanders at nights), ubir (ghoul, vampire), kulem-ubir (dead bloodsucker, the spirit of the deceased sorcerer). The blood vessels (virser) act as the receptacle of vitality; in healing charms they indicate the potential causes of the onset of the disease. In healing and preventive rites the blood of sacrificial animals and birds is used to appease the potential perpetrators of diseases – higher powers, deities, the dead, spirits of diseases - and to obtain their favor. The article also discusses criteria related to beliefs about blood that ensure the success of treatment and invulnerability from carriers of danger.

Keywords: *Udmurts, mythological beliefs, healing charms, healing rituals, mythologization of blood, blood, blood vessels*

For citation: Panina T. I. Mythologization of blood in the spell-casting practice of the Udmurts. *Vestnik Syktyvkarского universiteta. Seriya gumanitarnyykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2022, 3: 48–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-48>.

В мифологических воззрениях многих народов кровь наделяется особой символикой и имеет многообразные ритуально-магические функции. Цель настоящей статьи – рассмотреть традиционные представления удмуртов о крови, которые нашли отражение в заговорно-заклинательной практике. Источниками исследования служат архивные материалы из Научного архива Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, фольклорного и фольклорно-диалектологического фондов Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета (УдГУ), фольклорного архива кафедры иностранных языков и удмуртской филологии Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, полевые материалы автора, а также опубликованные труды отечественных и зарубежных исследователей удмуртской традиционной культуры.

Свидетельства мифологизации крови содержатся как в сакральных текстах заговоров, так и непосредственно в народных представлениях, поверьях и прескрипциях. В контексте заговорно-заклинательной практики кровь в первую очередь воспринимается как жизненная субстанция, средоточие витальной энергии. Бытовали представления о демонических персонажах, которые пьют кровь людей, тем самым лишая их жизненной силы. К ним относятся, например, *сиись-юисьёс / сиись-дюисьёс* (букв.: едящие-пьющие) – невидимые злые духи, «поедающие» человека. Их представляли как злых духов, которые по ночам пили кровь человека, не оставляя при этом никаких видимых следов на теле, и могли тем самым полностью «иссушить» человека. Удмурты Мамадышского уезда верили, что в ночное время бродил по земле злой дух *уй ветлись-мынись* (букв.: ходящий-бродящий ночью), который сосал кровь людей, оставляя синее пятно [Гаврилов, 1891, с. 87]. В Сарапульском уезде бытовали поверья, что синие пятна на теле умершего, особенно ребенка, появляются в тех местах, где их кровь высосал *убир* [Верещагин, 1889, с. 87]. *Кулэм-убир* – мертвец-кровопийца, дух умершего колдуна – выходил из могилы в темное время суток и летал повсе-

местно в поисках жертвы: вынимал сердце из живых, выпивал кровь людей, после чего последние умирали. При обращении к высшим силам часто фигурирует просьба уберечь человека от отрицательного воздействия демонических сил: «*Тушмонлы-аманлы эн сёт! Олокин “сиё-юо!” шуоз, солы эн сёт! Олокёче шукед-шакед вань, олокёче калераед вань, эн сёт!* (Врагу-хищнику не отдай! Тому, кто «съем-выпью!» скажет, не отдай! Всякие болезни-недомогания у тебя есть, всякая холера-зараза у тебя есть, не отдай/не выдай!)» [Munkácsi, 1887, с. 149]; «*Черлэсь-пыдлэсь, сьбсьлэсь-каблэсь уть-ворды, Инмаре! “Сиё-юо!” шуисьлэсь зарни кенерен, азвесь кенерен монэ котырты!* От болезней-напастей, извергов-хищников огради-спаси, Инмар! От того, кто «съем-выпью!» скажет, золотым забором, серебряным забором меня огради!» [Munkácsi, 1887, с. 149].

В лечебных заговорах (*пелляськон / пелляськон кыл*) мифологема крови реализуется через концепты «*вир* (кровь)» и «*вирсэр* (кровеносный сосуд)»: первый преимущественно встречается в заговорах от кровотечения (*кыжкыл/виркыл*), второй, в отличие от первого, – в заговорах разных функциональных групп (например, от порчи, сглаза, кровотечения, грыжи, вывиха, паралича).

Большинство удмуртских лечебных заговоров представляют собой формулу невозможного, с помощью которой передается идея незыблемости принципов мироустройства, невозможность изменить окружающий мир и его вечные законы. Исключением не являются и заговоры от кровотечения: «*Сизьымдон сизьым адямилэсь йырси-гонзэ лыдзыса быдтычозь, вирзэ потыны уг лэзькы. Шурысь вань кёлыоссэ лыдзыса быдтычозь, вирзэ потыны уг лэзькы. Куасьем кызлэсь лыссэ лыдзыса быдтычозь, вирзэ потыны уг лэзькы* (Пока не сосчитает волосы на голове и теле 77 людей, не разрешаю ране кровоточить. Пока не сосчитает все гальки в реке, не разрешаю ране кровоточить. Пока не сосчитает все хвоинки высухой ели, не разрешаю ране кровоточить) [ФА ГГПИ. Иванова А. 1998. Кезский р-н, д. Стеньгурт, с. 13]. Нередко в этой группе сакральных текстов формула невозможного зиждется на имплицитном противопоставлении двух цветовых концептов – *тöдды* (белый) и *горд* (красный): «*Куке тöдды пуппылэн вирыз потйз, соку мед потоз. Куке тöдды мурьёлэн вирыз потйз, соку мед потоз* (Когда белая лутошка начнет кровоточить, тогда пусть [кровь] потечет. Когда белый дымоход начнет кровоточить, тогда пусть [кровь] потечет) [ФА УдГУ. ФЭ-2003. Граховский р-н, Лолошур-Возжинский с/с. Т. 3. Л. 13]; «*Куке тöдды пыппылэн вирез потйз, соку вир мед потоз. Куке тöдды жöккышетлэн вирез потйз, соку вир мед потоз. Куке тöдды зарезь шукылэн вирез потйз, соку вирез мед потоз* (Когда белая лутошка начнет кровоточить, тогда пусть кровь потечет. Когда белая скатерть начнет кровоточить, тогда пусть кровь потечет. Когда белая морская пена начнет кровоточить, тогда пусть кровь потечет) [НА УИИЯЛ. Оп. 2-Н. Д. 1381. Л. 2].

В вышеприведенных примерах подчеркивается не только неосуществимость достижения перечисленных условий, соответственно, недопустимость/предотвращение дальнейшего кровотечения, но и акцентируется одно из символических значений белого цвета – безжизненность/мертвенность/сухость,

которому противопоставляется семантика красного цвета – жизнь/полнокровность, восходящая к символике крови (красный изначально – цвет крови). В языковой картине мира понятие «кровь» обрастает новыми смыслами, ее отсутствие воспринимается как признак бесчеловечности, бессердечия: *виртэм* (букв.: бескровный, лишенный крови) – жестокий, бесчеловечный. По аналогии с ним образованы и следующие выражения с компонентом *вирсэр* (кровеносный сосуд): *вирсэрлы* (букв.: имеющий кровеносные сосуды) – приятный человек, *вирсэртэм/вирсэрестэм* (букв.: лишенный кровеносных сосудов) – неприятный человек, *вирсэртэмъяськыны* – неприлично себя вести.

Именно восприятие крови как субстанции жизни объясняет высокий семиотический статус красного цвета в народной медицине: при болях и ломоте на запястье привязывали «в виде браслетки кольца из шерстяных красных ниток» [Верещагин, 2000, с. 27], при ячмене красной ниткой / пряжей обвязывали безымянный палец противоположной руки [НА УИИЯЛ. Д. 519 Л. 170]. Красную нитку завязывают и в наши дни в качестве оберега от болезней и несчастий и носят до тех пор, пока она сама не развяжется или не разорвется [ПМА 2022, д. Карамас-Пельга Киясовского р-на, БЕП].

Некоторые знахари могли определить причину болезни, нащупывая пульсацию крови в кровеносных сосудах предплечья [ПМА 2022, д. Карамас-Пельга Киясовского р-на, ЛРМ¹]. Согласно удмуртским лечебным заговорам, которые в силу своей сакральности сохранили до наших дней архаические представления о мироустройстве, наличие кровеносных сосудов характерно не только для представителей живой природы, но и для объектов неживой природы: «*Му вирсэр, вир вирсэр, ву вирсэр! Кунь вирсэрлэсь пазьгиськемзэ огине карисько!* (Кровеносные сосуды земли, крови, воды! Три разорвавшиеся кровеносные сосуды объединяю!)» (заговор от вывиха) [НА УИИЯЛ. Д. 727. Т. 2. Л. 16]; «*Музьем пыртій ветлэ ву вирсэр. Музьем пыртій ву вирсэр сяин кукке ветлэмед луиз, соку сиса ветлы та висисез! Музьем пушкын вань музьем-гогы. Со музьем-гогыез кукке ыччкэлтэмед луиз, соку басьты та висисьлэсь лулзэ-вирзэ! Сотэк уг сётійськы!* В земле есть водная артерия. В земле как эта артерия, когда проходить-ходить сможешь, тогда ешь этого больного! В земле есть пуп земли. Этот пуп, когда выдернуть сможешь, тогда возьми душу-кровь этого больного! Иначе не отдаю [тебе больного]!» (универсальный заговор) [Wichmann, 1893, с. 192].

В лечебных заговорах кровь (*вир*) представлена как субстанция жизненной силы, а кровеносный сосуд (*вирсэр*) – как место её сосредоточения. Например, в заговоре от паралича сначала духу болезни ставят невыполнимые по своей сути условия поразить кровь / кровеносные сосуды водных объектов и их духохранителей, только после этого нанести вред больному: «...*сизьымдон сизьым но*

---

¹ В статье приняты следующие принципы оформления ссылок на полевые материалы автора: год и место записи, инициалы информанта (полное имя и дата рождения информантов не указывается в целях защиты персональных данных: данная информация хранится в авторском архиве).

пöртэм ошмес синлэн синмаз ке йöтiз, соослэсь ке вирсэрзэз басьтыны-шуккыны быгатiз, (висисьлэсь нимзэ верано, кылсярысь, Олёнлы) соку мед йöтоз. Каме, морae, Волгае сураськем бераз берлань пытьветiз местаяз пуктыны быгатiз ке, Чорной морae, Белой морae, Каспийской морae йöтiз ке, соослэсь ке вирзэс шуккыны-сöсыртыны быгатiз ке, соку Олёнэз мед быгатоз шуккыны-сöсыртыны. Му шур утисьлэсь, ву шур утисьлэсь вирсэрзэс-йоззэс, вирзэс шуккыны-сöсыртыны быгатiз ке, соку Олёнэз мед быгатоз шуккыны-сöсыртыны (... если семьдесят семь разных родников паралич ударит, их кровеносные сосуды заберет-ударит, (имярек, например, Алену) тогда пусть ударит [паралич]. Если перемешанные воды Камы, моря, Волги обратно на место сможет вернуть, поразить Черное море, Белое море, Каспийское море, их кровь сможет поразить-изувечить, тогда пусть Алену сможет поразить-изувечить. Духов – хозяев земной реки, водной реки кровеносные сосуды, кровь поразить-изувечить если сможет, тогда пусть Алену сможет поразить-изувечить) [ФДА УдГУ. Шкляева Е.А. 2003/04. Игринский р-н, д. Кабачигурт. С. 14].

В сакральных текстах упоминаются черные, белые, серые кровеносные сосуды (*сьöд вирсэр, тöды вирсэр, пурысь вирсэр*), которые, по сути, являются своеобразным способом названия всех возможных причин болезни: «*“Святой вода-матушка лыктэм, сьöд вирсэр, тöды вирсэр, пурысь вирсэр кузя лыктэм. Танялы та лекарство мед луоз”, – шуисько.* («Святая вода-матушка пришла по черным кровеносным сосудам, по белым кровеносным сосудам, по серым кровеносным сосудам пришла. Тане (имя больной. – Т. П.) это пусть лекарством послужит, – говорю» [ПМА 2010, д. Сеп Игринского р-на. РКЕ].

Если магические действия знахаря не приносили необходимого результата, говорили не о его некомпетентности в данной области, а о том, что он не совпадает с больным по определенным критериям: *лулыз уг тупа* (букв.: душа не подходит), *ым уг тупа* (букв.: уста не подходят), *дылды уг тупа* (букв.: слюна не подходит), *кыл уг тупа* (букв.: язык/слово не подходит), *вир уг тупа* (букв.: кровь не подходит). Сходство больного и лекаря по крови считалось залогом успешного лечения и в коми традиции: «Нередко неудачу сильного знахаря объясняли тем, что у него с больным «не сходится кровь», а благоприятный результат действий обычного человека тем, что он с больным взаиморасположен по крови» [Ильина, 1997, с. 84].

Совпадение по «крови» не подразумевает кровную родственную связь или людей из «своего» окружения. Наоборот, бытуют представления, что родственники, к примеру, не могут лечить друг друга. Удмурты верили, что колдовскими силами обладает чужак [Садиков, Хафиз, 2010, с. 78]. В связи с этим удмурты предпочитали приглашать знающего (*туно*) из другой деревни, несмотря на то, что и в своем селении жил *туно*. Считалось, что чужой *туно* был сильнее своего, «обладал большим могуществом – т.е. был “чужим” и в мифологическом плане» [Орлов, 1999, с. 31]. И в наши дни больные предпочитают обращаться за помощью не к своему местному знахарю, а к чужому, живущему и практикующему в соседней/чужой деревне. Соотнесение инородцев с областью магии и колдовства

– характерная черта мифологического мышления: «Оценка “чужих” как враждебных и опасных существ восходит к архаическим верованиям о том, что все пришедшие извне и не принадлежащие ближайшему сообществу люди являются представителями иного мира и обладают сверхъестественными свойствами <...>» [Белова, 2009, с. 581]. В традиционных культурах многих народов можно встретить немало количество примеров, подтверждающих веру в превосходство инонациональных знахарей/колдунов/шаманов над своими, местными специалистами [Ахметьянов, 1988, с. 93; П'ина, Ulyashev, 2003, с. 105].

В конце XIX века бытовали поверья, что колдуна можно лишить возможности применения вредоносной магии, если удастся пролить его кровь: «*Vedijnlész őjyít no koth virzéz ke vinytid, toné vednany uz bygat ni* (Если пролить хотя бы капельку крови колдуна, он не сможет уже тебя испортить)» [Munkácsi, 1887, с. 17]. Приобретение защитных сил/свойств посредством вступления в контакт с представителями вредоносной магии является своеобразным противоядием / «прививкой». Подобный способ получения «иммунитета» от последующей порчи записан Б. Гавриловым у удмуртов Мамадышского уезда: «Для того чтобы избежать порчи известного ведуна, следует его поймать, бить до того, чтобы из носу или из какого-нибудь другого члена потекла кровь и выпить несколько капель этой крови. После такой расправы этот ведун никак уж не может испортить того человека» [Гаврилов, 1891, с. 124]. Несоблюдение определенных правил могло привести к самым страшным последствиям: «Если кто будет иначе бить ведуна, то он непременно напустит на этого человека такую порчу, от которой никто не может его избавить; если первая порча будет кем-нибудь снята, то напустит вторую, от которой человек умрет» [Гаврилов, 1891, с. 124]. В славянской традиции также зафиксирован ряд случаев, когда человек становился неуязвимым для носителей опасности (к примеру, вампиров, волков) после соприкосновения с кровью или выделениями последних [Левкиевская, 2002, с. 168–169].

Другой аспект мифологизации крови связан с традиционными представлениями о регулах. Физиологические характеристики женского организма лежат в основе распространенных прескрипций, моделирующих заговорно-заклинательную традицию многих народов: удмуртским знахаркам запрещалось лечить во время менструаций [Зайцева, 2004, с. 146], бесермяне считали, что женщина во время регул не должна находиться в бане при лечении ребенка [Попова, 1998, с. 59], русские женщины в этот период не заговаривали кровотечение [Добровольская, 2009, с. 44]. В большинстве случаев лечение болезней с помощью заговорных слов – прерогатива пожилых (второй составляющей оппозиции молодой – старый), людей, переступивших определенный возрастной порог. Наши информанты не раз указывали на эту особенность удмуртской заговорной традиции: «*Пелляськонэн пересьёсгес выро*» («Заговаривают в основном пожилые»). Это обусловлено тем, что они в силу возраста считались максимально приближенными к пограничной черте двух миров – земного и иномирного, а также представлениями о ритуальной чистоте, характерной для этой группы со-

циума в силу их физиологических особенностей: утраты способности к деторождению, отсутствия регул.

Болезни не только заговаривали, но и пытались задобрить их «виновников». В этом случае проводили обряды, суть которых заключалась в ритуальном кормлении различных божеств и духов, которые могли наслать недуги. Жертва могла быть как бескровной (например, горбушка хлеба с маслом, блины, похлебка из муки), так и кровной: в жертву *чача мумы* (букв.: мать-оспа / мать оспы) приносили «белую овечку, сжигая в огне кости ее и часть крови [Емельянов, 1921, с. 150], в случае глазных болезней жертвовали *шунды-мумы* (букв.: мать-солнце / мать солнца) белую гусыню [Смирнов, 1890, с. 226], «мору болезней» приносили в жертву украденную черную овечку, часть крови которой выливали в яму [Васильев, 1906, с. 206–207]. Ритуальное кормление духа болезни, помимо функции борьбы с болезнями, имело и профилактический характер. В целях защиты «своего» пространства от опасных эпидемий проводили ряд действий. Так, после завершения празднования *вилъ* (Ильин день) совершали обряд *урам вѳсь* (букв.: жертвоприношение на улице), во время которого молились «на конце деревни, на воле, на указанном месте» [Munkácsi, 1952, с. 601]. В жертву приносили утку: кровь собирали в специальную миску. Этой кровью в первую очередь помечали полевые ворота, а затем, обходя деревню, обмазывали петли калиток каждого хозяйства, чтобы злой дух тяжелой/повальной болезни *кыль* не заходил в деревню [Munkácsi, 1952, с. 136]. Прагматическая функция этих профилактических мероприятий сводилась к предотвращению проникновения духа болезни в мир человека. С целью избавления от болезни, несчастья или в благодарность за исполнение желаний также принято давать обет (*сйзькон/сйзиськон кыл*) – обещание принести жертву (*ви́ро сѳтыны* (букв.: кровавую [жертву] принести) высшим силам и умершим в определенные сроки. Данное слово необходимо обязательно сдержать, в противном случае человека ждет тяжелая кара [ПМА 2022, д. Карамас-Пельга Киясовского р-на, БЕП].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в контексте заговорно-заклинательной традиции кровь (*вир*) представлена как субстанция жизни, витальная жидкость, которую могут отнять у человека демонические существа, восполняя свой собственный запас сил. Вместители жизненной силы выступают кровеносные сосуды (*вирсэр*), которые в лечебных заговорах также употребляются метафорически как способ названия потенциальных причин болезни. Соприкосновение с кровью колдуна снимает важную оппозицию «свой – чужой», тем самым лишая его способности наносить вред. В обрядах лечебного и профилактического характера кровь жертвенных животных и птиц используется с целью задабривания виновников недугов – высших сил, божеств, умерших, духов болезней – и получения их благорасположения.

Список сокращений

букв. – буквально

Д. – дело

д. – деревня

Л. – лист

НА УИИЯЛ – Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук

Оп. – описание

ПМА – полевые материалы автора

с/с. – сельский совет

С. – страница

Т. – тетрадь

ФА ГГПИ – фольклорный архив кафедры иностранных языков и удмуртской филологии Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко

ФА УдГУ – фольклорный архив Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета

ФДА УдГУ – фольклорно-диалектологический архив Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета

ФЭ – фольклорная экспедиция

Список источников

1. *Ахметьянов, 1988* – Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1988. 220 с.

2. *Белова, 2009* – Белова О. В. Свой – чужой // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т.4: П-С. М., 2009. С. 581–582.

3. *Васильев, 1906* – Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // Известия ОАИЭ. Казань, 1906. Т. 22. Вып. 3. С. 185–219.

4. *Верещагин, 1889* – Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 195 с.

5. *Гаврилов, 1891* – Гаврилов Б. Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урясь-Учинского прихода // Труды четвертого археологического съезда в России, проходившего в Казани, с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 2. Казань, 1891. С. 80–156.

6. *Добровольская, 2009* – Добровольская В. Е. Прескрипции, регулирующие заговорно-заклинательную практику (на материале Владимирской и Ярославской областей) // Традиционная культура. 2009. № 1. С. 39–51.

7. *Емельянов, 1921* – Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань: Издание Казанского Вотского издательского подотдела, 1921. Вып. 3. 156 с.

8. *Зайцева, 2004* – Зайцева Е. Н. Народная медицина удмуртов в конце XIX – первой трети XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Науч. рук. В. Е. Владыкин. Ижевск, 2004. 120 с.

9. *Ильина, 1997* – Ильина И. В. Народная медицина коми. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1997. 115 с.
10. *Левкиевская, 2002* – Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.
11. *Орлов, 1999* – Орлов П. А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры): дис. ... канд. ист. наук / науч. рук. В. Е. Владыкин. Ижевск, 1999. 120 с.
12. *Попова, 1998* – Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е годы XX вв.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 241 с.
13. *Садиков, Хафиз, 2010* – Садиков Р. Р., Хафиз К. Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа: Институт этнологических исследований УНЦ РАН, 2010. 100 с.
14. *Смирнов, 1890* – Смирнов И. Н. Вотяки: Историко-этнографический очерк. Казань: Типография Императорского Университета, 1890. 356 с.
15. *Il'ina, Ulyashev, 2003* – Il'ina I., Ulyashev O. Sacred Personae of the Komi – Myths and Ethnographic Reality // Dynamics of Tradition: Perspectives on Oral Poetry and Folk Belief. Helsinki, 2003. P. 105–123.
16. *Munkácsi, 1887* – Munkácsi B. Votják Népköltészeti Hagyományok. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 335 с.
17. *Munkácsi, 1952* – Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. 715 с.
18. *Wichmann, 1893* – Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben, I // JSFOu, XI. Helsingfors, 1893.

References

1. *Akhmetyanov, 1988* – Akhmetyanov R. G. General vocabulary of material culture of the peoples of the Middle Volga region. Moscow: Nauka, 1988. 220 p. (In Russ.).
2. *Belova, 2009* – Belova O. V. *Us-Them. Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary* in 5 volumes / Edited by N. I. Tolstoy. Vol.4: P–S. Moscow, 2009. Pp. 581–582. (In Russ.).
3. *Vasiliev, 1906* – Vasiliev I. Review of pagan rituals, superstitions and the beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka provinces. *News of the OAIE*. Kazan, 1906. Vol. 22. Issue 3. Pp. 185–219. (In Russ.).
4. *Vereshchagin, 1889* – Vereshchagin G. E. Votyaki of the Sarapulsky uyezd of the Vyatka province. St. Petersburg: Type. I.N. Skorokhodova, 1889. 195 p. (In Russ.).
5. *Gavrilov, 1891* – Gavrilov B.G. Beliefs, rituals and customs of the Votyaks of Mamadyshsky district, Uryas-Uchinsky parish. *Proceedings of the Fourth Archaeological Congress in Russia*, held in Kazan, from July 31 to August 18, 1877. Vol. 2. Kazan, 1891. Pp.80–156. (In Russ.).
6. *Dobrovolskaya, 2009* – Dobrovolskaya V. E. Prescriptions regulating the spell-casting practice (based on the material of the Vladimir and Yaroslavl regions). *Traditional Culture*, 2009, No. 1. Pp. 39–51. (In Russ.).
7. *Emelyanov, 1921* – Emelyanov A. I. Course on ethnography of the Votyaks: Remnants of ancient beliefs and rituals among the Votyaks. Kazan: Edition of the Kazan Votsky publishing sub-department, 1921. Issue 3. 156 p. (In Russ.).
8. *Zaitseva, 2004* – Zaitseva E. N. Udmurt folk medicine at the end of the XIX – first third of the XX centuries: Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Scientific hand. V. E. Vladykin. Izhevsk, 2004. 120 p. (In Russ.).

9. *Ilyina, 1997* – Ilyina I. V. Komi Folk medicine. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1997. 115 p. (In Russ.).
10. *Levkievskaya, 2002* – Levkievskaya E. E. Slavic amulet. Semantics and structure. Moscow: Indrik, 2002. 334 p. (In Russ.).
11. *Orlov, 1999* – Orlov P. A. The material world of Udmurts (on the semantics of material culture): Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Scientific hand. V. E. Vladykin. Izhevsk, 1999. 120 p. (In Russ.).
12. *Popova, 1998* – Popova E. V. Family customs and rituals of the Besermians (the end of the XIX century – the 90s of the XX centuries). Izhevsk: UIIAL UrO RAS, 1998. 241 p. (In Russ.).
13. *Sadikov, Khafiz, 2010*, – Sadikov R. R., *Khafiz* K. H. Religious beliefs and rituals of the Udmurts of Perm and Ufa provinces at the beginning of the twentieth century (expedition materials of Uno Holmberg). Ufa: Institute of Ethnological Research of the UNC RAS, 2010. 100 p. (In Russ.).
14. *Smirnov, 1890* – Smirnov I. N. Votyaki: Historical and ethnographic essay. Kazan: Imperial University Printing House, 1890. 356 p. (In Russ.).
15. *Ilyina, Ulyashev, 2003* – Ilyina I., Ulyashev O. Sacred characters of Komi – myths and ethnographic reality. *Dynamics of tradition: perspectives of oral poetry and folk beliefs*. Helsinki, 2003. Pp. 105–123.
16. Munkácsi, 1887 – Munkácsi B. *Wotják Népköltészeti Hagyományok*. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 335 c.
17. Munkácsi, 1952 – Munkácsi B. *Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. 715 c.
18. Wichmann, 1893 – Wichmann Y. *Wotjakische Sprachproben, I. JSFOu, XI*. Helsingfors, 1893.

Информация об авторе / Information about the author

Панина Татьяна Игоревна

Tatiana I. Panina

кандидат филологических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук 426004, Ижевск, Россия, ул. Ломоносова, 4

Candidate of Sciences (Philology),
Researcher Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Centre
4, St. Lomonosov, Izhevsk, 426004, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

31.08.2022
01.09.2022
28.09.2022

Явления комплексного варьирования печорских и общерусских фразеологических единиц

Урманчиева Ирина Серафимовна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия
isurman@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6376-1059>

Аннотация. В статье рассматриваются единичные случаи комплексного варьирования фразеологических единиц литературного языка и говоров Низовой Печоры, такие как фонетико-словообразовательное, фонетико-синтаксическое, морфолого-словообразовательное, морфолого-синтаксическое, лексико-словообразовательное, лексико-грамматическое, лексико-синтаксическое, лексико-семантическое, количественно-морфологическое, количественно-лексическое, семантико-словообразовательное, семантико-количественное и другие. Отмечается и более сложное совмещение разных типов варьирования.

Ключевые слова: говоры Низовой (Нижней) Печоры, печорская фразеология, вариантность фразеологических единиц, явления комплексного варьирования

Для цитирования: Урманчиева И. С. Явления комплексного варьирования печорских и общерусских фразеологических единиц // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 58–71. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-58>.

Phenomena of complex variation of Pechora and all-Russian phraseological units

Irina S. Urmancheeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
isurman@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6376-1059>

Abstract. The article considers isolated cases of complex variation of phraseological units in the literary language and dialects of Low Pechora, such as phonetic-word formation, phonetic-syntactic, morphological-word formation, morphological-syntactic, lexico-word formation, lexico-grammatical, lexico-syntactic, lexico-semantic, quantitative-morphological and others. There is also a more complex combination of different types of variation.

Keywords: dialects of Low Pechora, Pechora phraseology, variation of phraseological units, phenomena of complex variation

For citation: Urmancheeva I. S. Phenomena of complex variation of Pechora and all-Russian phraseological units. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk*

Введение. Вариантность фразеологических единиц (ФЕ), по мнению Г. Н. Хидировой, представляет собой естественную лабораторию языка, которая раскрывает перед исследователем различные семантические процессы, недоступные прямому наблюдению [Хидирова, 2000, с. 8].

Фразеологизмы одного говора относительно сочетаний других говоров и фразеологизмы отдельных говоров по отношению к общенародным оборотам считаются вариантами [Мокиенко, 1989, с. 23–24]. Для описания диалектных эквивалентов общерусских фразеологизмов успешно применяются разработанные классификации вариантов фразеологических оборотов (см., например: [Алексеевко, Литвинникова, Белоусова, 2004; Ивашко, 1981; ФСРГНП и др.]). А. И. Молотков различает варьирование компонентов по форме (формальные варианты), по составу (лексические варианты) и варьирование компонентов по составу и по форме [Молотков, 1977, с. 69–86]. В. М. Мокиенко рассматривает формальное и лексическое варьирование [Мокиенко, 1989, с. 29–37]. Сходные классификации представлены в работах Е. И. Дибровой и В. П. Жукова, А. В. Жукова, которые выделяют фонетические, словообразовательные, лексические, морфологические (включая видовые) варианты; незначительные терминологические отличия касаются вариантов, которые В. П. Жуковым и А. В. Жуковым названы конструктивными, а Е. И. Дибровой – синтаксическими и количественными [Жуковы, 2006, с. 179–191; Диброва, 1979]. В. И. Зимин считает целесообразным разграничить семантические варианты (вариантность в плане содержания) и формально-структурные варианты (вариантность в плане выражения) [Зимин, 1972, с. 71]. С точки зрения возможности или невозможности замены компонентов А. В. Кунин выделил пять типов зависимости компонентов: константная зависимость компонентов (спать без задних ног), константно-вариантная (показывать зубы (когти)), константно-вариантно-переменная (брать под (свое) крылышко), константно-переменная (закрывать глаза на что-л., замечать следы чего-л.) и переменная зависимость компонентов (гнуть (ломать) спину (горб, хребет)) [Кунин, 1988, с. 100].

Проблема фразеологического варьирования рассматривается сквозь призму таких отношений, как вариант / инвариант, норма / отклонение от нормы, вариант / трансформация, узуальное / окказиональное и т. п. [Каменцева, 2010, с. 47].

Фразеологизмы говоров Низовой Печоры являются неотъемлемой частью национального языка, и некоторые из них могут быть интерпретированы как варианты общенародных оборотов. Основной пласт фразеологии печорских говоров составляют единицы, широко распространенные не только в печорских, но и в других севернорусских говорах и даже на иных территориях распространения русского языка – не только на Севере [ФСРГНП, 1, с. 4]. А. И. Молотков справедливо отмечает, что в состав фразеологизмов русского языка в целом попадают все без исключения языковые единицы, имеющие категориальные признаки фра-

зеологизма: фразеологизмы литературного языка и фразеологизмы, стоящие за пределами литературного языка, в том числе фразеологизмы народных говоров и диалектов [Молотков, 1977, с. 207]. Однако, по замечанию Л. А. Ивашко, отнесение устойчивого оборота к локальным (или региональным) осложняется тем, что, во-первых, фразеология лингвогеографическим методом почти не изучалась, во-вторых, в современных условиях происходит изменение диалектных систем под влиянием литературного языка и соседних говоров, особенно активно затрагивающее лексико-фразеологический уровень; вообще фразеологический состав диалектов, в связи с устной формой их существования, отличается исключительной мобильностью и разнообразием [Ивашко, 1981, с. 6].

Между печорскими и общерусскими фразеологизмами устанавливаются варианты отношения, идентичные отношениям между ФЕ внутри одной системы: фонетические (ни слыху ни дыху, как наросне, как на долони), словообразовательные (не прокладая рук, на глазомер, дело не шутовое), морфологические (под пылом, под жаром; одно костьё; со своего горбу), синтаксические (в душе лежать; где день, где ночь – сутки прочь), лексические (языком вичкать, сквозь перстьё уходить, чучело заболотское, под копылом), конструктивные (губа не дура, язык не лопата – знают, что горько, что сладко; с лица воду не пить, а ума не купить; старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет), количественные (не сладкий мёд; законы как косилочное дышло: куда повернёшь, туда и вышло), семантические (зубы точить ‘болтать, сплетничать’, во все лопатки ‘крупный, сильный, здоровый’, на скорую руку ‘на короткое время, ненадолго’). Перечисленные фразеологические варианты подробно описаны в статье автора «Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры» [Урманчеева, 2020], а также в других статьях автора: [Урманчеева, 2016, 2017, 2018 и др.]. Однако между общерусскими и печорскими фразеологическими единицами наблюдаются также разнообразные явления комплексного варьирования, которые основываются на возможности совмещения разных видов варьирования, в результате чего образуются комбинированные типы – смешанные варианты (см., например: [Гвоздарев, 1977; Хидирова, 2000, с. 9, 11; Давлетбаева, 2012, с. 92]). Анализу подобных примеров, не вписывающихся в рамки одного строго определенного типа варьирования, посвящена настоящая статья.

Методы исследования, теоретическая база. Печорские и общерусские фразеологические единицы в статье рассматриваются в сопоставительном ключе, то есть с использованием контрастивного, описательно-сопоставительного и таксономического методов. Анализ отдельных примеров потребовал применения методов дефиниционного, контекстного и компонентного анализа. Теоретической базой исследования послужили научные работы авторов, упомянутых выше: Е. И. Дибровой, В. П. Жукова, А. В. Жукова, В. М. Мокиенко, В. И. Зиминой, А. В. Кунина, А. И. Молоткова, Ю. А. Гвоздарева, Г. Н. Хидировой, Д. Н. Давлетбаевой и др.

Результаты исследования и их обсуждение.

Комплексное (фонетико-словообразовательное) варьирование затрагивает стилистически и экспрессивно маркированные компоненты фразеологизмов: дать дерка, дать тягала (печор.) ‘убежать’ [ФСРГНП, 1, с. 198] – дать дёру, дать тягу ‘пуститься науек, стремительно, поспешно убежать’ (общерус.) [ФСРЯ, с. 151]; в лежачку лежать ‘тяжело болеть, проводя много времени в постели или не вставая вообще’ [ФСРГНП, 1, с. 83] – лежать в лёжку ‘сильно, тяжело болеть’ [ФСРЛЯ, с. 339] – за счет употребления в них нерегулярных непродуктивных суффиксов -ал’-, -ачк- [ТССЕРЯ, с. 42, 76] и регулярного, продуктивного, ласкательно-уничжительного суффикса -к- [ТССЕРЯ, с. 238].

Фонетико-синтаксическое варьирование наблюдается в ФЕ с волками живёшь – по-волчьи будешь воить [ФСРГНП, 2, с. 253] – с волками жить – по-волчьи выть [СРПП, с. 279], первые части которых представляют собой обобщенно-личное и инфинитивное построения. В компоненте воить происходит выравнивание глагольной основы (ср. вою, воешь, воет), тем не менее «Словарь русских говоров Низовой Печоры» (СРГНП) слово воить не фиксирует, оно встречается в тверских, тульских, калужских говорах [СРНГ, 5, с. 31]. «Архангельский областной словарь» приводит три значения глагола воить: ‘выть, завывать’, ‘плакать’, ‘причитать’ [АОС, 5, с. 30, 138]. А поскольку по своим языковым особенностям говоры Низовой Печоры – это достаточно однородные говоры архангельского (поморского) типа [Ли, 1992, с. 18–21], можно предположить, что печорский фразеологизм сохранил лексическую единицу материнского (по отношению к вторичному, островному) архангельского говора.

Оборот хоть бы трын-трава отличается от общерусского фразеологизма всё трин-трава не только фонетическими, но и синтаксическими особенностями: печорское выражение по модели соответствует регулярной конструкции с подчинительным уступительным союзом хоть, не имеющей в своём составе глагола и представленной в русском языке единичными примерами [Шанский, 1985, с. 83]; литературный оборот по структуре равен двусоставному предложению, хотя и лишён синтаксической самостоятельности, поскольку обычно употребляется в функции какого-либо члена предложения. Вариантность такого рода тоже можно признать фонетико-синтаксической.

Одновершинный оборот, состоящий из комбинации служебного и знаменательного слов, с концами в говорах Низовой Печоры может употребляться в общераспространённом варианте (ср.: «Ну, Вера ушла с концами», «Уехал Лёнька на заработки – да с концами» [ФСРГНП, 2, с. 256]). Но также встречаются морфологический и морфолого-словообразовательный варианты этого оборота, в которых субстантивный компонент имеет форму единственного числа и, реже, диминутивную форму с уменьшительно-ласкательным суффиксом: «Лопоть где-ли была така хороша, дак внук утащил да и с концом», «Чё уж возьмёт, так с концом», «Тут всё ездят, просят водицьки испить – и увезут с конецьком». Последний пример осложнен акцентологическим варьированием.

Морфолого-синтаксическая вариантность наблюдается в ФЕ, где порядок расположения компонентов играет ключевую роль: за слово словом ‘постепенно

(разговориться, рассориться и т. п.)' [ФСРГНП, 1, с. 248] (ср. общерус. слово за слово 'постепенно, мало-помалу (разговориться, расспросить и т.п.)' [ФСРЯ, с. 403]).

Иной порядок слов наблюдается также в морфолого-синтаксическом варианте общерусской ФЕ ни краю ни конца 'не видно границ чего-либо' [ФСРГНП, 2, с. 113] (ср. общерус. ни конца ни края 'о чем-либо бесконечном, беспредельном' [ФСРЛЯ, с. 308]). В сочинительных конструкциях с отрицанием отмечается фиксированный порядок слов, который можно объяснить принципами фиксации центра, аксиологической организации, рангового превосходства [Лауфер, 1987, с. 171–173]. Однако порядок следования компонентов в некоторых идиомах трудно объяснить каким бы то ни было из известных принципов [Баранов, Добровольский, 2016, с. 41]. Обратный порядок следования компонентов в обороте ни краю ни конца в говорах Низовой Печоры свидетельствует о произвольности порядка следования компонентов сходной семантики: «Печора так разлилась – ни краю ни конца», «В Усть-Цильму ездили – дорога ни краю ни конца, и остановиться негде».

Лексико-словообразовательные отличия наблюдаются в оборотах свинину принести 'сделать кому-то какую-нибудь подлость' [ФСРГНП, 2, с. 273] и общерус. подкладывать / подложить свинью 'подстраивать втихомолку какую-нибудь неприятность, гадость и т.п.' [ФСРЯ, с. 307]. Сопоставление оборотов беспутая голова ногам покоя не даёт (печор.) [ФСРГНП, 1, с. 42] и непутёвая голова ногам покоя не даёт / дурная голова ногам покоя не даёт (общерус.) [СРПП, с. 112] позволяет установить между ними вариантность словообразовательного и лексико-словообразовательного типа.

Лексико-грамматическое варьирование, основанное на гиперогипонимических отношениях, наблюдается в печорской поговорке дочи не плачет – мати не разумеет [ФСРГНП, 1, с. 208] (ср. общерус. дитя не плачет, мать не разумеет [СРПП, с. 103]). В этом обороте сохранились архаичные словоформы мати, дочи, активно употребляющиеся в говорах Низовой Печоры, в том числе за пределами устойчивых выражений [Ли, 1992, с. 91]. Как известно, в древности слова мати, дъчи относились к особому типу склонения на согласный (*г), а впоследствии в результате полной редукции конечного гласного утратили флексию -и. Древние формы именительного падежа сохранились в говорах крайнего севера, северо-запада [Кузнецов, 1960, с. 95].

В результате несоответствия компонентов в ФЕ глухой пестерь (глухая пестя) 'глуховатый, глухой человек' [ФСРГНП, 1, с. 172] и глухая тетеря 'человек, потерявший слух' [ФСРЯ, с. 682] также возникает лексико-грамматическое варьирование. Литературный фразеологизм соотносится с зооморфным кодом культуры благодаря диалектизму тетеря (областное название тетерева) [РФИЭС, с. 690]. Печорская фразема, по всей видимости, реализует предметно-вещный код культуры, так как широкое по ареалу распространения, но все же диалектное слово пестерь означает 'корзина' [Даль, 3, с. 104]. «Словарь русских говоров Низовой Печоры» это слово не фиксирует. Этимологические образы двух сходных

по значению фразеологизмов оказываются весьма далекими. Общеизвестно, что литературная ФЕ возникла в результате наблюдений охотников за поведением тетеревов во время токования, т.е. брачного пения, привлекающего самок-тетерок, когда самцы не слышат ничего вокруг [РФИЭС, с. 690]. Диалектная ФЕ подобной эмпирической основы не имеет и, вероятно, является экспрессивным отпредметным наименованием лица при отсутствии логической связи между предметом утвари (пестерем) и плохо слышащим человеком: в общерусской языковой картине мира наименования предметов утвари, а также емкостей (тряпка, тюфяк, мешок, куль, бочка, кубышка) служат для пейоративного именованья бесхарактерных, слабовольных и толстых, неуклюжих людей [Катермина, 2016, с. 190–191]. Не последнюю роль здесь, вероятно, играет паронимическое созвучие компонентов тетеря и пестерь.

Еще один пример лексико-грамматического варьирования наблюдается в оборотах одним ухом зашло, другим вышло ‘кто-либо невнимательно слушает, что ему говорят’ (печор.) [ФСРГНП, 2, с. 140] и в одно ухо влетело, в другое вылетело (общерус.) [СТРПП, с. 360].

Если при лексико-грамматическом варьировании эквивалентный лексический компонент диалектного фразеологизма употребляется в иной грамматической форме по сравнению с общерусским оборотом, это, как правило, влечет несовпадение лексико-грамматических характеристик ФЕ. Например, выражение насторожа уши ‘очень внимательно’ [ФСРГНП, 2, с. 72], в котором глагольный компонент используется в деепричастной форме, относится к адвербиальным фразеологизмам, в отличие от общерусского глагольного оборота наострить уши ‘быстро реагируя на обстановку, подготовиться с напряжённым вниманием и интересом слушать’ [ФСРЛЯ, с. 387]. Ср.: «Слушали насторожа уши» (д. Степановская) и «Когда Дельвиг и все около него уселись, я наострил уши» (Панав).

Лексико-синтаксическое варьирование, основанное на квазиантонимии фразеологических компонентов, наблюдается в оборотах дешёво, да мило [ФСРГНП, 1, с. 206] и дешёво и сердито ‘вполне умеренно по цене и удовлетворительно по качеству’ [ФСРЛЯ, с. 198]. Антонимия варьлируемых компонентов – редкое явление. Противоположные по семантике компоненты мило и сердито не разрушают целостного фразеологического значения оборотов, но формируют это значение разными внутренними механизмами: печорская идиома основана на компромиссе, уступке (дешёвая вещь, но дорогая сердцу: ср. «Недорогой подарок, да к сердцу – дешёво, да мило»), общеупотребительный оборот алогичен, построен на эффекте обманутого ожидания. По мнению историков фразеологии, в выражении каламбурно обыграно слово сердитый, означавшее ‘дорогой, высокого качества, требующий хорошей цены’ [РФИЭС, с. 191]. Квазиантонимия компонентов мило и сердито обуславливает несоответствие синтаксических конструкций – противительной в печорском обороте и соединительной – в общерусском.

Идиоматичность фразеологических оборотов, при которой значение выражения всегда больше суммы значений, составляющих оборот компонентов, хо-

рошо прослеживается в лексико-семантических вариантах некуда голову приложить 'кто-либо остался в одиночестве' [ФСРГНП, 2, с. 105] и общерус. негде голову приклонить 'совсем нет пристанища, крова' [ФСРЛЯ, с. 524]. Локативные адвербиальные компоненты некуда и негде и глагольные компоненты приложить и приклонить должны способствовать формированию одинакового смысла, но совпадение наблюдается лишь в негативной семе 'отсутствие чего- / кого-либо', суммарное идиоматическое значение печорского выражения – 'одиночество', общерусского – 'обездоленность, отсутствие жилья' (ср. «Мне некуда голову приложить – ни дочери, ни сына» [ФСРГНП, 2, с. 105] и «...ему негде приклонить голову: его комнату, пока он странствовал, превратили в кухню» (Ажаев) [ФСРЛЯ, с. 524]).

Лексико-семантическая вариантность характеризует также обороты пушкой не пробьёшь (печор.) и пушкой не прошибёшь (общерус.). Печорский оборот имеет большее количество значений по сравнению с общераспространённым выражением и называет не только упрямого, несговорчивого человека («Ванька-то беда настырной, даже пушкой не пробьёшь»), но и несообразительного, туповатого («Не достучишься до его ума, пушкой не пробьёшь, бестолковый»), неразговорчивого, скрытного («У этого лучше ничё и не спрашивать, он экий, его пушкой не пробьёшь»), а также тепло одетого («Чёйно так укутали ребёнка, пушкой не пробьёшь») [ФСРГНП, 2, с. 230]. Кроме того, печорский оборот может быть употреблен только по отношению к человеку, тогда как просторечный общерусский фразеологизм используется также при описании ситуации большого скопления людей (ср. «Народу – пушкой не прошибёшь! (Никитин) [ФСРЯ, с. 342]). Отметим также, что общерусский оборот из пушки не прошибёшь 'ничем не убедишь, никак не воздействуешь на кого-либо' [ФСРЛЯ, с. 543] вступает с печорской фраземой пушкой не пробьёшь в отношения не только лексико-семантической, но и морфологической вариантности.

Несоответствие компонентов сверчок и чугунок в пословицах каждый чугунок знай свой шесток [ФСРГНП, 1, с. 297] и всяк сверчок знай свой шесток [СРПП, с. 128] влечет множественные различия, определяющие лексико-семантическое варьирование. Первое несоответствие связано с тематическими кодами культуры: компонент чугунок в печорской пословице соотносится с предметно-вещным кодом культуры, компонент сверчок в литературной паремии – с зооморфным. Обиходно-бытовое слово чугунок логично вписывается в сценарий (скрипт) этимологического образа: предметы утвари могли храниться на шестке – широкой площадке между челом и топкой в русской печи [СОШ, с. 883]. У каждого предмета, очевидно, было свое место на шестке, в том числе и у чугунка. Энтосемизм сверчок в этот сценарий не вполне вписывается. Употребление этого зооморфизма, вероятно, связано с тем, что сверчки и тараканы были типичными обитателями крестьянских изб, и их излюбленным местом была именно теплая русская печь. Но образная основа двух пословиц представляется совершенно разной: в печорском выражении подчеркнута необходимость все предметы держать на своих местах, а в общенародной пословице каждому

«сверчку» определяется свое место в социальной иерархии, т.е. своя «печь с шестком». Эта разница компонентов и образов, положенных в основу пословиц, неизбежно влечет семантические различия. Общеупотребительная пословица всяк сверчок знай свой шесток имеет значение ‘знай свое место (говорится тому (или о том), кто ведет себя несоответственно своему положению, вмешивается не в свое дело)’ [СРПП, с. 128]. Печорская пословица каждый чугунок знай свой шесток употребляется в двух значениях: ‘в домашнем обиходе должен быть порядок’ и ‘каждый должен знать предел своих возможностей и умений’ [ФСРГНП, 1, с. 297].

Лексико-семантическое варьирование наблюдается во фразеологизмах Мамай воевал ‘большой беспорядок в доме’ (печор.) [ФСРГНП, 1, с. 394] и как (будто) Мамай прошёл ‘полнейший беспорядок, развал; страшное опустошение где-либо’ (общерус.) [ФСРЛЯ, с. 360]. Глагольный компонент воевал в большей мере связан с семантикой беспорядка, чем опустошения, в отличие от компонента общерусского оборота прошёл. Общерусская компаративная конструкция как Мамай прошёл, существующая с XIV в. [РФИЭС, с. 415], противопоставлена печорскому обороту Мамай воевал, имеющему вид сложившейся метафоры. О завершении формирования фразеологического образа в печорских говорах свидетельствует и факт усечения антропного компонента Мамай в Май: «Вот внуки пришли тут, нашахардили, Май воевал», «У её всегда так-то – Май воевал».

Квантитативно-морфологическое варьирование наблюдается во фразеологизмах с неодинаковым числом компонентов, различающихся по грамматической форме: один конец с концом едва сводить ‘с большим трудом жить на заработываемые деньги’ (печор.) [ФСРГНП, 2, с. 137] – сводить концы с концами ‘едва, с трудом справляться с нуждами, едва укладываться в сумму заработка, в смету расходов’ (общерус.) [ФСРЛЯ, с. 602], в одну масть ‘очень похожи’ [ФСРГНП, 1, с. 93] – одной и той же масти ‘одинаковый, сходный с кем-либо’ [ФСРЛЯ, с. 362], ногами в гробу стоять ‘болеть, быть близким к смерти’ [ФСРГНП, 2, с. 123] – одной ногой в гробу ‘о близкой смерти кого-либо’ [ФСРЛЯ, с. 416]. Семантика близости к смерти в большей мере соответствует форме общерусского фразеологизма одной ногой в гробу, то есть человек еще жив, но уже близок к тому, чтобы умереть (одной ногой). Форма диалектного фразеологизма ногами в гробу стоять скорее подходит для описания уже свершившегося факта, что подтверждается вторым значением этого выражения ‘умереть’: «Уж допился до того, что ногами в гробу стоит, бат, уж неизвестно, где найдут его, утонул ли, замёрз ли». Квантитативно-морфологическое варьирование в этом случае осложняется семантическим.

Глагольно-пропозициональный просторечный фразеологизм небо с овчинку кажется / покажется в говорах Низовой Печоры может выступать в качестве именного квантитативно-фонетического (нёбо с овчинку) или квантитативно-лексического варианта (солнце с овчинку). Ср.: «Покажу тебе я нёбо с овчинку, дождёсья», «Ты чё лезешь? Вот я тебе устрою, увидишь солнце с овчинку, доде-рёсья!» [ФСРГНП, 2, с. 303].

Как уже упоминалось выше, вариантность фразеологических единиц в плане содержания ученые связывают с полисемией фразеологизмов, считая пределом вариантности фразеологизмов в этом плане омонимию. Но абсолютное формальное тождество при семантическом несоответствии встречается не всегда, возникает варьирование, осложненное семантическими сдвигами. Так, между печорскими и общерусскими идиомами гусь лапистый ‘скупой, жадный человек’ [ФСРГНП, 1, с. 193] – гусь лапчатый ‘хитрый, ловкий человек; плут, пройдоха’ [ФСРЯ, с. 114]; приподнять голову ‘приободриться’ [ФСРГНП, 2, с. 216] – поднять голову ‘обретая уверенность в себе, своих силах, начинать действовать, активно проявлять себя’ [ФСРЯ, с. 307] наблюдается семантико-словообразовательное варьирование.

Печорская компаративная конструкция как кость на камень ‘яростно, с ненавистью, со злобой’ [ФСРГНП, 1, с. 312] по форме сопоставима с литературным разговорным фразеологизмом нашла коса на камень ‘столкнулись непримиримые стороны, различные взгляды, интересы, характеры’ [ФСРЛЯ, с. 316], по структуре соответствующим предложению. Возникает варьирование семантико-синтаксического типа. Обе идиомы образованы по распространенной в народной речи модели: попал топор на сучок, наскочила кость на кость, наскочила подкова на булыжник, нашли зубы на зубы, на крепкий сук острый топор [ФРР, с. 325–326]. «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова фиксирует также ФЕ коса на камень, который может употребляться как компаративная конструкция: «Спокойствие и самоуверенность Вронского здесь, как коса на камень, наткнулись на холодную самоуверенность Алексея Александровича» (Толстой). Печорская ФЕ как кость на камень в таком случае является лексическим вариантом.

Расширение компонентного состава может сопровождаться незначительными семантическими сдвигами, такое варьирование можно квалифицировать как семантико-квантитативное. Например, общерусский разговорный фразеологизм ни конца ни края имеет обобщенное значение бесконечности, беспредельности, в то время как печорский оборот ни конца ни краю не знать характеризует человека, неумного в своих действиях, занятиях, поведении, не способного установить границы (ср.: «Ну, Ваня, ты ни конца ни краю не знашь, пьёшь да пьёшь», «Ну чё ты ходишь ко мне, ни конца ни краю не знашь, иди к другим займаться» [ФСРГНП, 2, с. 113]). Кроме того, компоненты края – краю отличаются вариантными окончаниями родительного падежа, что типично для устойчивых сочетаний [КРГ, с. 168].

В ряде случаев наблюдаются еще более сложные вариантные отношения. Например, печорская поговорка не плюй в колодец – <ещё> пить придётся [ФСРГНП, 2, с. 91] отличается от общерусской поговорки не плюй в колодец, пригодится воды напиться [СРПП, с. 215] по квантитативным (отсутствие компонента воды), лексическим (придётся вместо пригодится) и словообразовательным (пить вместо напиться) параметрам. Такие несоответствия лишают поговори-

цу эфонической стройности в силу отсутствия ритмико-рифмической организации.

Фонетико-словообразовательная вариантность оборотов слухом не слыживать (слухивать) (печор.) [ФСРГНП, 2, с. 294] и слухом не слыжать (общерус.) [ФСРЛЯ, с. 631] осложняется тем, что печорская тавтологическая конструкция может употребляться в значении, отсутствующем у литературной идиомы, – ‘не прислушиваться к чьим-то словам, не обращать на них внимания’ («Нас-то слухом не слухиват»), в результате чего в дополнение к фонетико-словообразовательной вариантности развивается семантическая.

Сопоставление печорского устойчивого выражения спать за убитую голову [ФСРГНП, 2, с. 305] с общерусской компаративной конструкцией спит как убитый [ФСРЛЯ, с. 696] позволяет установить количественную (ввиду большего количества компонентов), морфологическую и синтаксическую (печорский оборот не оформлен как сравнительная конструкция, адъективный компонент не субстантивируется) вариантность.

Характерный для диалекта переход из одного рода в другой наблюдается в печорском обороте вторая плетень забору [ФСРГНП, 1, с. 155], в котором слово плетень согласуется по женскому грамматическому роду, тогда как в исторических словарях оно фиксируется как существительное мужского рода (см., например: [СРЯ XI–XVII, 15, с. 90]). По отношению к общерусской поговорке нашему забору двоюродный плетень [БСРП, с. 237] печорский оборот совмещает морфологическую (иной грамматический род слов-компонентов), лексическую (второй вместо двоюродный), количественную (отсутствие прономинального компонента нашему), конструктивную (иной порядок слов) вариантность.

Заключение. Сопоставление печорских фразеологизмов с общерусскими оборотами идентичной семантики или формы позволило выявить разнообразные типы комплексного варьирования: фонетико-словообразовательное, фонетико-синтаксическое, морфолого-словообразовательное, морфолого-синтаксическое, лексико-словообразовательное, лексико-грамматическое, лексико-синтаксическое, лексико-семантическое, количественно-морфологическое, количественно-фонетическое, количественно-лексическое, семантико-словообразовательное, семантико-синтаксическое, семантико-количественное. При комплексном варьировании возможно совмещение разных типов фразеологической вариантности. В некоторых случаях печорские обороты вступают в сложные варианты отношения с общерусскими фразеологизмами: обнаружены устойчивые выражения, совмещающие одновременно количественную, лексическую и словообразовательную вариантность (не плюй в колодец – <ещё> пить придётся и не плюй в колодец, пригодится воды напиться); фонетическую, словообразовательную и семантическую (слухом не слыживать (слухивать) и слухом не слыжать); количественную, морфологическую и синтаксическую (спать за убитую голову и спит как убитый) и даже морфологическую, лексическую, количественную и конструктивную (вторая плетень забору и нашему забору двоюродный плетень) и др.

Большая часть фразеологизмов, в которых наблюдаются явления комплексного варьирования, не содержит специфических диалектных особенностей. Тем не менее в ряде случаев наблюдается лексикализация архаических явлений или местных языковых черт. Например, в ФЕ слухом не слыживать (слухивать) чередование [ы] // [у] в корнях слых- / слух- объясняется древним чередованием монофтонга *ū с дифтонгом *оѹ (*ū // *оѹ). Архаичные словоформы матери, дочери сохранились в печорской поговорке дочери не плачет – матери не разумеет. Диалектные фразеологизмы включают в свой состав компоненты, отличающиеся от идентичных слов общерусских оборотов в словообразовательном плане: дать дерка, дать тягала, в лежачку лежать, беспутая голова ногам покоя не даёт, гусь лапистый. Кроме того, в состав диалектных вариантов общерусских фразеологических единиц входят слова, отсутствующие в литературном языке, с разным ареалом распространения: глухой пестерь (глухая пестя), с волками живёшь – поволчьи будешь воить.

При описании диалектной фразеологии нельзя исключать окказионально-речевой трансформации устойчивых сочетаний, особенно в оборотах с комплексным варьированием. Однако неоднократное употребление тех или иных фразеологических вариантов, подтвержденное лексикографическими данными, позволяет признать факт комбинированного варьирования печорских и общерусских оборотов. Подобное варьирование имеет случайный характер, не обнаруживает тенденции или закономерности и представлено, как правило, единичными случаями.

Список сокращений

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ; Наука, 1980–2017. Вып. 1–18.

БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1998.

ТССЕРЯ – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636, [4] с.

КРГ – Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.

РФИЭС – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926, [2] с.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2-х т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., Л. (СПб): Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.

СРПП – Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2002. 544 с.

СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М.: Наука, 1989. 288 с.
СТРПШ – Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 736 с.

ФРР – Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. 853, [11] с.

ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 420 с.

ФСРЛЯ – Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878, [2] с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2001. 512 с.

Список источников

1. *Алексеевко, Литвинникова, Белоусова, 2004* – Алексеевко М. А., Литвинникова О. И., Белоусова Т. П. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. 238 с.

2. *Баранов, Добровольский, 2016* – Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Ни два ни полтора: семантика неопределенности в русской идиоматике // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 32–45.

3. *Гвоздарев, 1977* – Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. 184 с.

4. *Давлетбаева, 2012* – Давлетбаева Д. Н. Внутримодельная вариантность фразеологических единиц // Известия Волгоградского педагогического университета. 2012. № 2 (66). С. 90–93.

5. *Диброва, 1979* – Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1979. 192 с.

6. *Жуковы, 2006* – Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.

7. *Зимин, 1972* – Зимин В. И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула: Тульск. гос. ун-т, 1972. С. 70–82.

8. *Ивашко, 1981* – Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 110 с.

9. *Каменцева, 2010* – Каменцева Т. В. О нормативном формоизменении фразеологической единицы // Вестник Югорского государственного университета. 2010. Вып. 2 (17). С. 47–49.

10. *Катермина, 2016* – Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков): монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 224 с.

11. *Кузнецов, 1960* – Кузнецов П. С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1960. 184 с.

12. *Кунин, 1988* – Кунин А. В. Асимметрия в сфере фразеологии // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 98–107.

13. *Лауфер, 1987* – Лауфер Н. И. Линеаризация компонентов сочинительной конструкции // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. М.: Наука: Главная редакция физико-математической литературы, 1987. 198, [1] с. С. 167–176.

14. *Ли, 1992* – Ли А. Д. Русские говоры Коми республики. Сыктывкар: Изд-во Коми пединститута, 1992. 106 с.

15. *Мокиенко, 1989* – Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.

16. *Молотков, 1977* – Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 239 с.
17. *Урманчеева, 2016* – Урманчеева И. С. Лексическое варьирование печорских фразеологизмов в сопоставлении с общерусскими // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета (Киров). 2016. № 4. С. 75–82.
18. *Урманчеева, 2017* – Урманчеева И. С. Ритмико-рифмическая организация как проявление конструктивной вариантности печорских и общерусских фразеологизмов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 125–134.
19. *Урманчеева, 2018* – Урманчеева И. С. Расширенный компонентный состав как проявление конструктивной вариантности фразеологизмов (на примере печорских и общерусских оборотов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 9: Филология. С. 43–52.
20. *Урманчеева, 2020* – Урманчеева И. С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 237–250.
21. *Хидирова, 2000* – Хидирова Г. Н. Вариантность фразеологических единиц (на материале фразеологических словарей русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент: Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, 2000. 22 с.
22. *Шанский, 1985* – Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

References

1. *Alekseenko, Litvinnikova, Belousova, 2004* – Alekseenko M. A., Litvinnikova O. I., Belousova T. P. Man in Russian dialect phraseology: a dictionary. Moscow: ITI TECHNOLOGIES, 2004. 238 p. (In Russ.).
2. *Baranov, Dobrovolsky, 2016* – Baranov A. N., Dobrovolsky D. O. Neither two nor one and a half: the semantics of uncertainty in Russian idiomatics. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii = Russian language in scientific coverage*. 2016. No. 2 (32). Pp. 32–45. (In Russ.).
3. *Gvozdarev, 1977* – Gvozdarev Yu. A. Fundamentals of Russian phrase formation. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov University, 1977. 184 p. (In Russ.).
4. *Davletbaeva, 2012* – Davletbaeva D. N. Intra-model variance of phraseological units. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd Pedagogical University*. 2012. No. 2 (66). Pp. 90–93. (In Russ.).
5. *Dibrova, 1979* – Dibrova E. I. Variation of phraseological units in modern Russian. Rostov-on-Don: Publishing house Rost. un-ta, 1979. 192 p. (In Russ.).
6. *Zhukovs, 2006* – Zhukov V. P., Zhukov A. V. Russian phraseology. Moscow: Higher school, 2006. 408 p. (In Russ.).
7. *Zimin, 1972* – Zimin V. I. On the question of the variance of phraseological units. Problems of stability and variance of phraseological units: materials of the interuniversity symposium (1968). Tula: Tuls. state un-t, 1972, pp. 70–82. (In Russ.).
8. *Ivashko, 1981* – Ivashko L. A. Essays on Russian dialect phraseology. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University, 1981. 110 p. (In Russ.).
9. *Kamentseva, 2010* – Kamentseva T. V. On the normative form change of the phraseological unit. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Yugorsk State University*. 2010. Issue. 2 (17). Pp. 47–49. (In Russ.).
10. *Katermina, 2016* – Katermina V. V. Human nominations: national and cultural aspect (based on Russian and English languages): monograph. Moscow: FLINTA: Nauka, 2016. 224 p. (In Russ.).
11. *Kuznetsov, 1960* – Kuznetsov P. S. Russian dialectology. Moscow: Uchpedgiz, 1960. 184 p. (In Russ.).

12. *Kunin, 1988* – Kunin A. V. Asymmetry in the sphere of phraseology. *Voprosy yazykoznaniya = Topics in the study of language*. 1988. No. 3. Pp. 98–107. (In Russ.).
13. *Laufer, 1987* – Laufer N. I. Linearization of the components of a coordinative construction. Modeling of language activity in intelligent systems / ed. A. E. Kibrika, A. S. Narinyani. Moscow: Nauka: Main edition of physical and mathematical literature, 1987. 198, [1] p. pp. 167–176. (In Russ.).
14. *Lee, 1992* – Lee A. D. Russian dialects of the Komi Republic. Syktyvkar: Publishing House of the Komi Pedagogical Institute, 1992. 106 p. (In Russ.).
15. *Mokienko, 1989* – Mokienko V. M. Slavic phraseology. Moscow: Higher school, 1989. 287 p. (In Russ.).
16. *Molotkov, 1977* – Molotkov A. I. Basic phraseology of the Russian language. Leningrad: Nauka, 1977. 239 p. (In Russ.).
17. *Urmancheeva, 2016* – Urmancheeva I. S. Lexical variation of Pechora phraseological units in comparison with common Russian ones. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta (Kirov) = Herald of Vyatka State University*. 2016. No. 4. Pp. 75–82. (In Russ.).
18. *Urmancheeva, 2017* – Urmancheeva I. S. Rhythmic-rhymic organization as a manifestation of the constructive variance of Pechora and all-Russian phraseological units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal. Philology*. 2017. No. 50. Pp. 125–134. (In Russ.).
19. *Urmancheeva, 2018* – Urmancheeva I. S. Expanded component composition as a manifestation of the constructive variance of phraseological units (on the example of Pechora and all-Russian turnovers. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of NGU. Series: History, Philology*. 2018. Vol. 17, No. 9: Philology. Pp. 43–52. (In Russ.).
20. *Urmancheeva, 2020* – Urmancheeva I. S. Dialect variants of common Russian phraseological units in the dialects of the Nizovaya Pechora. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2020. No. 4. Pp. 237–250. (In Russ.).
21. *Khidirova, 2000* – Khidirova G. N. Variation of phraseological units (on the basis of phraseological dictionaries of the Russian language): author. dis. ... cand. philol. Sciences. Tashkent: National University of Uzbekistan named after. Mirzo Ulugbek, 2000. 22 p. (In Russ.).
22. *Shansky, 1985* – Shansky N. M. Phraseology of the modern Russian language. Moscow: Higher school, 1985. 160 p. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Урманчеева Ирина Серафимовна

Irina S. Urmancheeva

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской филологии

Associate Professor of the Department of
Russian Philology

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, 167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167000,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

08.04.2022
25.04.2022
28.09.2022

Особенности перевода поэзии С. Есенина на финский язык Тойво Флинком

Чикина Наталья Валерьевна

Карельский научный центр Российской академии наук
г. Петрозаводск, Россия
tchikina@krc.karelia.ru

***Аннотация.** В данной статье проанализированы переводы восьми стихотворений С. А. Есенина на финский язык, выполненные Т. М. Флинком. Первые публикации переводов произведений Есенина на финском языке под авторством Флинка появились в карельской печати в сентябре 1985 года. Именно эти восемь переводов Флинка вошли в сборник русской лирики «Новые стихи России: 40 советских русских поэтов» (Петрозаводск, 1989).*

***Ключевые слова:** переводы, поэзия, финский язык, литература Карелии*

Финансирование: финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 121070800089-0

Для цитирования: Чикина Н.В. Особенности перевода поэзии С. Есенина на финский язык Тойво Флинком // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 72–78. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-72>.

Distinctive features in Toivo Flink's translations of S. Yesenin's poetry into Finnish

Natalia V. Chikina

Karelian Research Centre Russian Academy of Science,
Petrozavodsk, Russia tchikina@krc.karelia.ru

***Abstract.** This article analyzes the Finnish translations of eight S. Yesenin's poems made by T. Flink. The first publications of Flink's translations of Yesenin's works into Finnish appeared in Karelian press in September 1985. It is these eight translations by Flink that were included in the collected volume of Russian lyrics "Russia's New Poems: 40 Soviet-Russian Russian Poets" (Petrozavodsk, 1989).*

***Keywords:** translations, poetry, the Finnish language, literature of Karelia*

Funding: financial support for research was carried out from the federal budget for the implementation of the state task of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences No. 121070800089-0

For citation: Chikina N. V. Distinctive features in Toivo Flink's translations of S. Yese- nin's poetry into Finnish. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2022, 3: 72–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-72>.

Как известно, одной из целей художественного перевода является создание произведения, способного оказать художественно-эстетическое воздействие на читателя. М. Ю. Илюшкина отмечала: «Анализ переводов литературных произведений показывает, что для них типичны отклонения от максимально возможной смысловой точности в пользу художественного перевода» [Илюшкина, 2018, с. 12].

Автором данной статьи ранее анализировались методы перевода поэзии русского поэта С. Есенина на финский язык, выполненные А. Эйкия. Результаты сопоставительного анализа оригинала и перевода показали высокое качество переводов этих произведений, поскольку переводчику удалось выполнить все необходимые требования: сохранить конструкцию, стиль поэта, не просто передав смысл произведений, а точно зарифмовав их, несмотря на разницу между русским и финским языками [Чикина, 2021, с. 74].

Предметом исследования данной статьи стала литературная деятельность Тойво Михайловича Флинка (род. 1949). Он ярко проявил себя как поэт, переводчик, очеркист. Его стихи на финском языке стали публиковаться в Карелии в 1970-е годы. В настоящее время он проживает в Финляндии. Тойво Флинк известен своими переводами с русского на финский язык стихов Беллы Ахмадуллиной, Евгения Евтушенко, Осипа Мандельштама и других.

Первые публикации переводов произведений Сергея Есенина на финском языке под авторством Флинка появились в карельской печати в сентябре 1985 года. В газете «*Neuvosto-Karjala*» («Советская Карелия») были опубликованы стихи: «Не жалею, не зову...» (“*Enhän kaipaa enkä itke salaa...*”); «Заметался пожар голубой...» (“*Sinipalo käy valtoimenaan...*”); «Несказанное, синее, нежное...» (“*Kotiseutuni hellä ja hiljainen...*”), а в журнале «*Punalipppi*» («Красное знамя») восемь переводов произведений Есенина: «О верю, верю, счастье есть!..» (“*Oi uskon, onni sarastaa!..*”); «Не жалею, не зову...»; «Заметался пожар голубой...»; «Несказанное, синее, нежное...»; «Клен ты мой опавший...» (“*Vaahterani armas, lehdetön...*”); «Цветы мне говорят – прощай...» (“*Jäähyväisensä sanomaan...*”); «Над окошком месяц. Под окошком ветер...» (“*Taivaalta kuu paistaa, maasta tuuli henkii...*”); «В этом мире я только прохожий...» (“*Olen kulkija maailman tiellä...*”).

Флинк выступил составителем и переводчиком опубликованного на финском языке в издательстве «Карелия» сборника русской лирики “*Uuden runon Venäjä: 40 neuvostovenäläistä runoilijaa*” («Новые стихи России: 40 советских русских по-

этов», 1989). Именно в этом сборнике были опубликованы все перечисленные выше восемь переводов произведений Есенина.

Отметим некоторые особенности переводов этого сборника и кратко проанализируем их. Стихотворение “Oi uskon, onni sarastaa!..” («О верю, верю, счастье есть!..») открывает цикл переводов Есенина. Первая строфа переведена Флинком как:

Oi uskon, onni sarastaa!	Ой, я верю, счастье рассветает!
Ja päivä meille paistaa yhä.	И солнце нам все светит.
Ja aamun virsikirja pyhä	И псалтырь утром святой
nyt punaisena aukeaa.	Теперь красным открывается.
Oi uskon, onni sarastaa!	Ой, я верю, счастье рассветает! ¹

[Uuden runon Venäjä, 1989, с. 47]².

Есенин написал это стихотворение в 1917 году. Переводчик своим вариантом убеждает нас в добром начале революции, с надеждами, связанными с ней. Солнце является символом начала новой жизни. Для обозначения солнца Флинк использует слово “päivä”, в то время когда чаще используется слово “aurinko”, а сочетание “aurinko paistaa” (фин. «солнце светит») является классическим. В более поздних переводах Флинк изменил первую строку на “Oi uskon, uskon, onni saa!” («Ой, верю, верю, счастье может!»).

Стихотворение Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» переведено Флинком как “Enhän kaipaa enkä itke salaa...” (букв. «Не тоскую, не плачу тайно...»), в публикациях разных лет оно также претерпело изменения, что говорит о постоянном поиске переводчиком нужного слова. Все варианты выполнены Флинком достаточно удачно, мы остановимся лишь на трех наиболее интересных строках.

«И страна березового ситца» – образ сложный и оригинальный. Флинк имеет два варианта перевода: enkä enää kotikoivikoita (нет больше домашних березняков) и enkä koivikkojen kangasmailla (не на тканых землях березняков). Строка «Я теперь скупее стал в желаньях» тоже имеет два одинаково удачных варианта: minusta on tullut toivesaita (у меня получилась надежда скупая) и olen tullut toiveilteni saita (я пришел с моими надеждами скупыми).

На наш взгляд, более точен перевод 1985 года. Особенно последняя строка стихотворения “kukkia ja kuolla aikanaan” («цвести и умирать вовремя»), сравни с: “että kukit, kuolit aikanaan” («что цвел, умер вовремя»). У Есенина - «Что пришло процветать и умереть». Различия в переводах разных лет вызваны особенностью перевода реалий.

Л. С. Бардухаров давал следующее определение реалии: «Слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бардухаров, 1975, с. 95]. Болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин относят реалии к особым средствам выражения и по-

¹ Здесь и далее подстрочный перевод с финского Н. В. Чикиной.

² Далее переводы Т. Флинка без дополнительного указания цитируются по этому изданию, страницы указаны в круглых сносках в тексте статьи.

нимают под ними «слова и выражения, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе» [Влахов, 1986, с. 45].

Особенно интересны два перевода одного и того же стихотворения Есенина «Заметался пожар голубой», выполненные Флинком в разные годы. Изменения коснулись не только содержания, но и названия произведения: “Sinipalo käy valtoimenaan...” (1985) и “Siniliekissä harhaillessain...” (1989). За основу возьмем публикацию 1985 года. В более позднем варианте изменено шесть строк, включая название. Поскольку смысл, строфика и ритмика переданы переводчиком полно, обратимся к сравнительному анализу этих шести строк.

Строка «В первый раз я запел про любовь» переведена Флинком как «первый раз сейчас любить могу» (в более позднем варианте «пою о моей любви только»). Как мы видим, Есенин «запел про любовь», а у Флинка описано состояние первой влюбленности. Строка Есенина «разонравилось пить и плясать» переведена Флинком как «рюмку с трудом приносил с собой», причем в публикации 1985 года в предложение было внесено уточнение «теперь» – «рюмку с трудом теперь приносил с собой».

Первую строку пятой строфы «Я бы навеки забыл кабаки» Флинк сначала перевел как «оставить кабаки навеки мог», а затем «я кабаки могу забыть». Как мы видим, Есенин использовал условное наклонение, а Флинк в обоих вариантах ограничивается настоящим временем. Флинк уместно использует синонимы для более точного описания образа лирического героя, например “nöyгä” («покорный»), “alistuvainen” («смиранный»).

Самые большие изменения претерпело окончание стихотворения, поэтому ниже приводим оба варианта с переводом на русский язык, предварительно выделив курсивом различия:

Perässäsi käyn vaeltamaan,
Jos maan ääriinkin viet kotimaasta
Ensi kertaa nyt rakastaa saan,
Ensi kertaa en riitoja haasta.
[Jesenin, 1985, с. 119].

За тобой иду, странствую,
Если на край земли уведешь с родины,
первый раз сейчас любить могу,
первый раз мне не достает разговора.

Perässäsi nyt kulkiessain
kauas joutua voin kotimaasta,
laulan rakkaudestani vain,
ensі kertaa en riitoja haasta (С. 49).

За тобой *теперь шагаю*
долго я могу попасть с родины,
пою о моей любви только,
первый раз мне не достает разговора.

Оба варианта стихотворения позволяют сделать вывод, насколько широк кругозор переводчика, который не только постоянно работает над своими текстами, но и совершенствует свой личный перевод одного и того же произведения. Если разные переводчики могут «соревноваться» между собой в поиске нужного слова, рифмы, то здесь Флинк «соревнуется» сам с собой, предоставляя читателю возможность выбрать наилучший вариант.

Субстантивированные эпитеты, вынесенные в название стихотворения Есенина «Несказанное, синее, нежное...», обозначающие нечто неуловимое, беспредметное, переведены Флинком как “Kotiseutuni hellä ja hiljainen...” (букв. «Край мой нежный и тихий...»). К тому же оригинал произведения состоит из семи строф, а перевод из шести (пропущена третья строфа). Смысл стихотворения передан, а последняя строка переведена как «золотое мое время льняная голова!», хотя в оригинале она звучит как «золотая сорвиголова!». Здесь Флинк использовал прием переводческой компенсации, «когда не воспроизводится совсем или заменяется формально далеким тот или иной элемент подлинника, пропускается то или иное слово, словосочетание и т. п.» [Федоров, 1953, с. 59].

Стихотворение Есенина «Клен ты мой опавший...» в переводе Флинка “Vaahterani armas, lehdetön...” также имеет разницу в публикациях разных лет. Обратимся к анализу этого произведения и отметим наиболее интересные особенности. Образ клена, представленный Есениным в первых двух строках, имеет три характеристики: опавший, заледенелый, стоит нагнувшись. Флинк в своем переводе дополняет их. Его клен – дорогой, безлистный, обледенелый, сутулый и одинокий. В этом описании образ содержит качества, свойственные дереву и человеку.

В публикации 1989 года изменена есенинская строка «Утонул в сугробе, приморозил ногу». Первоначально она звучала как «утонул в том снегу, стоя в нем замерз». Более поздний вариант содержал личностные характеристики: «утонул, отчаянный, в снегу, стоя, бедняга, замерз». Необходимо отметить включение переводчиком в текст личных обращений, свойственных финнам: “*armas*” («дорогой/любимый»), “*raukka*” («бедняжка»). Здесь главной задачей переводчика стало сохранение национального своеобразия при переводе.

Клен в переводе Флинка пел песню вербе и сосне о счастье, а не о лете, как у Есенина. Особенно интересно окончание стихотворения, так как переводчик в публикациях разных лет поменял местами слова в предложении, сохранив смысл и рифму, но несколько изменив ритм произведения:

Koivun niin kuin vieraan vaimon suljin syliin   Березу, как чужую жену, обнимаю
[Jesenin, 1985, с. 120].

niin kuin vieraan vaimon koivun suljin syliin (С. 51)   Как чужую жену, обнимаю березу.

Стихотворение «Цветы мне говорят – прощай...» относится к циклу «Персидские мотивы» и в переводе Флинка звучит как “Jäähyväisensä sanomaan...”. Поэту удалось достаточно полно передать смысл произведения, внося лишь некоторые изменения в него. Так, в первой строфе Есенин говорит о том, что не увидит больше «ее лицо и отчий край», Флинк же уточняет: «я больше не увижу своей любимой / не увижу родины тоже». Далее во второй строфе идет обращение лирического героя непосредственно к любимой, однако Флинк обращается к цветку: «Ну что, цветок дорогой, сделаешь?» Возможно, любимая представлена у него в образе цветка, чей образ воссоздан данной метафорой и соответствует поэтическим традициям многих стран, в том числе и восточных, где распространен «язык цветов».

Стихотворение Есенина «Над окошком месяц. Под окошком ветер...» Флинк перевел как “*Taivaalta kuu paistaa, maasta tuuli henkii...*” (букв. «С неба месяц све-

тит, с земли ветер дует...»). В этом переводе автор особое внимание уделил эпитетам. Так, с тополя слетел последний лист, дорога дальняя (обозначена прилагательными “etäinen” и “kaukainen”) и все же близкая и нежная, песня хнычет и смеется, липа одинокая.

В стихотворении «В этом мире я только прохожий...» (“Olen kulkija maailman tiellä...”) переводчику довольно-таки сложно далась третья строфа. В публикациях разных лет она отличается, поэтому приводим оба варианта с переводом для сравнения, предварительно выделив изменения курсивом:

Heikoin suolatut tasangot armaat
koskee sydämeen samoin kuin suys
sekä poljetut kohtalot karmaat,
sekä murjottu neitseellisyys.
[Jesenin, 1985, с. 122].

Песком посолены равнины дорогие
Трогает сердце также как осень
Как вытопанные судьбы ужасные,
Как помятая девственность.

*Tasanko hiekalla maustettu
sydämeeni jää samoin kuin suys
sekä poljetun kohtalon pettu,
sekä murjottu neitseellisyys (С. 53).*

*Равнина песком приправлена
Мое сердце осталось таким же, как осень
Как сосновая кора, вытоптанная судьбой,
Как помятая девственность.*

Как известно, задачей переводчика является не только передать смысл произведения, но при этом сохранить форму и содержание оригинала. Используемые Флинком образы очень интересны, имеют национальную окраску и несколько отходят от есенинских.

Главной отличительной чертой всех переводов Флинка является его внимательное отношение к слову, постоянные эксперименты с ним, поиск подходящих эпитетов. Поскольку Есенин писал на русском языке, то переводы должны были соответствовать структуре этого языка, что и показывает творчество Флинка. Некоторые предложения точно построены в соответствии с грамматикой русского языка, а вот в более поздних вариантах переводчик пытался максимально сохранить смысл Есенина, но более склонялся передать структуру финского языка, особенно это проявилось в использовании слов и выражений. Опыт переводов послужил своеобразной школой для поэта.

Список источников

1. *Бархударов, 1975* – Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1975. 239 с.
2. *Влахов, 1986* – Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
3. *Илюшкина, 2018* – Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. М.: Флинта; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 80 с.
4. *Федоров, 1953* – Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. 335 с.
5. *Чикина, 2021* – Чикина Н. В. Поэзия С. Есенина в переводах на финский язык Армасом Эйкия // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2021. № 1. С. 74–79.

6. *Jesenin, 1985* – Jesenin S. ”Oi uskon, onni saa!..”; ”Enpä kaipaa enkä itke salaa...”; ”Sinipalo käy valtoimenaan...”; ”Kotiseutuni hellä ja hiljainen...”; ”Vaahterani armas, lehdetön...”; ”Jäähyväisensä kertomaan...”; ”Taivaalta kuu paistaa, maasta tuuli henkii...”; ”Olen kulkija maailman tiellä...”: runoja / suom. T. Flink // *Punalippu*. 1985. No 9. S. 118–122.

7. *Uuden runon Venäjä, 1989* – Uuden runon Venäjä: 40 neuvostovenäläistä runoilijaa / Laat. T. Flink. Петрозаводск: Карелия, 1989. 374 s.: kuv.

References

1. *Barkhudarov, 1975* – Barkhudarov L. S. Language and translation: Issues of general and particular theory of translation. Moscow: Intern. relations, 1975. 239 p. (In Russ.)

2. *Vlakhov, 1986* – Vlakhov S., Florin S. Untranslatable in translation. 2nd ed., corrected. and additional Moscow: Higher school, 1986. 416 p. (In Russ.)

3. *Ilyushkina, 2018* – Ilyushkina M. Yu. Translation Theory: Basic Concepts and Problems. Moscow: Flinta; Yekaterinburg: Publishing House Ural. un-ta, 2018. 80 p. (In Russ.)

4. *Fedorov, 1953* – Fedorov A. V. Introduction to the theory of translation. Moscow: Publishing house lit. to foreign yaz., 1953. 335 p. (In Russ.)

5. *Chikina, 2021* – Chikina N.V. S. Yesenin's poetry translated into Finnish by Armas Eikiya. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnyykh nauk = Bulletin of the Syktyvkar University. Humanities Series*. 2021. No. 1. Pp. 74–79. (In Russ.)

6. *Jesenin, 1985* – Jesenin S. ”Oi uskon, onni saa!..”; ”Enpä kaipaa enkä itke salaa...”; ”Sinipalo käy valtoimenaan...”; ”Kotiseutuni hellä ja hiljainen...”; ”Vaahterani armas, lehdetön...”; ”Jäähyväisensä kertomaan...”; ”Taivaalta kuu paistaa, maasta tuuli henkii...”; ”Olen kulkija maailman tiellä...”: runoja / suom. T. Flink. *Punalippu*. 1985. No 9. S. 118–122. (In Finn.)

7. *Uuden runon Venäjä, 1989* – Uuden runon Venäjä: 40 neuvostovenäläistä runoilijaa / Laat. T. Flink. Petrozavodsk: Karelia, 1989. 374 s.: kuv. (In Finn.)

Информация об авторе / Information about the author

Чикина Наталья Валерьевна

Natalia V. Chikina

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Candidate of Science (Philology), Senior research associate

Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр Российской академии наук
185910, Россия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre Russian Academy of Science,
11, Pushkinskaya st., 185910, Petrozavodsk, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

26.08.2022
30.08.2022
28.09.2022

Проблема использования электронного учебного пособия в социальном и педагогическом контексте современности

Шевяков Евгений Григорьевич¹, Маталова Светлана Валерьевна²

^{1,2} Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России),

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород Россия

¹ eugene131@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5262-083X

² svetvm@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8693-6680

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема использования электронного учебного пособия в современных условиях: маркетингизация и массовизация высшего образования, демократизация общественной жизни, глобализация, массовое внедрение дистанционного обучения в связи с пандемией COVID-19. Проблема анализируется в связи с явлением эмоционального выгорания из-за чрезмерного использования видеосвязи при дистанционном обучении. В статье предложена концепция электронного учебного пособия в форме электронного курса LMS Moodle. Высказано предположение о том, как электронный учебник может помочь бороться с эмоциональным выгоранием.*

***Ключевые слова:** электронное учебное пособие, электронный учебник, дистанционное обучение, система Moodle, эмоциональное выгорание*

***Для цитирования:** Шевяков Е. Г., Маталова С. В. Проблема использования электронного учебного пособия в социальном и педагогическом контексте современности // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 79–89. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-79>.*

The problem of the using electronic teaching aid in the social and pedagogical context of modernity

Evgeny G. Shevyakov¹, Svetlana V. Matalova²

^{1,2} Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, The Linguistics University of Nizhny Novgorod

¹ Nizhny Novgorod, Russian Federation,

¹ eugene131@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5262-083X

² svetvm@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8693-6680

Abstract. *The article concerns the problem of an electronic textbook at the pedagogical and social background of today: marketization and massification of higher education, democratization of social life, globalization, mass distance learning due to COVID-19 pandemic. The problem is considered together with “zoom fatigue” phenomenon, i.e. emotional burnout due to the excessive use of videoconferencing in distance learning. The idea of designing an electronic textbook on the basis of LMS Moodle course is formulated in the article. The hypothesis on how the emotional burnout can be coped with is put forth.*

Keywords: *electronic textbook, distance learning, LMS Moodle, emotional burnout, zoom fatigue*

For citation: Shevyakov E.G., Matalova S.V. The problem of using electronic textbook in the social and pedagogical context of modernity *Vestnik Syktyvkarского universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2022, 3: 79–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-79>

Введение. Цель статьи – рассмотрение роли электронного учебного пособия (в частности, электронного учебного пособия по иностранному языку) в период 2010–2020-х гг., характеризующихся серьезными переменами как в собственно педагогической сфере (введение в действие ФГОС 3 поколения, трансформация высшего образования во всем мире), так и в сфере социальной жизни (пандемия COVID-19 и ее следствия в виде локдаунов и массового перехода на дистанционное обучение).

Методы исследования. В ходе исследования использовались методы теоретического анализа отечественной и зарубежной лингводидактической и методической научной литературы по проблеме, методическое прогнозирование.

Результаты исследования и их обсуждение. Отечественное высшее образование на рубеже 2010–2020-х гг. претерпело самые серьезные изменения за весь постсоветский период. Эти изменения были обусловлены как мировыми тенденциями в развитии высшего образования, так и социальными потрясениями, главным из которых стала пандемия вируса COVID-19.

Еще до начала эпидемии в России уже в полную силу проявили себя такие мировые тенденции, как маркетизация и массовизация высшего образования, довольно давно обсуждаемые за рубежом [Maringe, Sing, 2014; Jayawardena, 2017; Kahl, 2013; Polkinghorne et al., 2017; Ahmed, 2016]. Отмечаются рост количества студентов на одного преподавателя, возросшая мобильность студентов. Это приводит к увеличению численности студенческих групп, что может негативно сказываться на качестве обучения [Maringe, Sing, 2014]. Одной из главных движущих сил, обусловивших такое развитие, исследователи называют процессы демократизации общества в разных странах мира.

Отечественные исследователи доковидного периода отмечали, что ведущими тенденциями в высшем образовании являются «глобализация, интернационализация, регионализация, коммерциализация, поликультурность, социальная и профессиональная мобильность, интеграция» [Мызрова, 2011], увеличение продолжи-

тельности времени общего образования, необходимость непрерывного образования (на протяжении всей жизни), индивидуализация высшего образования, повышение роли методологических знаний и аналитических навыков [Суворов, 2012]. Предпосылками такого развития отечественные исследователи называли не только демократизацию общества, но и возрастающую скорость научно-технического прогресса, а также интеграционные процессы, идущие в мире (глобализация).

Все это привело к тому, что в современном высшем образовании трансформируется сам базовый принцип взаимодействия преподавателя и студента. Традиционная, «иерархическая» модель сменяется диалогической. Педагогическое взаимодействие приобретает характер партнерства всех субъектов педагогического процесса. Педагогическая коммуникация становится двунаправленной, монолог преподавателя заменяется диалогом, где студент – равноправный участник [Zholdasbekov et al., 2017; Matthews et al., 2018].

Пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием для вузов всего мира, шоковой проверкой описанной системы на прочность и эффективность, как педагогическую, так и экономическую [Маталова, Шевяков, 2021]. Акцент на глобализации образования стал не таким выраженным, как раньше. Другим фактором, тормозящим развитие глобальной образовательной системы, становятся многочисленные взаимные санкции, уже превратившиеся фактически в новую холодную войну, а также многочисленные локальные и региональные конфликты.

Можно констатировать, что в целом система проверку прошла, проявив ту самую адаптивность, которую современные вузы призваны воспитывать в студентах. Локдаун и самоизоляция повлекли массовый переход вузов к дистанционному обучению и бурное развитие компьютерно-опосредованной педагогической коммуникации, как синхронной, так и асинхронной. В периоды между «волнами» пандемии происходит лишь смягчение карантинных мер в виде перехода от дистанционного к смешанному обучению, вследствие чего актуальность компьютерно-опосредованной коммуникации снижается незначительно.

Результатом локдаунов стал массовый переход вузов к дистанционному обучению и бурное развитие компьютерно-опосредованной педагогической коммуникации, как синхронной, так и асинхронной. В периоды между «волнами» пандемии происходит лишь переход от дистанционного к смешанному обучению, т. е. актуальность компьютерно-опосредованной коммуникации снижается незначительно. Вопрос о все более широком использовании компьютерно-опосредованной коммуникации ставился и до пандемии, когда серьезно увеличился (в соответствии с ФГОС-3) [Набок, 2018] объем самостоятельной работы студентов. Массовый переход на дистанционное обучение лишь предельно обострил проблему.

Обратной стороной такого интенсивного взаимодействия через посредство электронных устройств стал феномен «zoom fatigue», эмоционального выгорания вследствие постоянных видеоконференций, создающих дополнительную когнитивную нагрузку в процессе общения [Fauville et al., 2021; Peper, Yang, 2021]. Этот феномен можно считать родственным эмоциональному выгоранию, хотя в

отечественной педагогической литературе он еще не исследован. За рубежом также вышли лишь отдельные исследования, предлагающие подчас странные решения проблемы – так, рекомендуется преодолевать эту усталость от технологий еще большим погружением в виртуальную реальность [Gruber, 2021].

В педагогическом и социальном контексте современности электронные учебные пособия «становятся уже не вспомогательными, а основными учебными средствами, приобретая интеллектуальный и адаптивный характер. Однако многие из них обладают невысокими дидактическими качествами. Это связано с возникшим противоречием между возможностями цифровых технологий и слабой проработкой теории и практики создания электронных учебников, учитывающих предпочтения обучающихся, что актуализирует проблему поиска новых способов создания цифровых средств обучения» [Пак и др., 2020, с. 154]. Можно предположить, что с учетом эмоционального выгорания от видеоконференций, с одной стороны, у обучающихся возникает желание вернуться к нормальному межличностному общению, а с другой – на электронные учебники и учебные пособия сама собой ложится функция «нормального» взаимодействия с компьютером – как некоего «отдыха» от неестественного и чрезмерного общения через видеоконференции.

Существует множество определений электронного учебника (электронного учебного пособия):

- электронная модель образовательного процесса, который реализован в рамках определенной дидактической системы [Овчинникова, 2007]
- совокупность файлов, содержащих текстовые документы, рисунки и видеофрагменты (аудиофрагменты), системообразующим элементом (параграфом) которой является графическая наглядная конструкция, связанная с локальными информационными ресурсами и Интернетом [Селеменев, 2012];
- осуществленная электронная имитация процесса обучения, который организован в рамках определенной дидактической системы [Иванова, Шурпик, 2012];
- специальное устройство либо программное обеспечение, используемое в образовательном процессе и заменяющее собой традиционный бумажный учебник [Мусин, 2016];
- специализированный комплекс общих учебных программ с функцией контроля качества знаний на базе современных гаджетов, таких как планшет или планшетный компьютер, который содержит необходимую информацию по предметам образовательных дисциплин [Варенина, 2017];
- комплекс обучающих, контролирующих и тестирующих программ на базе ПК или планшета, содержащий всю необходимую информацию по тому или иному предмету [Пенно, 2016];
- электронное издание, где систематически изложены темы, дисциплины, различные разделы, которые выстроены с помощью обычных программ, которые предоставляют возможность поместить аудио-, видео-, графические файлы,

обеспечивающие непрерывность обучения и соблюдения всех дидактических принципов [Егорова, Сазонова, 2016];

- структурированная совокупность ЭОР, содержащих образовательный взаимосвязанный контент и предназначенных для совместного применения в образовательном процессе [Титова, 2017];

- интерактивная программа, содержащая в себе огромный массив теорий и практических упражнений [Ясюченя, 2017] и др.

Многообразие определений объясняется двойственной природой электронного учебника. С одной стороны, это программный продукт, относящийся к сфере информатики, а с другой стороны, он признается электронным изданием [Овчинникова, 2007] и подпадает под действие ГОСТ Р 53620-2009 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Электронные образовательные ресурсы». Наличие этих двух «полюсов» определяет типологию электронных учебных пособий: цифровая копия бумажного издания (электронная книга, обычно в формате pdf), гибридное учебное пособие (цифровое издание со ссылками на мультимедийные приложения или иные дополнительные материалы на сайте издательства), интерактивное мультимедийное пособие (как правило на онлайн-платформе) [Использование..., 2021].

Исследователями выделяются основные преимущества электронных учебных пособий:

- возможность улучшения обучающей среды за счет яркого и наглядного представления учебной информации, мультимедийное представление информации удваивает внимание, экономит 30 % времени, обеспечивает более длительное выживание знаний;

- интеграция больших объемов информации на едином носителе разгружает физически учащихся, наличие готовых наглядных материалов разгружает преподавателя;

- возможность построения дополнительного образовательного маршрута изучения материала, подачу материала с учетом индивидуальных особенностей и уровня знаний учащегося;

- возможность взаимодействия между учащимся и элементами структуры учебника, воссоздания приближенных к реальности условий труда учащихся;

- отслеживание и корректировка процесса изучения учебного материала (обратная связь «учитель – ученик»), быстрая обратная связь;

- ссылки на дополнительный материал к каждой теме обучения;

- оперативная корректировка содержания учебных материалов.

Отмечаются и недостатки этой формы учебных пособий:

- не обеспечивает активное участие учащихся на протяжении всего урока;

- сложность процесса оценки, в особенности творческих заданий;

- абсолютная тестотизация проверки знаний не способствует глубокому усвоению получаемых знаний;

- зависимость от электропитания;

- бумажный вариант учебника позволяет поддерживать длительность восприятия информации дольше, чем при работе с электронным учебником;
- необходимость большой предварительной подготовительной (методической) работы со стороны профессорско-преподавательского состава [Варенина, 2017; Пенно, 2017].

Отмечается, что электронный учебник в настоящее время не может полностью заменить бумажные учебники (отказ от них не способствует повышению эффективности организации образовательного процесса), однако разумное сочетание традиционных и электронных средств обучения признается эффективным [Варенина, 2017; Пенно, 2017].

Электронный учебник иностранного языка может быть определен как программный обучающий комплекс, доступный с любых мобильных и стационарных устройств и включающий интерактивные мультимедийные упражнения с возможностью выполнения непосредственно в учебнике, графические, аудио- и видеофайлы к каждому упражнению, систему автоматического оценивания результатов выполнения каждого упражнения, а также функционал для учителя, позволяющий отслеживать процесс выполнения упражнений как каждым учеником, так и учебной группой в целом [Замерченко, Кузнецов, 2018].

Исследователями предъявляются следующие требования к электронному учебнику иностранного языка:

- интеграция с одноязычным толковым и/или двуязычным словарем и мобильным приложением для работы с лексическим материалом между уроками;
- обширная «экосистема» для внеурочной деятельности по иностранному языку;
- полная автоматизация текущего, промежуточного и итогового контроля;
- автоматическое оценивание результатов обучения;
- персонализация учебного процесса;
- автоматизация проверки письменных работ;
- постоянный сбор обратной связи от ученика по каждому уроку и по каждому компоненту содержания учебника [Замерченко, Кузнецов, 2018].

Ранее исследователи говорили о необходимости автоматизации процесса разработки электронных учебных пособий [Овчинникова, 2007]. Развитие Интернета и программных продуктов дало в руки преподавателей такой инструмент в виде LMS типа Moodle. Обычно данные системы рассматриваются в качестве инструмента поддержки всей дисциплины, не случайно основной единицей таких систем является «курс». Однако система Moodle достаточно гибкая, чтобы «курс» можно было превратить в электронное учебное пособие, удовлетворяющее всем современным требованиям. Интеграция со словарем может быть достигнута с помощью встроенного инструмента «Глоссарий» (заполнение которого может стать одной из форм самостоятельной работы для студентов) или с помощью расширений для браузера. Автоматизация контроля и оценивания заложены в систему изначально. Обратная связь может быть налажена в форме анкетирования, форума и чата. Персонализация учебного процесса достигается путем

внедрения индивидуальных траекторий изучения дисциплины с помощью системы достижений. Возможности расширения «экосистемы» практически безграничны, поскольку она может включать любые ресурсы как локальной, так и глобальной сети. Развертывание и поддержание системы могут быть для вуза практически бесплатными (осуществляются силами собственных специалистов по информационным технологиям). Немаловажно и то, что сама система и основное ядро материалов (собственные разработки) находятся на сервере вуза и способны обеспечить учебный процесс даже при закрытии доступа к отдельным или даже всем материалам глобальной сети (такую возможность нельзя исключать в обстановке постоянных международных конфликтов и взаимных санкций между государствами).

Заключение. Электронные учебные пособия переживают период бурного развития вместе с дистанционным обучением в целом. Предпосылки этого были заложены еще в начале 2010-х гг. общим развитием мировой системы высшего образования. В период пандемии COVID-19 данная тенденция получила сильнейший стимул и реализацию, близкую к предельной. Наряду с позитивными эффектами такое развитие имело и негативные последствия, в частности чрезмерность компьютерно-опосредованной коммуникации, которая приводит к когнитивной перегрузке и эмоциональному выгоранию (zoom fatigue). Электронные интерактивные учебные пособия на основе LMS типа Moodle способны позволить обучающимся отвлечься от изматывающих видеоконференций, работая на компьютере в нормальном режиме, без излишней когнитивной нагрузки. Лучшей заменой видеоконференций будет обычная педагогическая коммуникация лицом к лицу с преподавателем – если позволит текущая эпидемиологическая и общественно-политическая ситуация.

Список источников

1. *Ahmed, 2016* – Ahmed, J. Massification to Marketization of Higher Education: Private University Education in Bangladesh. Higher Education for the Future. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 76–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/2347631115610222>
2. *Fauville et al., 2021* – Fauville G., Luob M., Queiroz A.C.M., Bailenson J.N., Hancock J. Zoom Exhaustion & Fatigue Scale // Computers in Human Behavior Reports. Vol. 4, August–December 2021, 100119. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100119>.
3. *Gruber, 2021* – Gruber A. Employing innovative technologies to foster foreign language speaking practice // Academia Letters. 2021. Article 178. DOI: <https://doi.org/10.20935/AL178>.
4. *Jayawardena, 2017* – Jayawardena D. The “MacBurger”, Non-State Universities and the Changing Landscape of Higher Education in Sri Lanka // Journal for Critical Education Policy Studies. 2017. Vol. 15. No. 3. Pp. 213–240. ISSN 1740–2743. URL: <http://www.jceps.com/wp-content/uploads/2017/12/15-3-7.pdf>
5. *Kahl, 2013* – Kahl D.H., Jr. Critical Communication Pedagogy and Assessment: Reconciling Two Seemingly Incongruous Ideas // International Journal of Communication. 2013. № 7. P. 2610–2630.

6. *Maringe, Sing, 2014* – Maringe F., Sing N., Teaching large classes in an increasingly internationalising higher education environment: pedagogical, quality and equity issues // Higher Education. 2014. Vol. 67. Issue 7. Pp. 761–782. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-013-9710-0>

7. *Matthews et al., 2018* – Matthews, K. E., Dwyer A., Hine L., Turner J. Conceptions of students as partners // Higher Education. 2018. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0257-y>

8. *Peper, Yang, 2021* – Peper, E., Yang, A. Beyond Zoom Fatigue: Re-energize Yourself and Improve Learning // Academia Letters. 2021. Article 257. DOI: <https://doi.org/10.20935/AL257>.

9. *Polkinghorne et al., 2017* – Polkinghorne M. Roushan G., Taylor J. Considering the Marketing of Higher Education: The Role of Student Learning Gain as a Potential Indicator of Teaching Quality // Journal of Marketing for Higher Education. 2017. Vol. 27. No. 2. Pp. 213–232 DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08841241.2017.1380741>

10. *Zholdasbekov et al., 2017* – Zholdasbekov A. A., Yesimkhanova N. A., Zholdasbekova B. A., Sakhieva F. A. Pedagogical communication as the important condition of the training process effectiveness // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. № 3.

11. *Варенина, 2017* – Варенина Л. П. Электронный учебник: за или против // КАНТ. 2017. № 4 (25).

12. *Егорова, Сазонова, 2017* – Егорова Т. А., Сазонова О. К. Определение понятий «электронный учебник» и «электронное пособие» и их характеристики // Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества. 2017. С. 174–177.

13. *Замерченко, Кузнецов, 2018* – Замерченко Н. И., Кузнецов А. В. Модель электронного учебника по иностранному языку нового поколения в условиях введения ФГОС и Профессионального стандарта педагога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1–2 (79).

14. *Иванова, Шурпик, 2012* – Иванова Е. М., Шурпик Л. П. Электронный учебник как средство информатизации процесса обучения в современном вузе // Информатика и образование. М., 2012. № 5.

15. *Использование..., 2021* – Использование электронных учебников в дистанционном обучении [Видеозапись]: вебинар для преподавателей русского языка как иностранного 03.11.2021. URL: <https://youtu.be/6dpHx12pXFk> (дата обращения: 03.11.2021)

16. *Маталова, Шевяков, 2021* – Маталова С. В., Шевяков Е. Г. Дистанционное обучение иностранных студентов в медицинских вузах России: pro et contra // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1. С. 147–54. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44920354> (дата обращения: 03.11.2021)

17. *Мусин, 2016* – Мусин Р. Ф. Электронные учебники как элемент системы электронного образования // Новые информационные технологии в образовании. Екатеринбург. 2016. С. 453–457.

18. *Мызрова, 2011* – Мызрова К. А. Современные тенденции развития высшего образования // Креативная экономика. 2011. № 9.
19. *Набок, 2018* – Набок Ю. В. Динамика объема самостоятельной работы студентов в ООП во ФГОС 3+: проблемы и перспективы (на примере факультета иностранных языков) // Поволжский педагогический вестник. 2018. №2 (19).
20. *Овчинникова, 2007* – Овчинникова, К. Р. Учебник и электронный учебник: исторический экскурс // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 8.
21. *Пак и др., 2020* – Пак Н. И., Потупчик Е. Г., Хегай Л. Б. Концепция трансформационных и перевернутых электронных учебников // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2020. № 17.
22. *Пенно, 2017* – Пенно М. А. Преимущества и недостатки электронных учебников // Концепт. 2016. № 07. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76090.htm>.
23. *Селеменев, 2012* – Селеменев С. В. Каким должен быть электронный учебник? // Информатика и образование. 2012. № 1.
24. *Суворов, 2012* – Суворов Н. А. Тенденции развития высшего образования в современном мире // Научный вестник МГТУ ГА. 2012. № 182.
25. *Титова, 2017* – Титова С. В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика / С. В. Титова. – М.: Эдитус, 2017. – 248 с.
26. *Ясюченя, 2017* – Ясюченя А. С., Леменкова А. С. Электронные учебники в процессе обучения иностранному языку. М.: МГПУ, 2017. С. 260–262.

References

1. *Ahmed, 2016* – Ahmed, J. Massification to Marketization of Higher Education: Private University Education in Bangladesh. *Higher Education for the Future*. 2016. Vol. 3. No. 1. Pp. 76–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/2347631115610222>
2. *Fauville et al., 2021* – Fauville G., Luob M., Queiroz A. C. M., Bailenson J. N., Hancock J. Zoom Exhaustion & Fatigue Scale. *Computers in Human Behavior Reports*. Vol. 4, August–December 2021, 100119. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100119>.
3. *Gruber, 2021* – Gruber A. Employing innovative technologies to foster foreign language speaking practice. *Academia Letters*. 2021. Article 178. DOI: <https://doi.org/10.20935/AL178>.
4. *Jayawardena, 2017* – Jayawardena D. The “MacBurger”, Non-State Universities and the Changing Landscape of Higher Education in Sri Lanka. *Journal for Critical Education Policy Studies*. 2017. Vol. 15. No. 3. Pp. 213–240. ISSN 1740-2743. Available at: <http://www.jceps.com/wp-content/uploads/2017/12/15-3-7.pdf>
5. *Kahl, 2013* – Kahl D. H., Jr. Critical Communication Pedagogy and Assessment: Reconciling Two Seemingly Incongruous Ideas. *International Journal of Communication*. 2013. No. 7. Pp. 2610–2630.
6. *Maringe, Sing, 2014* – Maringe F., Sing N., Teaching large classes in an increasingly internationalising higher education environment: pedagogical, quality and equity issues. *Higher Education*. 2014. Vol. 67. Issue 7. Pp. 761–782. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-013-9710-0>

7. *Matthews et al., 2018* – Matthews, K. E., Dwyer A., Hine L., Turner J. Conceptions of students as partners. *Higher Education*. 2018. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0257-y>

8. *Peper, Yang, 2021* – Peper, E., Yang, A. Beyond Zoom Fatigue: Re-energize Yourself and Improve Learning. *Academia Letters*. 2021. Article 257. DOI: <https://doi.org/10.20935/AL257>.

9. *Polkinghorne et al., 2017* – Polkinghorne M. Roushan G., Taylor J. Considering the Marketing of Higher Education: The Role of Student Learning Gain as a Potential Indicator of Teaching Quality. *Journal of Marketing for Higher Education*. 2017. Vol. 27. No. 2. P. 213-232 DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08841241.2017.1380741>

10. *Zholdasbekov et al., 2017* – Zholdasbekov A. A., Yesimkhanova N. A., Zholdasbekova B. A., Sakhieva F. A. Pedagogical communication as the important condition of the training process effectiveness. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3.

11. *Varenina, 2017* – Varenina L. P. Electronic textbook: for or against. *KANT*. 2017. No. 4 (25). (In Russ.).

12. *Egorova, Sazonova, 2017* – Egorova T. A., Sazonova O. K. Definition of the concepts “electronic textbook” and “electronic manual” and their characteristics. *Value orientations of youth in the conditions of modernization of modern society*. 2017. Pp. 174–177. (In Russ.).

13. *Zamerchenko, Kuznetsov, 2018* – Zamerchenko N. I., Kuznetsov A. V. Model of an electronic textbook in a new generation of foreign languages in the context of the introduction of the Federal State Educational Standard and the Professional Standard of a Teacher. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2018. No. 1-2 (79). (In Russ.).

14. *Ivanova, Shurpik, 2012* – Ivanova E. M., Shurpik L. P. Electronic textbook as a means of informatization of the learning process in a modern university. *Informatics and Education*. 2012. No. 5. (In Russ.).

15. *Using..., 2021* – Using e-textbooks in distance learning [Video recording]: webinar for teachers of Russian as a foreign language 03.11.2021. Access mode: <https://youtu.be/6dpHx12pXFk> (accessed 03.11.2021) (In Russ.).

16. *Matalova, Shevyakov, 2021* – Matalova S. V., Shevyakov E. G. Distance learning of foreign students in medical universities in Russia: pro et contra. *Humanitarian and social sciences*. 2021. No. 1. Pp.147–154. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44920354> (In Russ.).

17. *Musin, 2016* – Musin R. F. Electronic textbooks as an element of the system of electronic education. *New information technologies in education*. Yekaterinburg. 2016. Pp. 453–457. (In Russ.).

18. *Myzrova, 2011* – Myzrova K. A. Modern trends in the development of higher education. *Creative Economy*. 2011. No. 9. (In Russ.).

19. *Nabok, 2018* – Nabok Yu. V. Dynamics of the volume of independent work of students in the EEP in the Federal State Educational Standard 3+: problems and pro-

spects (on the example of the Faculty of Foreign Languages). *Volga Pedagogical Bulletin*. 2018. No. 2 (19). (In Russ.).

20. *Ovchinnikova, 2007* – Ovchinnikova K. R. Textbook and electronic textbook: historical digression. *Siberian Pedagogical Journal*. 2007. No. 8. (In Russ.).

21. *Pak et al., 2020* – Pak N. I., Potupchik E. G., Khegay L. B. The concept of transformational and inverted electronic textbooks. *Vestnik RUDN University. Series: Informatization of education*. 2020. No. 17. (In Russ.).

22. *Penno, 2017* – Penno M. A. Advantages and disadvantages of electronic textbooks. *Concept*. 2016. No. 07. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/76090.htm>. (In Russ.).

23. *Selemenev, 2012* – Selemenev S. V. What should be an electronic textbook? *Informatics and education*. 2012. No. 1. (In Russ.).

24. *Suvorov, 2012* – Suvorov N. A. Trends in the development of higher education in the modern world. *Scientific Bulletin of MSTU GA*. 2012. No. 182. (In Russ.).

25. *Titova, 2017* – Titova S. V. Digital technologies in language teaching: theory and practice. Moscow: Editus, 2017. 248 p. (In Russ.).

26. *Yasyuchenya, 2017* - Yasyuchenya A. S. Electronic textbooks in the process of teaching a foreign language. Moscow: MGPU, 2017. Pp. 260–262. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the author

Шевяков Евгений Григорьевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России) Россия, 693950, Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Маталова Светлана Валерьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков,

Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации Россия, 693950, Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1

Evgeny G. Shevyakov

Ph. D. in Philology, Foreign Language Department, Associate Professor, Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation 10/1, Minin and Pozharsky sq., Nizhny Novgorod, 603950, Russia

The Linguistics University of Nizhny Novgorod 31a, Minina st., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

Svetlana V. Matalova

Ph. D. in Education, Foreign Language Department, Associate Professor

Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation 10/1, Minin and Pozharsky sq., Nizhny Novgorod, 603950, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

17.04.2022
25.04.2022
28.08.2022

**ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ**
PUBLICATION OF SOURCES, REVIEWS, MATERIALS, MEMOIRS

Научная статья / Original article

УДК 94

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-90>

Вильгельм Ине

Римская история: народный трибунат и эдилитет¹
(*Ihne W. Römische Geschichte. Leipzig, 1893. 2 Aufl. Bd. I. S. 129–140*)

Перевод с немецкого А. А. Павлова, Н. А. Вуттке

Публикуется перевод одной из глав «Римской истории» известного немецкого антиковеда Вильгельма Ине, посвященной плебейскому трибунату и эдилитету. Изданный в конце XIX в. труд В. Ине, по сути, подводит итог большой работе, проделанной в немецкой историографии антиковедами, юристами, филологами по исследованию истории древнего Рима. Свою концепцию трибуната В. Ине ранее изложил в специальной работе², однако здесь он касается ряда вопросов, которые не поднимались им в статье, посвященной его созданию и первоначальным полномочиям.

Ключевые слова: *Вильгельм Ине, «Римская история», плебейский трибунат, эдилитет, римская магистратура, plebs, populus*

Для цитирования: Вильгельм Ине. Римская история: народный трибунат и эдилитет (*Ihne W. Römische Geschichte. Leipzig, 1893. 2 Aufl. Bd. I. S. 129–140*) / пер. с нем. А. А. Павлова, Н. А. Вуттке // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 90–100. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-90>.

Wilhelm Ihne

The History of Rome: Tribunate of the Plebs and Aedileship

Translation from German by Andrew A. Pavlov, Nikolay A. Vuttke

Abstract. *This issue of the Bulletin publishes the translation of one chapter from “The History of Rome” written by W. Ihne, a famous German classical scholar of Roman history. The*

© Перевод А. А. Павлова и Н. А. Вуттке.

¹ Все даты до н.э.

² *Ihne W. Ueber die Entstehung und die ältesten Befugnisse des Römischen Volkstribunats // RhM. 1866. XXI. S. 161–179.*

chapter is devoted to the tribunate of the plebs and the aedileship. This work, published at the end of the 19th century by W. Ihne, in fact, sums up the great work done in German historiography by classical scholars, lawyers and philologists on the history of ancient Rome. W. Ihne previously outlined his concept of the tribunate in a special work, but here he touches upon a number of issues that were not raised by him in the article on tribunate creation and its initial powers.

Keywords: Wilhelm Ihne, "The History of Rome", tribunate of the plebs, aedileship, Roman magistracy, plebs, populus

For citation: Wilhelm Ihne. The History of Rome: Tribunate of the Plebs and Aedileship Translation from German by Andrew A. Pavlov, Nikolay A. Vuttke. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2022, 3: 90–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2022-3-90>.

***

Вильгельм Ине (1821–1902) – немецкий филолог-классик и историк античности. Его перу принадлежит восьмитомная «История Рима»¹, доведенная автором до смерти Клеопатры, и ряд других сочинений².

Вильгельм Ине родился в Баварском городе Фюрт (Fürth). Изучал филологию в Бонне. Под руководством Ф. В. Ричля в 1843 г. защитил диссертацию, посвященную творчеству Теренция³, и получил степень доктора философии. После защиты работал сначала домашним учителем в Англии, с 1847 по 1849 гг. преподавал в классической гимназии в Вуппертале (Северный Рейн–Вестфалия), а затем до 1863 г. был директором школы в Ливерпуле. По возвращении в Германию читал лекции в Гейдельбергском университете, а в 1873 г. получил должность профессора этого университета. В настоящем выпуске публикуется перевод одной из глав первого тома его «Римской истории». Первое издание ее появилось в 1868 г. Для перевода нами использовано второе переработанное автором издание 1893 года.

Народный трибунат и эдилитет

[129] Падение царской власти привело к господству⁴ патрицианского сословия, точнее, была вновь восстановлена первоначальная родовая организация, которую разрушили Тарквинии. Патриции, занимая государственные magistratury

¹ Ihne W. *Römische Geschichte vom der Grundung Roms bis zum Kaiserthum.* Leipzig, 1868–1890. Bd. I–VIII.

² Ihne W. *Forschungen auf dem Gebiet der römischen Verfassungsgeschichte.* Frankfurt am Main, 1847; Ihne W. *Zur Ehrenrettung des Kaisers Tiberius.* Strassburg, 1892.

³ Ihne W. *Quaestiones Terentianae.* Bonnae, 1843.

⁴ Schwegler A. *Röm. Gesch.* II. 103: «Введенное после падения царской власти правление было определено правлением родовой аристократии». Уже Эд. Гиббон (*Decline&Fall.* Ch. 44) верно заметил: «Когда царская власть была свергнута, патриции завладели плодами свободы».

и входя в жреческие коллегии, заполняя исключительным образом сенат, имея господство и решающее значение в центуриях, обладая влиянием, связанным с крупными земельными владениями и поддержкой со стороны клиентов, противостояли бесправной массе плебеев [130] как господствующий слой землевладельцев. Если бы такое состояние сохранялось в течение длительного времени, то римское государство превратилось бы в бессильную олигархию, которая в короткое время пала бы под натиском враждебных соседей.

От этой опасности Рим был спасен благодаря решительному сопротивлению, которое плебс, как сословие, противопоставил единовластию патрициев. Сразу после свержения царской власти начинается внутреннее противостояние между патрициями и плебеями, которое – в противоположность ожесточенной партийной борьбе в большинстве греческих городов – характеризовалось относительным спокойствием, медлительностью и постоянством, вполне соответствующими медлительности, постоянству и практичности римлян.

Наши рассказчики, которые воспринимали патрицианский народ древних граждан через призму взглядов и состояния вещей позднего времени как малочисленную группу знати, оценивают ход выступления против Тарквиния и установление Республики как победу народной свободы, то есть плебейской свободы над тиранией. Они сообщают, что народ наслаждался вновь добытой свободой¹ и дружественной политикой со стороны патрициев, которые из политических соображений предоставили ему некоторые экономические послабления, дабы плебеи, вместе с патрициями, стали непримиримыми врагами изгнанных тиранов и противились вместе с ними всем попыткам Тарквиниев вернуть себе власть.

Сецессия плебса

Но лишь только опасность возвращения изгнанных царей исчезла, патриции показывают себя в подлинном свете – как бесчувственные и жестокосердные притеснители простого народа. Тотчас среди плебеев наступает ужасающая бедность и безграничная нужда. Вследствие частых войн, которые приводили к разорению их полей, уничтожению их усадеб, вследствие того, что ради военной службы плебеи вынуждены были оставлять свои занятия, гибли на войне, они оказывались в тяжелейшей долговой зависимости. Их кредиторы – патриции, которые с крайней суровостью использовали долговое право, изгоняли своих должников из их домов и лишали имущества; связанные цепями, должны они были томиться [131] в долговых тюрьмах, подвергаясь там телесным наказаниям.

Наконец, отчаяние понуждает бедноту к сопротивлению. Она отказывается от военной службы. И вот, когда вольски наступают на Рим, а сенат тщетно думает о сопротивлении, неистовствуют в городе сбежавшие из тюрем долговые рабы, наслаждаются бедствием своих мучителей. Тогда дружественный народу консул Сервилий пообещал должникам отсрочку от исполнения обязательств и защиту от насилия кредиторов, при условии, что они вступят в легионы. Его

---

¹ *Cic. Rep. I. 40, 62: vides mira quadam exsultasse populum insolentia libertatis.*

предложение было принято. Вольски были отброшены. Сабины и аврунки, которые в то же самое время начали войну против Рима, также были разбиты в ходе краткосрочного похода. После тройной победы войско вернулось обратно в Рим.

Но бедствие тотчас повторилось. Плебеи вновь были помещены в долговые тюрьмы и претерпели те же невзгоды от заносчивых патрициев. Риму угрожали новые войны. И вновь плебеи отказываются от службы. Только благодаря назначению М. Валерия диктатором сенат смог произвести набор войска. Валерий знал, как плебеев можно склонить к службе обещанием защиты от кредиторов. Десять легионов отправились под руководством диктатора и двух консулов против наступавших с трех сторон вольсков, эквов и сабинов. И вновь была одержана тройная победа. Но вместо того, чтобы распустить войско, они продолжают находиться под знаменами, чтобы быть обузданными посредством военного империя, так как никто не собирался положить конец долговому бедствию.

Наконец, терпение плебеев иссякло. Одно из набранных войск, отказавшись повиноваться, выступило в боевом порядке на некую гору на правом берегу р. Анио, находящейся в непосредственной близости от Рима, основало там укрепленный лагерь, угрожая вовсе отделиться от Рима.

Опасность состояла в том, что римское государство распадется и станет добычей постоянно и ревниво ожидающих того соседей. На сей раз сенат решил пойти на уступки. Он идет на переговоры с восставшими. Он убеждает их в необходимости примирения и готов принять [132] выставленное ими условие. Оно состояло в том, что сенат должен предоставить издревле существовавшим главам триб (tribuni plebis)¹ право защищать плебеев от произвола со стороны патрицианских магистратов и наделить их личной неприкосновенностью, находящейся под защитой религии и подкрепленных клятвой законов.

Приведенный рассказ, который представляет из себя выжимку из десяти объемных глав Ливия и шестидесяти восьми гораздо более пространных глав Дионисия², демонстрирует, на первый взгляд, безграничный произвол и неловкость анналистов. Несмотря на подробное, вплоть до мелочей, изложение³, на длинные речи, в которых Дионисий потрудился проявить свой риторический талант, особенно очевидными являются повторения и преувеличения – эти два самых простительных недостатка римских анналистов. Детали первого и второго года плебейского восстания описаны будто бы под копирку. В том и другом случае благодаря войску, составленному из долговых рабов, война, идущая на трех направлениях, заканчивается тройной победой. Десять легионов составляли армию, каковую Рим не мог собрать почти до времени Пунической войны⁴. Было бы утомительным и неуместным выявлять все отдельные детали хода событий, которые раздражают каждого, кто вынужден читать скучные и пространные речи Дионисия. Мы были бы довольны, если бы,

---

¹ См.: с. 137, прим. 2.

² Liv. II. 23–32; Dionys. VI. 22–90.

³ См. Schwegler A. R.G. II. 225 (прим. 3); 235.

⁴ Из указанного числа легионов можно определить приблизительно время, к которому относится рассказ. Это было, вероятно, не ранее второй Пунической войны.

наряду с произвольным изображением имеющих несущественных деталей, нашли бы разумное указание на действительный ход событий и ответы на вопросы, которые имеют непосредственное отношение к выступлению.

Но ни о времени восстания, ни о месте, где был заключен мир, ни о первоначально установленном числе трибунов, ни о способе их избрания наши источники не дают единодушной, ясной и правдоподобной информации.

Время сецессии

Что касается времени, то имеется только произвольное предположение, [133] что начало обнищания и недовольства плебса совпало со смертью Тарквиния, ибо, пока он был жив, должно было поддерживаться согласие между патрициями и плебеями по причине возможной реставрации его власти. Но и о годе смерти изгнанного царя можно вновь высказывать лишь предположения. Вся хронология этого периода достаточно произвольна и пребывает в полном хаосе, из которого невозможно извлечь ничего разумного¹.

Место сецессии

Место, где собрался восставший плебс и где был заключен мир с патрициями, очевидно, не суть важно, ибо не имеет существенного значения для истории сецессии. Но все же вызывает неприятное чувство то, что, в то время как основная традиция приводит в качестве такового Священную гору по ту сторону реки Анио, упоминается также и Авентин², а кроме того и оба эти холма³. Эти колебания указывают на шаткость традиции, которая тем подозрительней, что Священная гора должна была получить свое наименование от торжественного договора о мире между двумя сословиями и именно с ним должна была быть связана в народной памяти⁴.

Сведения о числе первоначально избранных трибунов колеблются между двумя и пятью⁵, и невозможно решить, какое число является более достоверным. Косвенная вероятность говорит в пользу двух плебейских трибунов как оппозиции двум патрицианским консулам, но всего через несколько лет коллегия народных трибунов насчитывала уже пять членов, при этом мы не знаем в точности, каким образом их число возросло с двух до пяти⁶.

Способ избрания трибунов

Наибольшее затруднение вызывает вопрос, каким образом избирались народные трибуны. На него, очевидно, сами древние не имели удовлетворительного ответа. В силу недостатка ясных свидетельств и какой-либо твердой традиции мы остановились на предположениях [134] и изложили по порядку все возможные способы избрания. Вопрос об избрании трибунов, хотя и имеет отноше-

---

¹ Ср. *Schwegler A. R.G. II. 98; 206; Mommsen Th. R.G. I. 273.*

² *Анналистом Пизоном (Liv. II. 32)*

³ *Cic. Rep. II. 33, 58.*

⁴ *Schwegler A. R.G. II. 235.*

⁵ Об источниках см. *Schwegler A. R.G. II. 270, прим. 3.* Согласно Диодору (XI. 68) их было четыре.

⁶ *Schwegler A. R.G. II. 271, прим. 1.*

ние лишь к краткому промежутку времени с 493 до 472 гг. и является в целом малозначительным, но, кажется, все же, не может быть оставлен без ответа и мы должны решительно заявить, что только плебеи в своем чисто плебейском собрании – *comitia tributa* – могли избирать своих представителей и защитников¹. На кажущемся противоречии законов Публилия остановимся позднее, когда перейдем к обсуждению этих законов.

Задолженность плебса

В качестве повода к восстанию почти единогласно признается задолженность плебса². Она описана в самых ярких красках. Можно было бы подумать, что весь плебс представляет собой толпу должников и находится в состоянии полного упадка и хозяйственной деградации.

Откуда, спрашивается, разом могло возникнуть такое бедственное состояние. Войны, конечно, могли подорвать положение крестьян, но как могли патриции, которые также имели земельные владения, избежать их последствий? Откуда они брали деньги, чтобы давать их в ссуду³? Рим не был торговым городом, и в то древнее время Республики имелись только тяжелые весовые медные деньги, так что невозможно представить себе денежные ссуды, предоставляемые в большом объеме⁴.

[135] Также нельзя, как это принято⁵, выводить задолженность плебса из обремененности налогами. Так как, во-первых, как уже отмечалось, в то время денежный налог (*tributum*) не был еще ни сколь-нибудь употребительным, ни значительным, и во-вторых, не ясно почему, хотя это и пытаются объяснить⁶,

---

¹ Подробнее см. ниже. Имело ли первое их избрание на Священной горе вполне законное основание, можно, конечно, сомневаться, но нет никакого основания отрицать возможность регулярного собрания триб, так как мы слышим о таковом в несколько более позднее время (359 г.), что они происходили вне Рима в военном лагере (*Liv.* VII. 16). Такое собрание войска (плебейское) по трибам было потому достаточно легким и естественным, что набор производился по территориальным трибам. Легион из 4200 человек состоял из отрядов по 200 человек от каждой трибы. Если из них исключались патриции, то проводилось по трибам плебейское собрание. Такое мероприятие могло рассматриваться также как не совсем правильное собрание центурий, так как оно представляло собой организованное по центуриям войско. Оно, конечно, не было подлинно центуриатным собранием, так как в нем отсутствовали патриции и *seniores*.

² Такова точка зрения большинства современных исследователей. Ср.: *Mommsen Th.* R.G. I. 273; *Schwegler A.* R.G. II. 209; *Lange L.* Röm. Alt. I. 434.

³ *Schwegler A.* R.G. II. 211: «Как объяснить обилие денег у патрициев, о котором традиция не имеет сведений».

⁴ Ср. *Lewis G.C.* *Credibility of Roman History.* II. 87. Нам трудно представить себе устройство общества, в котором бедные занимают деньги в больших объемах. См.: *Coulanges F.* *La cité antique.* P. 316; выше, с. 95.

⁵ *Liv.* II. 23.

⁶ Нельзя придумать более бессердечной изощренности в узаконенном угнетении посредством налогов, чем та (см. *Schwegler A.* R.G. II. 108; 210; 453; *Marquardt K.J.* Röm. Alt. III. 2. S. 128), которую приписывают патрициям. Говорят, что военный налог (*tributum*) брался только с земельной собственности. Но теперь плебеи имели больше земельной собственности, чем патриции, которые со своих владений, находившихся на *ager publicus*, не платили военного налога. Кроме того, долги плебея не учитывались при расчете облагаемого налогом базового имущества (позднее, по крайней мере, это было не так, ко времени [380 г.], когда у Ливия (VI. 27; 31) можно встретить случайное упоминание о взимании военного налога); плебей был ответственен за уплату налога и тогда, когда его кредитор получал во владение заложенную земельную собственность

налоговое бремя, если оно действительно существовало, должно было лежать на плечах бедняков. Это совершенно противоречило бы принципу центуриатного устройства, в соответствии с которым тяжкая ноша войн должна была лежать на плечах зажиточных граждан¹.

Но предположив, что большие массы плебеев находились тогда в постоянной задолженности, и как следствие этого, теряли собственность и свободу, правдоподобно ли то, что римские легионы могли комплектоваться из воинов, которые имели на себе свежие следы от пребывания в долговой тюрьме и от розог на их плечах и спинах? А понимая это, мог ли римский сенат безрассудно доверять таким людям, которые, после того как они испытали свою силу, приняли участие в сражении и разбили врага, вновь должны были вернуться в их долговые тюрьмы? Противоречия нагромождены в каждом элементе переданного в традиции рассказа. Но даже если попытаться приблизиться хоть к какому-то правдоподобию, отбросив имеющиеся преувеличения, мы можем прийти к ложному выводу. [136] Поэтому не только сама нищета плебса суть то, что вызывает нашу досаду, но мы должны усомниться, была ли вообще проблема долгов поводом к восстанию. Это сомнение основывается на том, что в процессе примирения партий не было и речи об устранении причины, которая должна была породить долговое бремя², а также на том, что с этого времени и до момента нашествия галлов о задолженности плебса не упоминается вовсе. В XII Таблицах мы не находим смягчения сурового долгового права. Неправдоподобно и то (о чем нет речи в традиции), что плебс в ходе своего восстания настаивал бы на его упразднении; поэтому мы не можем толковать это все таким образом, что долговая проблема была важной причиной восстания.

Повод к сецессии

Подлинный повод к сецессии можно искать только в общем политическом положении плебса³, каковое было описано выше⁴, либо также, прежде всего (а не исключительно и преимущественно) в его плохом экономическом положении, если таковое, однако, может быть вообще принято к рассмотрению. Плебеи были фактически бесправны, подчиняясь патрицианскому магистрату, не имея защит-

---

плебея и держал последнего в долговом рабстве. Патриций же, напротив, не платил налог ни с его земельных владений, находившихся на государственной земле, ни со своего капитала. То же практиковалось и в отношении иных случаев. Даже евреи в средневековье не терпели таких мучений, как в соответствии с этим устройством свободные плебеи, которые составляли основу римских легионов.

¹ *Liv.* I. 43: haec omnia in dites a pauperibus inclinata opera.

² Ливий ни разу не говорит об освобождении должников от долгов, о чем говорит Дионисий (VI. 83); согласно Цицерону, договор прямо устанавливал такую отмену (*Rep.* II. 34).

³ Этому соответствует то, что согласно Цицерону (*frg. Cornel.* 23) плебеи восстановили свои священные законы (*leges sacratas*). То есть, очевидно, те права, которыми они обладали прежде либо как клиенты (см. выше, с. 95, прим. 2), либо вследствие договора, заключенного при их присоединении к римскому государству (*Schwegler A. R.G.* II. 257).

⁴ Как говорит Цицерон (*frg. Cornel.* 23): *propter nimiam dominationem potentium*; *Rep.* II. 34: *ut potential senatus atque auctoritas minueretur*. *Sall. Frg. Hist.* I. 214 Gerl.: *nam iniuriae validiorum et ob eas discissio plebis a patribus aliaequae dissensions domi fuere iam a principio*.

ного средства провокации¹, опирались в крайнем случае на защиту патрицианского патрона как клиенты, но не могли притязать и на нее, если не были связаны ни с кем узами патроната. Они нуждались, таким образом, в официальном патроне, который охранял бы их права и мог противостоять всякому магистрату, если тот по отношению к ним выносил несправедливый приговор².

Должностная власть трибунов [137]

О сущности трибуната, который возник в результате сецессии, мы уже достаточно хорошо осведомлены³. Положение народного трибуна было столь отличным от положения прочих магистратов, что он в строгом смысле не может быть назван магистратом. Первоначально он был не официальным правозащитником плебеев, но правозащитником, имеющим только лишь право вето, относящееся к исполнению приказов или к изданию законов патрицианскими органами власти⁴. Чтобы их возражения были действенны, трибуны должны были лично противостоять тому магистрату, действиям которого они намеревались препятствовать. Представительство или письменный приказ не имели законной силы. Поэтому трибуны должны были всегда быть доступны их товарищам по сословию; двери дома трибуна должны были быть открыты днем и ночью, и он не мог отлучаться из города на целый день⁵. Последовавшее вскоре увеличение числа трибунов до десяти было поэтому шагом вперед в развитии плебейской свободы, так как нуждающийся в помощи мог быстрее найти для себя защитника⁶.

При высказывании своего возражения трибун не прибегал [138] к военной силе. Трибун вообще не имел отношения к войне и войску, он занимал совер-

---

¹ Это касалось только патрициев. Ср.: Über die Entstehung und die ältesten Befugnisse des Volkstribunats (Rhein. Mus. 1866. S. 161 ff.).

² Законом Валерия о провокации (с. 114) было установлено, что осужденный консулом мог добиваться решения суда народа. С этой целью вышеупомянутое лицо должно было обратиться сначала к коллеге консула, и только если тот заявит протест против решения своего коллеги и представит дело на рассмотрение народного собрания, то могло состояться решение народного суда. Правовой нормы о том, в каком случае и как должен интерцедировать названный коллега, не существовало. По этой причине в интерцессии всегда отказывалось, если проступок был очевидным или было сразу понятно, что решение народа будет лишь подтверждением предыдущего приговора. Конечно, если приговоренным был плебей, то названный коллега принявшего решение консула в интересах патрицианского сословия, к которому оба принадлежали, мог отказать плебею в интерцессии и народном суде. В таком случае после этого вмешивались трибуны и благодаря им это право апелляции становится теперь политически действенным правом и для плебса. — Естественно, с этим связан *lex Publilia* о трибунных комициях.

³ См.: Rhein. Mus. 1866. S. 161 ff.

⁴ Schwieger A. R.G. II. 256: «Плебс имел собственных руководителей издревле, ибо делами управления внутри плебейской общности, которыми позднее были заняты эдилы, никогда, конечно, не занимались патрицианские магистраты. Тем самым разгадка этого связана, очевидно, с тем, что плебс имел своих глав триб или трибунов с древнейшего времени». Так же рассуждает и Нибур (*Niebuhr B.G.* R.G. I. 642; II. 406; Vorträge über röm. Gesch. I. 241).

⁵ *Gell.* XIII. 12, 9 (tribunus) ius abnoctandi ademptum, quoniam ut vim fieri vetarent assiduitate eorum et praesentium oculis opus erat. *Plut.* Q.R. 81.

⁶ Если бы это была, как считает Моммзен (*Mommsen Th.* R.G. I. 283), «сомнительная победа», то можно было бы полагать, что плебеи плохо осознавали свою выгоду.

шенно особенную гражданскую должность. Его помощники, не имевшие, в отличие от лиц, связанных с консулом, ни пучка розог, ни топора, исполняли его приказы. Не имеется никакого лучшего свидетельства законопочитания, присутствующего всему римскому народу, чем то, что один такой наделенный полномочиями орган власти был способен использовать свои, направленные против господствующего сословия и его интересов, полномочия со столь незначительным числом произвольных нарушений, как это удавалось трибунам.

Lex sacrata

Укреплению должностной власти, которая была лишена каких-либо внешних средств принуждения, служила религия, которая всегда должна была помогать там, где наступал предел государственной власти. Законы о должностных правах народных трибунов именовались «священными законами» (*leges sacrae*), то есть они находились под особой защитой богов и были подкреплены произнесением торжественной клятвы. Трибуны именовались «священными и неприкосновенными» (*sacrosancti*), и каждый, кто оскорбил бы их или стал бы препятствовать их должностной деятельности, подвергался наказанию со стороны богов, и мог быть безнаказанно убит любым человеком. Такая норма, которая была намерена сделать законным нарушение мира, ставит контроль за порядком в государстве ниже гарантии власти, является, несмотря на все использованные при этом религиозные формулы и санкции, открытой раной, которая никогда не заживала, и которая только тогда была безопасной, пока тело было здоровым и крепким. Но как только тело становилось болезненным и слабело, она сильно воспалялась, и приводила государство к крайней опасности.

Тем самым, народный трибунал посредством внеправовой защиты, которой он пользовался, изначально был поставлен выше всякого закона; он становится могущественным рычагом поступательного внутреннего развития конституции посредством устранения заложенных в ней ограничений. Развитие свободы первоначально имело совершенно разрушительный характер; она стремилась устранить привилегии и ограничения; но впоследствии проблема применения силы в отношениях между людьми ослабла и должна была в конечном итоге сойти на нет. После того как плебс в государственно-правовом отношении был приравнен к патрициям, народный трибунал выполнил свою задачу и утратил право на свое дальнейшее существование. [139] Однако он продолжил существовать и далее, полностью изменив свою внутреннюю сущность, хотя и мало при этом изменившись в своих внешних проявлениях; трибунал в значительной мере поспособствовал ослаблению Республики и установлению монархии.

В первые годы своего существования трибунал в своей деятельности был ограничен весьма скромными рамками. И когда наши рассказчики повествуют о трибунских обвинениях и осуждениях, например, в рассказе о Кориолане¹, а

---

¹ Подробное доказательство находится в Rhein. Mus. 1866. S. 181 ff. Именно так в «Римском государственном праве» Т. Моммзена (RStR. II. 288, прим. 1), в то время как в своей «Римской

также о всеобщей обязательности законов, которые принимались плебсом по предложению трибунов, то это есть ничто иное как обычное перенесение более поздних воззрений на древнейшее время, но в праве законной защиты, которым трибуны обладали благодаря возможности препятствовать любым должностным действиям магистратов, находился зародыш их поздней власти. Очевидно, что если они могли брать под свою защиту любого отдельного плебея против всякого приказа магистрата, то их вмешательство делало бездейственным сам приказ. Поэтому вскоре их деятельность от помощи отдельным лицам расширяется до вмешательства против решений магистратов и сената, и они достигают власти, способной парализовать все государственные органы, но это власть, которая, как это имело место при уплате налогов, никогда не должна была действовать как реальная сила, а лишь как средство угрозы. Эту власть трибуны использовали умеренно, и таким образом, учреждение этой должности существенно способствовало развитию государства тем путем, который оно однажды выбрало.

Несмотря на огромную дистанцию между всеми античными и современными порядками, все же есть основания провести аналогии между причинами, которыми римские плебеи и английские общины обязаны своей свободой. В Англии это была возможность распоряжаться казной государства, а средства ее были всегда необходимы королю на ведение войны, так как не бывает никакой войны в новое время без денег. В древности войско имело очень большое значение. Однако и в Риме трибуны в силу интерцессии имели право защищать всякого плебея¹ во время набора и тем самым препятствовать самому набору. Таким образом, они получили в свои руки власть и стали реформаторами конституционного порядка.

Одновременно с народным трибунатом была установлена вторая плебейская должность – эдилитет². Эдилы, конечно, как и трибуны являлись ранее существовавшими должностными лицами плебса, признанными, наконец, государством. Это были помощники трибунов подобно тому, как квесторы были должностными лицами при консулах и находились в их подчинении. Как и трибуны, они были наделены неприкосновенностью (*sacrosancti*)³.

истории» (R.G. I. 275) он пишет: «Это осуществлялось посредством суда Линча». Так же и в его «Римских исследованиях» (R.F. I. 179). Иначе у Э. Херцога (Röm. Staatsverfassung. I. 156).

¹ Защита отдельных плебеев против произвола при призыве на военную службу была, вероятно, одним из важнейших видов деятельности народных трибунов. Этим правом они зачастую пользовались, как следует из Ливия. Даже в 171 г., когда трибуны утратили свой первоначальный характер патронов плебса, они использовали *veto*, чтобы предотвратить несправедливые действия магистрата при наборе (*Liv.* XLII. 32, 7). Когда в 275 г. консул Маний Курий при наборе натолкнулся на неповиновение, возможно, он стал первым, кто отказавшегося от набора, схватил и продал как раба. Наказанный подобным образом напрасно обращался к трибунам за помощью. Эта защита могла бы быть произведена, если бы они нашли это необходимым (*Val. Max.* VI. 3. 4).

² *Gell.* XVII. 21, 11: *tribunos et aediles tum primum per seditionem sibi plebes creavit. Fest.* P. 230; *Di-onys.* VI. 90; *Zonar.* VII. 15. Ливий по недоразумению упустил момент установления должности эдилов. Он упоминает их впервые (III. 6, 9) уже как существующих.

³ *Mommsen Th.* RStR. II. 443 ff.; *Schwegler A.* R.G. II. 273.

Информация об авторах / Information about the authors

Андрей Альбертович Павлов

Andrey A. Pavlov

кандидат исторических наук, доцент, за-
ведующий кафедрой истории России и
зарубежных стран

ResearcherID: E-7115-2016

Candidate of History, Associate Professor of
Department of history of Russia and foreign
countries

ResearcherID: E-7115-2016

Сыктывкарский государственный уни-
верситет имени Питирима Сорокина,
167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский
пр., 55

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167000,
Russia

Вуттке Николай Анатольевич

Nikolay A. Vuttke

кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков

Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of foreign languages

Сыктывкарский государственный уни-
верситет имени Питирима Сорокина,
167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский
пр., 55

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167000,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

17.04.2022
14.05.2022
28.09.2022